

A woman with long blonde hair, wearing a white, strapless, floor-length gown, is lying down in a stone archway. She is looking towards the camera with a slight smile. The archway is made of rough-hewn stone and has a wooden structure above it. The background is a warm, reddish-brown wall. The overall mood is romantic and ethereal.

Грешные

дела

РАЙНУН ТОМАС

Ослепительный дебют Райнона Томаса — завораживающая Спящая красавица и что было после «долго и счастливо». Спустя сто лет, как она уснула, принцессу Аврору разбудил поцелуй прекрасного принца сломленного королевства, что мечтало о её возвращении. Всюду говорят, что она должна жить долго и счастливо. Но Аврора понимает, что это лишь сказки. Её семья давно мертва. Истинная любовь — чужак. Жизнь была спланирована политическими противниками, пока она спала. Когда Аврора пытается разобраться в новом мире, она начинает опасаться, что проклятие оставило след на ней — пламя и опасность, что она может быть столь порочной, как ведьма, отравившая её. Свадьба приближается. Аврора должна решить, как сохранит королевство — выйдет замуж за принца или сбежит. Райнон Томас сплетает яркие сцены действия, романтики и образов, чтобы показать богатый воображаемый мир... и ту спящую красавицу, которую вы никогда ещё не встречали.

Райнон Томас

Грешные дела

Над переводом работали:

Переводчик: Габриэла Бейбарсова

Редактор: Елена Котова

Перевод предоставлен группой

Falling Kingdoms | Translation books

Она проснулась от поцелуя.

Не то чтобы этот поцелуй был похож на остановку сердца, пение птиц или же конец света. Просто лёгкое прикосновение к губам.

Аврора открыла глаза.

Незнакомец навис над нею. Парень. И он смотрел на неё.

— Я сделал это, — сказал он. — Я вправду сделал это.

Аврора закричала.

Парень отпрянул назад, и Аврора в панике отползла на другую сторону кровати. Её ноги коснулись пола, и колени подогнулись. Левой рукой она больно ударилась о камень. Солнце буквально выжигало глаза.

— Прости, — промолвил парень. — С тобой всё хорошо?

Станный. Станный парень. В её спальне. Поцеловавший её во время сна. А потом... извинившийся?

— Принцесса?

Она посмотрела на свою руку. Повела плечом. А что бы вы сделали, если бы извиняющийся незнакомец вдруг ворвался в вашу комнату и поцеловал вас? Ей казалось важным найти верный ответ, вести себя так, как этого хотела бы её мать, но разум окутало дымкой, а камень, казалось, вибрировал под её пальцами. Или так билось её сердце.

— Я принц Родрик, — сказал незнакомец, когда она не ответила. — Сын короля Джона Третьего, будущий король... — он запнулся. — Я имею в виду, Родрик. Можешь называть меня просто Родрик. Если хочешь.

Нет, она не будет разговаривать с ним, сидя на полу. Аврора ухватила за край кровати и встала на ноги. Мир вздрогнул и поплыл.

— Мне всё равно, кто ты, — сказала она. — Что ты делаешь в моей комнате?

Он стоял неподвижно, словно ребёнок, старающийся не спугнуть олененка, или который боялся, что этот олень может оказаться медведем и отгрызть ему руку, прежде чем он успеет моргнуть.

— Ну, я... Я тут, чтобы спасти тебя.

— Чтобы спасти меня?!

Парень всё ещё смотрел. Он не казался угрожающим: долговязый, с открытым лицом и светло-каштановыми волосами, торчащими во все стороны, но, несмотря на внешний вид, он явно был безумен. Аврора отступила на шаг, еле удержавшись на ногах.

— Я позову охрану!

— Подожди, — парень — Родрик, — двинулся к ней, протянув руку. Он опустился на колени по ту сторону кровати. — Ты не помнишь?

— Что не помню? — она сделала ещё один шаг назад, но ноги подкосились и она споткнулась. Платье потянуло её вниз — не ночная рубашка, как она думала, а тяжёлый шёлк, словно она готовилась к балу и задремала по пути. От осознания этого мурашки пробежали по коже.

— Пожалуйста, будь осторожна, — промолвил он, — ты можешь быть слаба.

— Я могу? — спросила она, отступая и прижимая ладони к стене, чтобы устоять. — Почему это?

— Из-за заклинания.

Она замерла.

— Ты околдовал меня? — паника поднялась к горлу, приковывая её у месту, но девушка заставила себя гордо вздёрнуть подбородок, сопротивляясь. Она надеялась, что её дрожь будет незаметна. — Ты работаешь с ведьмой Селестиной?!

— Нет! — он обошёл кровать. В ответ на это она прижалась к стене, пытаясь сохранить дистанцию. — Ничего подобного! Я пришёл... Я пытался разрушить чары... Я... Я помогал!

Ничто не могло разрушить чары, только время. И конечно, смущающие незнакомцы, представляющиеся принцами и не понимающие, что нельзя целовать принцессу, пока она спит тоже не могли это сделать. Девушка подошла ближе к двери, но вдруг запуталась в подоле юбки, и снова врезалась в стену. Это было бальное платье, как она поняла, что мама заказала на её восемнадцатилетие, на праздник её свободы. Свободы от магии, от проклятия. Но если этот дневной свет снаружи...

— Бал, — промолвила она. — Вчера ночью. Это значит...

Она совершеннолетняя, она сбежала, она свободна!

— Ты уколола палец, — сказал Родрик, надеясь, что она поймёт его. — Ты уснула.

Она не помнила. Она готовилась к балу, была счастлива, что проклятие сломлено, а после... что-то мелькнуло в её голове. Пение. Она вспомнила пение, свет, башню, до которой нельзя дойти. Женщина с размытыми чертами лица. И едва ощутимый укол.

Она посмотрела на свою руку. Капелька крови все еще оставалась на подушечке указательного пальца. Она убрала её, размазывая кровавое пятнышко.

— Почему ты поцеловал меня?

— Легенда, — сказал он, словно это имело смысл. Она посмотрела на него, медленно покачивая головой. — Поцелуй истинной любви! — добавил он, когда она промолчала. — Принцессе суждено выйти замуж и жить долго и счастливо с тем, кто разбудит её поцелуем.

Настоящая любовь? Судьба? Может, он и вправду сумасшедший?

— Я ничего об этом не знаю, — отрезала она.

— Но легенда...

— Какая легенда? О чём ты говоришь?

— Легенда о тебе, принцесса, — отозвался он. — О спящей красавице.

У нее ужасно болел палец. Она зажала его в ладони, пытаясь ихбавиться от боли, но парень, то есть принц, всё ещё смотрел на неё, словно не мог поверить, что она здесь, и он понятия не имел, что делать дальше

— Не существует легенд обо мне.

— Они есть, принцесса! — Родрик сделал ещё один шаг вперёд. Он лучился рвением, словно что-то могло проясниться. — Все тебя любят. Ты не можешь представить себе, сколько удивительного произойдёт теперь, когда ты проснулась!

— Проснулась? — она прижала руку к стене, чтобы не упасть.

— Мы пытались раньше тебя разбудить, конечно, — быстро отозвался Родрик. — Многие пытались сделать это долгие годы. Но не сработало. До сегодняшнего дня. — Его щёки покраснели. — Не думаю, что это из-за меня... Я имею в виду, что я рад, что так вышло, но... Я обычно не герой.

Долгие годы?

— Как долго я спала? — осторожным, спокойным голосом спросила она, словно это было не важно, она знала ответ и хотела лишь проверить.

— Мы пытались, — снова сказал он. — Но это было давно... — он заикался, тянул слова как-то неопределённо. — Всё длилось дольше, чем мы ожидали... Не всегда, но некоторое время...

Не всегда. Некоторое время. Он рассказывал то же, что и отец, когда запер дверь в её башню и сказал, что ей нельзя заходить в другие части замка. Это опасно. Ей нужно оставаться здесь для защиты. Некоторое время, говорил он, хмурясь, и утешительно улыбался. На некоторое время.

Это было восемь лет назад. А потом она уснула.

— Скажи мне, — прошептала она, подойдя ближе. — Как долго я спала?

Он отвёл взгляд, и тишина повисла между ними.

— Сто лет.

— Сто лет? — повторила она, пытаясь ухватиться за слова, что ничего не значили сейчас.

— Ну... Сто два.

Но всё казалось таким же. Её книга всё ещё была открыта на столе. Свеча наполовину сгорела, воск застыл на подсвечнике. Каждая вещь осталась там же, где и вчера, в день её восемнадцатилетия, когда она расчесала свои волосы, надела новое платье и радовалась, что скоро выйдет в мир. Вчера.

— Нет, — сказала она, покачив головой, и волосы коснулись шеи. — Ты врёшь.

— Принцесса... — он потянулся к ней, но она отпрянула.

— Ты с ума сошёл, — она не верила. Воздух был тяжёлым и затхлым. Она шагнула к двери и открыла её.

Всё выглядело заброшенным. Пыль покрывала всё: от маленького стола напротив лестницы, что висела вниз, и до подоконника. Следы Родрика вели к её двери, и дверь была отворена, словно многие другие повторяли эти действия. Паутина висела по углам, а гобелен, со вздыбившимся в лесу единорогом, был поеден молью.

— Принцесса...

Она отпустила дверную ручку, и дверь со скрипом захлопнулась. Невозможно. Это невозможно. Трюк. Она отходила снова и снова, потом развернулась и рванула к окну, чтобы глотнуть свежего воздуха и увидеть лес.

Всё изменилось. Город простирался до самого горизонта, сколько хватало глаз. Солнце скользило по красным крышам, все смешалось среди каменных дорог. Воздух гудел болтовнёй и смехом.

Мир появился в одно мгновение.

— Принцесса? — шепнул Родрик. — Всё в порядке?

Она не ответила. Кончик пальца пульсировал. Всё пропало. Всё...

— Где моя семья? — шепнула она, пытаюсь подобрать слова, словно те могли взорваться и всё разрушит. — Они тоже спят?

Тишина сломилась гулом города. Она смотрела туда, на людей, что неслись по дороге. Она не хотела больше говорить об этом, не хотела спрашивать, но молчание затянулось, а каждый вдох причинял ей слишком сильную боль.

— Родрик, — она впиалась пальцами в подоконник, сжимая его, пока не побелели костяшки пальцев. Хотелось улететь из тела, подальше от удушающих камней. — Где моя семья?

— Сожалею, принцесса... — сказал он. — Они умерли. Давным-давно.

— Они умерли, — повторила она. Бессмысленные слова. Как семья, весь твой мир, может пропасть, пока спишь? Это не смерть, со старением, болезнями, болью, горем, они просто пропали. Потерялись несколько десятилетий назад, когда она была молода и неизменна. Она убрала руки с подоконника и посмотрела на свою бледную кожу.

Было ли это сном или шоком, или слабостью, но она не могла пошевелиться, словно всё ещё спала. Она не кричала. Не плакала. Витой локон упал на грудь, а когда она посмотрела вверх, свет обжёг глаза.

— Сожалею, — вновь промолвил Родрик.

Она не ответила.

— Мы должны спуститься вниз, — повторил он. — Все ждут.

— Все?

— Ну... суд. Моя семья. Не так много, как ты можешь надеяться, но...

Она повернулась, и волосы скользнули по шее. У парня было нежное лицо, и он даже казался красивым.

— Твоя семья? — спросила она. Её семья мертва.

Он улыбнулся немного обнадеживающе.

— Они могут стать и твоей семьёй.

Она смотрела на него.

Он покраснел.

— Нам пора идти, — он протянул руку.

— Да, — медленно ответила она, хватаясь за слова. Ноги заплетались, так что она положила руку на изгиб его локтя, так непринужденно, как могла. Его одежда казалась мягкой под кончиками пальцев.

— С тобой всё в порядке?

— Да, — это было всё, что она могла сказать.

Родрик склонил голову.

— Сюда.

Как будто она нуждалась в подсказке.

Пыль осела на губах и ресницах, пока они шли. Серое облако поднималось каждый раз, когда Аврора делала шаг или клала руку на перила. В горле першило, и она закашлялась.

Они спускались по лестнице, круг за кругом, пока не закружилась голова. Лестница становилась всё чище. Пыль пропадала. На стенах висели новые гобелены. На одном из них золотоволосая девушка целовала принца под свадебной аркой. Спустя несколько шагов та же девушка спала в огромной кровати, освещённой заревом тысячи фей. А после сидела перед прялкой, подняв палец. Аврора остановилась и смотрела на палец. Грубые нити зацепились за ноготь.

— Это я?

— Да, — сказал Родрик. — Эти подарки для тебя. Но я не знаю, от кого.

Аврора поняла голову, пытаясь рассмотреть свадебный гобелен в самом верху лестницы. Её будущее, как думали другие.

Они пошли дальше, пока развалины не стали почти художественными. Паутина оставалась в углах, но не перекрывала лестницу, и не было пауков рядом. Камни лишь немного покрылись пылью, и факелы освещали путь.

— Кто-то тут убирал, — сказала она.

— Никто не пользовался башней в эти годы, — ответил Родрик. — Но люди иногда приходили, — он говорил быстро и немного громко, и голос заполнял тишину. — Не затем, чтобы... чтобы разбудить, конечно... Это только принцы и... Людям нравилось. Есть предания, на самом деле, — добавил он. — о входе в башню. Только восемнадцатилетний юноша в свой день рождения может подняться по лестнице. Остальные должны ждать внизу. Если его провожают или кто-то беспокоит тебя, ты никогда не проснёшься. Но некоторые люди смотрели. На гобелены. И лестницу.

Аврора опустила взгляд в пол. Тысячи крошечных иголок, будто бы вколотые в ее голову, мешали сосредоточиться. Она не могла придумать ответ.

Тяжёлая деревянная дверь ждала в конце лестницы, перекрывая все звуки. Аврора смотрела на неё. Она не выходила за неё все эти годы, ведь отец решил, что остальной замок небезопасен для девушки. Это продолжалось слишком долго. Целую жизнь. Двери открывали выход, путь к свободе из её тихой жизни. Куда же они ведут теперь?

Рука Родрика скользнула к латунному молотку. На одно мгновение она повисла в воздухе, а после парень кивнул и толкнул дверь. Она отворилась лишь на дюйм, заколебалась, будто не уверенная в том, стоит ли открываться или же лучше захлопнуться.

— Ну? — в щель прорвался резкий голос. — Она очнулась?

— Да, — сказал Родрик, и его голос дрогнул. — Да, — он повторил увереннее. — Она очнулась.

Дверь открылась. Аврора моргнула, дрожащей рукой закрывая лицо.

Перед ними стояла женщина. У неё было продолговатое, костлявое лицо, коричневая кожа и гладкие чёрные волосы, затянутые на затылке в сложный узел. Она смотрела на Аврору, приоткрыв рот, холодные глаза скользили по ней, словно выискивая доказательства, что она нереальна.

— Так это правда, — сказала она недоверчиво. — Принцесса проснулась.

Пауза. Шум возбужденных голосов становился все громче и громче, они перекликались и дребезжали в голове Авроры. Толпа ждала ее за дверью.

За всю жизнь Аврору окружало не более десяти человек. Её родители, горничная, её

стража, иногда иностранные гости, когда она была младше, прежде чем отец слишком испугался. Все они умерли.

Женщина схватила Аврору за руки и потащила вперёд, через порог башни в коридор. Аврора то и дело дергалась, пытаясь вырваться из цепких рук, но та не отпускала.

Высокий полный мужчина стоял около двери. У него была густая каштановая борода, а улыбка, казалось, занимала пол лица. Мужчины и женщины заполнили коридор за ним. Они стояли небольшими группами, перешептываясь и бросая внимательные взгляды на девушку. Все были разодеты в яркие шелка, богатый бархат; женщины были в платьях с широкими рукавами и высокой талией. Драгоценные камни блестели на шее и в волосах. Шёпот прекратился, когда она вошла, и взгляды метнулись к ней.

— Представляю вам принцессу Аврору, — властным голосом промолвила женщина. Рука сжала запястье Авроры, и незнакомка снова заговорила, но так тихо, что Аврора едва разобрала слова. — Реверанс.

Аврора схватила юбку и согнула дрожащие колени, склонив голову, и волосы упали на лицо. Она почувствовала пристальные взгляды, оценивающие каждый дюйм ее плоти. Аврора опустила голову ещё ниже. Столько незнакомцев, и все рассматривали ее так, словно она была экзотическим, нереальным существом. Она сжала руки в кулаки.

— Ох, давайте не будем тратить время на формальности, — бодро выкрикнул мужчина. У него был громкий голос, как у актёра, а не правителя, но золотая корона выдавала в нём короля. — Скоро мы станем семьёй, моя дорогая! — прежде чем Аврора успела встать, он сжал её до хруста костей в объятиях, выбив весь воздух из лёгких. Она дрожала, прижимаясь к его груди. От него пахло потом и отвратительными духами. — Мы так рады, так рады! — когда он отпустил её, принцесса отшатнулась и облокотилась о стену, чтобы не упасть.

Может быть, если бы она села, если бы прикрыла глаза, всё бы пропало, как дурной сон, и она оказалась дома.

— Полно, полно, Джон, — сказала женщина тонким, но все же звонким голосом. — Не задушите девушку, — она положила руку ему на плечо.

Король усмехнулся.

— Конечно! Конечно! Я просто рад видеть нашу будущую невестку!

— Простите, — вмешалась Аврора. Её голос звучал тихо. Это вежливая, бессмысленная фраза выбила из нее весь дух. — Но я не знаю вас.

Женщина немного нахмурилась, свела брови, словно удивившись словам Авроры. Она растянула губы в тонкой улыбке, но вот король просиял.

— Я король Джон Третий, правитель Алиссайнии вот уже десять лет, а это моя супруга, — он как-то неопределённо указал на тут же закивавшую женщину.

— Вы можете называть меня Айрис.

Аврора кивнула. Волосы скользнули по щеке.

— Моя дочь, эта молодая особа, скрывается там, — продолжил король. — Изабель!

— Не стесняйся, дорогая, — промолвила женщина. — Поприветствуй принцессу. — она толкнула невысокую шатенку вперёд. Девочка покраснела. Ей было восемь или девять на первый взгляд, и когда она присела в реверансе, то вся дрожала. — И, конечно, ты уже видела нашего сына Родрика.

Родрик поклонился, словно специально скрывая лицо волосами.

— Ну, — протянул король, — теперь, когда мы познакомились, лучше сделать объявление, верно?

Королева вновь осмотрела Аврору, заметив покрытые пылью ноги и пятно крови на руках.

— Уверена, люди простят тебя, моя дорогая, если ты будешь менее идеальна. Только один раз. Ты прошла долгий путь, чтобы вновь быть с нами.

— О, думаю, она прекрасна, — король заулыбался. — Странно... Пойдём, пойдём. Сэр Стефан, — он обратился к человеку рядом с ним. — Разошлите глашатаев. Немного постарайтесь, прошу вас. Это необычный день.

Человек поклонился и зашагал по коридору. Король последовал за ним, и королева тоже, схватив Аврору за руку. Аврора пошатнулась, стараясь не отставать от женщины. Придворные шли позади, они вновь перешептывались в безумном ритме, который проносился ураганом в голове принцессы, сбивая ее с мысли. Королева ее руку так сильно, что та начала пульсировать.

— Молчи, — шепнула она ей на ухо, когда они свернули в другой коридор и направились вниз по крутой лестнице. — Только улыбайся. Мы позаботимся об остальном.

О чём? Аврора задавалась вопросом, но не могла бросить вызов этой суровой, строгой незнакомке. Каждая ступень эхом отражалась в голове с мыслью, что её родители мертвы, мертвы, и миновало столетие.

Они достигли высоких дверей, на которых были вырезаны медведи в лесной чаще. По коридору гуляло знакомое эхо, которым она наслаждалась, прежде чем ее запели в башне, но теперь всё так изменилось, словно ее мысли раздробили на сотни тысяч мелких фрагментов пазла. Красные гобелены стекали кровью по стенам. Стража, тоже в красном, косилась на неё недоверчивым взглядом. Там, за дверью, слишком резко зазвучали трубы.

Королева вложила руку Авроры в ладонь Родрика, и стиснула так, что той пришлось сжать пальцы сильнее. Она удовлетворенно кивнула и скользнула взглядом по сыну.

— Хорошо, — мягко сказала она. — Ты заставил нас гордиться собой, — она выдержала паузу, словно собиралась сказать что-то еще, но после кивнула и просто проследовала за мужем через дверь.

Аврора и Родрик ждали на пороге. Сквозь щели в двери Аврора могла видеть вспышки света, сотни людей и всё настолько помпезное...

— Они ждали с самого утра, — тихо сказал Родрик. — Самые оптимистичные. Я был уверен, что разочарую их...

Вместо этого он получил свою награду. Аврора хотела выпустить его руку и отойти, но не сдвинулась с места.

Голос глашатая взмыл над толпой так громко и ясно, что даже Аврора могла разобрать слова.

— Я прошу вас впервые поприветствовать принцессу Аврору!

Дверь распахнулась. Родрик сделал шаг вперёд, и Аврора, спотыкаясь, поплелась за ним, её ноги всё ещё путались в юбках. Ведь она была одета для праздника столетней давности.

Рев толпы встретил её, выбивая воздух из лёгких.

Они взошли на возвышение по каменным ступеням, ведущих к площади. Всё остальное пространство, на сколько хватало глаз, было забито людьми. Толпа толкалась, гудела и яркими пятнами расплывалась в глазах Авроры. Она шумела... И визжала от наслаждения, скандируя её имя и Родрика. Она радовалась так, будто откуда ни возмись у них появился спаситель.

На пальце всё ещё оставалась кровь. «Как неприлично!» — подумала она. Принцесса настолько крепко ухватилась за рукав Родрика, что вдруг заныла рука.

Королева стояла в стороне, выжидательно глядя на Аврору. Медленно и осторожно девушка присела в реверансе. Толпа загудела громче. Скрытая копной светлых волос, Аврора зажмурилась, пытаясь сдержать панику, тисками сжимающую грудь, и отчаянный крик застрял в горле, так и не вырвавшись наружу. Все, кого она знала, были мертвы. А эти незнакомые люди лишь делали вид, что любили её.

Она ещё долго не поднималась из реверанса, и колени дрожали под многочисленными юбками. Один. Два. Три. На секунду она мучительно скривилась, а после выпрямилась, пытаясь натянуть на лицо подобие улыбки, или хотя бы выглядеть нейтрально.

Король все говорил и говорил, и голос его разлетался над толпой. Слова о надежде. Новая Эра. Как он горд сыном. Аврора не могла слушать. Важно было понять, что происходит, но она могла лишь смотреть на огромное скопище из сотен тысяч незнакомых ей людей, наблюдавших за ней так, словно она являлась их заветной мечтой.

А после Родрик поклонился, толпа заголосила, и стража отвела их обратно в замок. Аврора сосредоточилась на шагах, пытаясь устоять и снова не запутаться в коварном подоле платья.

Дверь за ними глухо захлопнулась. Королева поспешила к девушке.

— Думаю, всё прошло хорошо, — сказала она.

— И это только начало! — воскликнул король, наполовину Авроре, наполовину придворным, что доселе были незаметны. — Мы подготовим большой праздник в твою честь! Знакомство со двором, бал... и свадьба, конечно!

— Я не... — слова были не громче дыхания. Каждая мышца ныла в знак протеста, но это было таким далёким чувством. Боль иной девушки в ином месте. Она не могла собраться с мыслями, поэтому позволила протесту растаять.

— Кроме того, — он продолжал, словно ничего не услышал, — я организую ужин для наших молодожёнов. Еда. Свечи. Милая беседа. Верно, Родрик?

— Да, — кивнул парень. — Спасибо.

— Прекрасно, прекрасно! — король хлопнул в ладоши. — Пойдём, сынок. Нам нужно столько всего обсудить!

Родрик поцеловал руку Авроры. Чужие губы коснулись каплей крови. Их глаза встретились. Он покраснел. Аврора без единого слова присела в реверансе.

Принц поклонился. Он последовал за королем, и стук его ботинок постепенно затихал и терялся в коридорах.

— Рут, будь добра, подыщи принцессе комнату, — выдохнула королева. — В восточном крыле. Третий этаж. И найди для неё горничную, которой можно доверять. Или той, что хотя бы не будет трепаться.

Служанка поклонилась.

— У меня есть комната, — возразила Аврора. Даже этот короткий протест потребовал огромных усилий, и когда она заговорила, то спросила у себя, почему сказала именно это. Она провела всю жизнь в этой башне, мечтая о дне, когда сможет её покинуть. Но её безупречная, нестареющая спальня была единственным, что связывало её с прошлым. Единственным, что ей ещё принадлежало.

Но королева не пойдёт даже на небольшие уступки.

— Ах, ты же не хочешь оставаться в этой пыльной старой башне, — промолвила она, повернувшись и посмотрела на Аврору. Даже не на неё, а в её глаза. Её улыбка была столь тонка, что губы стали почти незаметными. — Позволь нам позаботиться о тебе. Мы так рады, что ты здесь!

Аврора посмотрела на свои ноги. Тяжёлые шелка развивались вокруг неё, и она занимала в три раза больше места, чем остальные женщины. Дворяне выжидающе смотрели на неё. Ждали слов. Молчание так угнетало...

— Спасибо, — промолвила она. Теперь можно было умолкнуть.

Дворяне всё ещё смотрели на неё. Две женщины с одинаковыми фиолетовыми перьями на веерах и в волосах подались вперёд, прикрывая рты руками.

— Она не кажется яркой, — пробормотала одна. Вторая захихикала и ударила её веером.

Королева улыбнулась.

— Карина, Александра, — промолвила она. Шептавшая женщина выпрямилась, её рука в перчатке скользнула по шелковому платью. — Вы больше не понадобится. Думаю, принцесса позовёт вас, если решит, что ей нужна порция мудрости.

Женщиосмены покраснели, поклонились королеве и поспешили прочь. Больше никто не разговаривал.

Когда горничная вернулась, она привела девушку с огромными глазами, наматывающую на палец прядь густых каштановых волос. Ей было около четырнадцати.

— Это Бетси, — промолвила первая горничная. — Её мать работала в замке много лет. Молода, но трудолюбива. Думаю, принцессе она подойдёт, — Бетси не поднимала глаз, колени были согнуты в бесконечном реверансе, а кожа словно светилась от похвалы.

— Прекрасно, — кивнула королева. — Комната готова?

— Да, Ваше Величество.

— Тогда мы сейчас же пойдем туда, — она повернулась к дворянам, которые окружили их и всё ещё смотрели на Аврору с увлечением или теребили рукава и рассеянно косились на стены, словно устав от всего. — Спасибо, что присоединились к нам, — промолвила королева, — Если женщины вернутся, думаю, горничные приготовят обед. Я скоро к вам присоединюсь.

Женщины присели в реверансах почти одновременно, и королева потащила Аврору прочь.

— Невыносимо, — прошипела королева. — Но мы делаем то, что должны.

Аврору ещё раз провели по извилистым коридорам замка, мимо картин в золоченных рамах, с лесами, королевами и героями. Небольшие столики, покрытые цветами, ждали на каждом углу, заполняя воздух мёртвой сладостью. Стража и горничные кланялись и приседали, когда они проходили мимо, но королева не останавливалась.

В конце концов, они вышли в коридор, пустой — только с одной дверью и несколькими картинами между лестницей и поворотом. Богато украшенный замок казался странным. Дверь была слегка приоткрыта.

— Сюда, — сказала старшая горничная, — всё готово.

Комната была большая и квадратная, она сияла почти больничной чистотой, готовая принять неожиданно нагрянувшего гостя. Кровать с балдахином стояла в углу, стол в центре комнаты окружало несколько мягких стульев. Книги стояли на небольшом камине, но

щипцы, лопатка и дрова пропали бесследно. Несколько одиноких книг лежали на пустой полке, и отвратительные часы отсчитывали секунды на стене. Окна были распахнуты, но свежий воздух не смог разогнать затхлости комнаты.

— Она останется здесь, — сказала королева. Аврору никто и не спрашивал. — Бетси, убедись, чтобы Аврора переоделась перед обедом с моим сыном. Мы с Рут подберем ей что-нибудь подходящее.

Аврора схватилась за юбку. Она сто лет носила это платье. Частично хотелось его сбросить, но ткань казалась такой знакомой, а шелк так хорошо защищал её...

— Твои платья будут нынче слишком старомодны, — добавила королева, — даже если мошь не съела их. И ты же не хочешь застрять в прошлом, — она положила руку на плечо Авроры. — Лучше всего бороться и меняться, — сказала она, понизив голос, — и принять. Забудь всё, что знала прежде. Твоё место рядом с нами, Аврора.

Рут и королева ушли, Бэтси наполнила железную ванну горячей водой, и Аврора погрузилась в неё, чувствуя, как краснеет кожа. Бетси смыла пыль с её волос, пальцы девочки казались нежными, и начала болтать, сначала тихо, потом громче и увереннее, какая честь для неё работать с Авророй. Аврора не слушала. Она лишь смотрела на дрова в камине, на самом деле не видя его.

— Ты не можешь оставить меня? — тихо сказала она, как только волосы были высушены, и она завернулась в халат. — Мне нужно немного побыть одной.

Бетси закусил губу, но не протестовала.

— Конечно, принцесса.

Когда служанка ушла, Аврора осталась наедине с пустотой в груди, которая постепенно превращалась в слезы. Её разрывало, сжимало, и Аврора опустилась на стул, пытаясь не разрыдаться. Ничто не было столь реальным, чтобы плакать.

Она тут. Она тут и не может вернуться.

Камин казался безучастным. Часы тикали на стене. Но Аврора не плакала.

Однажды, когда желания ещё сбывались, Алиссайнией правили любимый всеми король и его прелестная жена.

Родители Авроры смотрели со страниц. На картинах борода отца была слишком густая, мать слишком высока, но они стояли там, мысли были вписаны на страницы книги, и никто не мог коснуться их. Она провела пальцем по картине, ощущая кожей толстый слой краски.

Аврора отыскиала книгу на книжной полке. Сказка о Спящей Красавице. Углы были испорчены, листы истёрты, словно посетители замка читали её снова и снова на протяжении многих лет. Каждая страница сопровождалась иллюстрацией, копией гобелена, что она видела несколько часов назад на стенах башни. И слова... Аврора глотала их лихорадочно, пробежала взглядом взад и вперёд по предложениям, словно они пропали бы, оставшись незамеченными.

Королевство процветало, но короля и королеву постигло большое горе. Они отчаянно жаждали ребёнка. Они надеялись, хотели, мечтали, но становились старше и оставались одни. Затем, в один прекрасный день, когда они почти перестали надеяться, у них появилась красивая девочка. И они назвали её Авророй.

Все в королевстве радовались три дня и три ночи, а король и королева закатили пир в честь малышки, пригласили всех принцев, друзей, даже простой народ, чтобы те отпраздновали с ними. Тем не менее, была одна женщина, которую никто не пригласил, ведьма Селестина, холодная и расчётливая женщина, что жила в башне глубоко в лесу и была единственным, чего боялся народ Алиссайнии.

Книга с историей Авроры рассказывала о могущественных ведьмах, существовавших на протяжении веков, но никто не был столь страшен, как Селестина. Когда она думала, что она ущемлена, когда она считала себя обманутой или просто решала, что королевская радость слишком велика, ведьма атаковала. Она уничтожила посевы и наслала чуму, убившую людей без причины и шанса на выздоровление. Она околдовала людей, и те совершали ужасные поступки, обманывали иностранных союзников, оскорбляли, как никогда прежде. Некоторые даже считали, что она уничтожала магию Алиссайнии, чтобы никто кроме неё не мог наслаждаться властью. Но наивные и отчаянные всё ещё шли к её башне и просили решить их проблемы. Она предлагала им всё, а после смеялась, когда их мечты превращались в кошмары — то, что они просили, преобразовывалось так, как они не могли себе представить.

Селестина видела себя королевой. И то, что её не пригласили праздновать день рождения Авроры — было страшным преступлением.

Полная ярости, проигнорированная всеми ведьма появилась посреди банкета и, прежде чем её смогли остановить, схватила Аврору на руки. Иглой она кольнула крошечный пальчик Авроры и наложила на неё проклятие. Незадолго до восемнадцатого дня рождения принцессы, та уколёт свой палец и впадёт в страшный сон.

— Но я не бессердечна! — сказала Селестина, — и грешно позволить такой красоте пропадать. Мой подарок этому ребёнку — настоящая любовь. Она будет спать, пока её поцелует не разбудит возлюбленный, и она проснётся столь же свежа и красива, как и прежде.

Все годы, что проклятие мучило её, Аврора не слышала, чтобы говорили об истинной

любви как лекарстве. Это звучало, словно дикая фантазия, романтическая мелочь, выдуманная за десятилетия, когда реальное проклятие угасло.

Конечно, людям хотелось верить.

Король и королева сожгли все прялки в королевстве и принялись искать Селестину, но ведьмы нигде не было. И вот, принцесса Аврора росла, проводя свои дни в башне в замке, прячась от мира, запертая от тех, кто хотел причинить ей вред. Но проклятье так просто не разрушить. В ночь перед её восемнадцатилетием Аврора была очарована Селестиной. Она уколола палец забытой прялкой и впадала в глубокий сон.

Король и королева испробовали всё, чтобы разбудить дочь. Каждое заклинание на земле было испытано на ней. Каждый человек охотился на ведьму. Каждый принц из каждого королевства приходил, чтобы попытаться разбудить её поцелуем, но Спящая Красавица всё ещё спала.

Аврора смотрела на них, на бесчисленных незнакомцев на картинах, что входили в башню и целовали её, пока она спала. Принцы и дворяне, люди, которых она прежде не видела, теперь старые или мёртвые, все преклонялись перед нею, прижимались губами к её губам, ждали, что она ахнет от восторга и откроет глаза.

По коже поползли мурашки, словно что-то чуждое и нежелательное жило в ней.

Прошли годы, царство Алиссайния превратилось в руины. Когда добрый король и королева умерли, линия, что велась от великого короля Эдуарда, оборвалась. Лорды и королевства боролись за трон. Война прошла по земле впервые за долгие века. Народ страдал, магия в королевстве пропала, кроме одной комнаты, где мирно спала красавица.

И в один прекрасный день, не так далеко от сегодняшнего, прекрасный принц, избранный лидер нашего народа, поцелует принцессу, разбудит её и всю магию, что забыта миром. Они с принцессой пожениются и вернут на землю мир и процветание.

И все мы будем жить долго и счастливо.

Аврора уставилась на свой портрет, красивая, неприкасаемая, радостная на свадьбе с прекрасным принцем. Стены слишком близко. Она не может вдохнуть.

Но это всего лишь история.

Она провела годы в башне взаперти, не в состоянии увидеть мир, ничего, кроме клочка леса за окном, но история упустила это. Новые и старые книги, драмы, истории и фантастические приключения, рассказы об обычной жизни, о драконах и демонах, убийствах и загадках... Сотни миров, что нравились ей больше собственного, были привлекательнее жизни, этих стен и деревьев, и она ждала, когда замок рассыплется, а она освободится.

Истории не причиняли ей боль.

— Принцесса? Всё в порядке?

Бетси проскользнула в комнату, несколько платьев висело на её руке.

Аврора закрыла книгу, убирая пророчество с глаз.

— Да, — сказала она, поднялась на ноги, не обращая внимания на то, как было больно.

— Я принесла вам кое-какую одежду, — затараторила Бетси. — Она не совершенна, но красивая. Старомодно, но... королева сказала, что это пока что нормально, — она продемонстрировала глянцево-зелёное платье с рукавами до локтя и юбками в пол. Это отличалось от любого платья, что Аврора видела. Не похожее на то, что она носила прежде, но так же отличающееся от элегантных платьев, что носили теперь дамы. Платье, что должно было подчеркнуть её отличие. — Принц Родрик будет в восторге от вашего наряда. Зелёный подчеркнёт глаза. Или розовый...

— Зелёный, хорошо, — цвет напомнил ей лес после дождя, свет, отражающийся от листьев. — Я имею в виду — прекрасно! Спасибо.

Бетси помогла ей одеться, постоянно что-то рассказывая. Аврора пропускала все слова. Юбки скользили вокруг неё, словно вода, но талия была стянута слишком туго, не позволяя дышать, тогда как шея была слишком открыта.

— Я исправлю это, — шепнула Бетси с очередным реверансом, а после принялась подшивать и тараторить, постоянно тараторить о захватывающем, удивительном, прекрасном, сказочном чуде, что случилось сегодня.

— Это такая честь, принцесса, когда они сказали мне помочь вам! Я не ожидала... Но также я не ожидала, что вы будете стоять тут... если вы не против разговоров... Не то чтобы я не думала, что Родрик может оказаться вашей истинной любовью, ведь он, конечно, замечательный, но я так мечтала увидеть это.

Это удивительно, удивительно, вы увидите! Все вас любят! А как же иначе?

Аврора вспомнила слова в конце рассказа, обещание читателю долгой и счастливой жизни. Её истинная любовь целовала её, она просыпалась, проклятье заканчивалось. Но Селестина не делает ничего хорошего. Её проклятье не может принести счастье всем вокруг.

— Что случилось с Селестиной? — спросила она. — С ведьмой, что сделала это со мной? — слова казались тяжёлыми во рту и ещё тяжелее в воздухе, но Бетси не останавливалась.

— Никто не знает, — голос звучал неразборчиво, ведь у неё был полный рот булавок. — Она заколдовала вас и пропала. Её искали и в королевстве, и за границей, но не нашли. Я думаю, — добавила она заговорщицким шёпотом, когда вновь пробежалась иголкой, — что она потеряла магию, когда прокляла вас. Пуф! Пропала. И она слишком стыдилась своей слабости, потому и сбежала.

— Ох, — Аврора смотрела на своё отражение. «Селестина умерла» — твердила она себе. Прошло сто лет. Даже Селестины не стало. И всё же она не могла избавиться от ощущения, что кто-то незаметно наблюдал за ней.

Родрик ждал её в банкетном зале. Длинный стол тянулся через середину комнаты, украшенной гобеленами и картинами. Некоторые из них казались знакомыми, но большинство — новые, с иностранными вензелями и сценами из истории, о которых она ничего не слышала.

Она была запечатлена на некоторых из них, ведь когда была маленькой, отец доверял присутствующим достаточно, чтобы позволять ей присутствовать, и это было весёлое, полное возможностей время. Это было то место, где она могла поговорить с незнакомцами, слушать музыку и смех, жить так, будто была нормальной. Только принц ждал внутри, в комнате заброшенной и холодной, слишком большой и строгой.

Родрик вскочил, когда увидел, что она вошла.

— Принцесса Аврора, — сказал он и поспешил к ней, немного спотыкаясь. — Ты так красива... — он застенчиво улыбнулся. — Ты всегда красива!.. но особенно прекрасна сегодня. Вот, что я имею в виду.

Аврора улыбнулась.

— Спасибо.

— Ты... ты голодна? — Родрик почесал затылок. Лёгкий румянец лёг на его щёки. Она подошла к нему, и земля, казалось, пошатнулась под ногами, заставляя голову закружиться. Вряд ли это было похоже на то, о чем написано в сборнике рассказов. Но она всё равно взяла

его под руку, чтобы дойти до конца большого стола.

Слуга, одетый в странную красную одежду, принёс каждому из них по тарелке супа. Аврора не говорила. Родрик не говорил. Ложки царапали чаши, звеня в пустом зале.

— Ты пропустила снег, — наконец-то сказал Родрик. — Намело несколько дюймов пару недель назад, но... Кажется, скоро весна.

Аврора кивнула, глядя в миску.

— Моя сестра, Изабель... Она так рада встрече, — продолжал Родрик. — Она тиха, но очень жива. Она просто боится посторонних.

Ну, что же, Аврора была с нею согласна. Она вновь кивнула.

— Это правда, — сказал Родрик, когда закончил есть, — предсказание, — он замер и вновь покраснел. — Прости. Ты не хочешь об этом говорить, как и прежде...

Аврора крепко сжала ложку. Они должны о чём-то поговорить.

— О чём ты хочешь меня спросить?

— В некоторых книгах говорится, что тебя развлекали магией на пирах, — он впервые улыбнулся открыто. — Не фокусники, а маги. Настоящие маги!

— Нет, — сказала Аврора. Эта мысль заставила её содрогнуться. — Нет, это не так.

— Ох, — Родрик уткнулся в свою тарелку, но Авроре казалось, что он пристально наблюдает за нею уголком глаза. — Люди надеялись... Я надеялся... — он умолк. — Просто магия так часто бывает полезной...

— Надеялся? — Аврора закрыла глаза. Откуда столько наивности? — Без неё куда лучше.

— И твоя семья не...

— Нет, — резко ответила она. — Зачем моей семье пользоваться магией? Они не дураки! — но они использовали магию, как она думала. Если верить книге. Они вливали её в неё, чтобы разрушить проклятье и вытащить её отсюда.

Родрик вновь посмотрел в свою пустую миску супа.

— Я сожалею, принцесса, не хочу противоречить тебе, но магия не может быть глупа. Она привела тебя сюда.

— Проклятье привело меня сюда.

— Но все равно... Мы жили без магии столько лет, принцесса, и ничего хорошего не случилось с тех пор, как ты уснула. Теперь всё будет лучше. Всё ведь будет хорошо?

Она покачала головой.

— Я не могу представить магию, как что-то хорошее. Может, когда-нибудь она и станет такой, но при моей жизни этого не было. Даже тогда было только несколько колдунов. — мужчины, получавшие за это богатство, женщины, что сотворяли яд вместо помощи. И Селестина — ведьма, проклявшая её. — Даже тогда они не были хорошими людьми.

Её отец терпел некоторых колдунов, прежде чем она родилась. Это давало надежду вылечить болезни и защитить королевство от угроз. Но после проклятия Селестины он признал, что магия изменилась, и все, кто ею владеют, опасны для остальных. Магия каралась изгнанием. Проклятья — смертью.

— Мой отец, — вмешался Родрик, словно уверен в том, что должен говорить. — Мой отец говорит, что у некоторых людей сейчас есть магия. Немного. Он говорит, что они украли её себе, и если мы будем бороться с ними, она вернётся.

— Ты не можешь украсть магию.

— Почему нет?

Она открыла рот, готовая дать твёрдый ответ, но слов не было. Магия пришла извне, и она знала это. Она из воздуха. Одни говорили, что надо быть нечестивцем, чтобы получить её, что вся хорошая магия использована, а осталось лишь чувство обиды и неприязни. Но правды Аврора не знала. Она прочла много книг, но правда магии таилась от неё, словно сама идея могла привести её к смерти.

Родрик немного помолчал.

— Она вернётся, — твёрдо сказал он. — Теперь, когда ты тут. И она будет сотворять только хорошее, как я говорил. Я имею в виду... Иначе, почему ты ещё здесь?

Её руки дрожали. Ложка стучала о тарелку, словно барабанная дробь, и ком потери подкатил к горлу, сжал грудь, чтобы она не могла дышать. Нет дома. Нет семьи. Только пустые обещания истинной любви и идеи, что она восстановит что-то, чего никогда не существовало.

Она встала. Стул со стуком свалился на землю.

— Мне надо идти, — сказала она. — Я не голодна.

Каждый шаг приносил боль в ногах, и она побежала вон из банкетного зала, каблучки стучали по полу. Она открыла окно и прижала руки к каменной раме, позволяя прохладному ветерку овеять лицо. Она глотала свежий воздух, закрыв глаза.

— Принцесса?

Родрик. Она всё ещё стояла с закрытыми глазами, лицо обдувал ветер. Он хороший. Немного незадачлив, неуверен, но приятен. Но он чужой, странный, неуклюжий мальчишка, считавший её своей собственностью, и она не знала, что делать. У неё не было ничего другого, никого другого, и угроза одиночества разрывала её, мысль заставляла терять сознание. Она не могла уйти. Но и не могла остаться тут, так близко к его глазам, неуклюже искавшим спасения в своей собственности.

— Я сожалею, — сказала она. — Но мне надо побыть одной.

— Принцесса, мне так жаль, что я расстроил тебя.

— Я не расстроена, — она заставила себя сделать ещё один вдох и открыть глаза. — Это место мне чужое. Я тут чужая.

— Я знаю. Но мы ведь здесь, принцесса. Здесь твоя судьба.

Она вздрогнула. Судьба.

— Почему ты продолжаешь называть меня принцессой? Это не моё имя.

— Знаю, но все так долго называли тебя так. Принцесса. Или Спящая Красавица, — он застенчиво улыбнулся. — И это правда, ты прекрасна.

— Меня зовут Аврора.

Молчание. Он кивнул, слегка склонил голову, и щёки его покраснели.

— Я действительно хочу побыть одна.

— Конечно, — сказал он, предлагая руку, — позволь проводить тебя обратно в твою комнату.

Она сухо улыбнулась дрожащей, сломленной улыбкой.

— Не волнуйся, — сказала она. — Я знаю дорогу.

Она не спала этой ночью.

Когда она пыталась закрыть глаза, дыхание перехватывало, становилось трудно дышать. Сердце мчалось, и руки чесались. Она была человеком, которого загнали в совершенно чужой мир.

Она ходила взад и вперёд, ноги отбивали ритм на гладком каменном полу. Она

ускорялась с каждым кругом, стены были ближе и ближе с каждым вдохом. Если бы она замерла на мгновение, она бы растаяла, пропала, как всё остальное. Она ходила по комнате, смотрела на стены и руки, и пыталась обдумать всё то, что случилось.

Каждый раз снова и снова что-то било её, вполне реально. Всей её семьи, всей её жизни не было. Она остановилась, колени подогнулись, желудок сжался и дыхание пропало. Неуверенность скользила в эти моменты, слишком сильная, чтобы понять её. Хотелось вновь впасть в вечный сон, но она продолжала ходить и думать о том, что завтра её отец придёт... И это калечило её раз за разом.

Так она провела ночь.

Туман просочился сквозь открытое окно на рассвете, обвился вокруг липкой кожи Авроры, которая стояла, прислонившись к подоконнику. Всё тело болело, и локти, и спина, и колени.

Город внизу оживал. Здания словно забирались друг на друга, пока не сталкивались с огромной стеной, высокой, похожей на замковую, усеянной башнями и флагами. Женщины спешили по мощенной улице, простирающейся под окном Авроры, в руках у них были корзины. Несколько телег, наполненные зерном или тканью, медленно проезжали мимо с запряжёнными в них ослами.

Дверь скрипнула.

— Аврора, дорогая! Я рада видеть, что ты не спишь.

Королева стояла в дверях. Даже в столь ранний час она казалась королевой, её глаза были ясны и светлы, чёрные волосы заплетены. Аврора увидела свое отражение в зеркале на стене — бледная, с искусанными губами и клубом золотых волос. Спящая красавица, в самом деле.

— Надеюсь, я не побеспокоила тебе, — сказала королева, зайдя в комнату. — Мы могли бы позавтракать вместе.

Аврора боролась с желанием отступить к окну.

— Но я не одета, Ваше Величество.

— Это не имеет значения, — она движением руки подманила служанку. — Тут все женщины. К тому же, — добавила она, когда девушка поставила поднос с фруктами и чаем на стол, — я хотела поговорить до того, как день войдёт в силу, — королева улыбнулась вежливо и легко, но что-то острое было в её глазах и скулах. — Мы присядем?

Аврора кивнула. Ей вдруг показалось, что королева притворялась. Королева присела, осторожно поправила юбки одним плавным движением, а Аврора балансировала на краю стула, чувствуя, как сжимается сердце.

Королева налила себе чашку чая.

— Уверена, ты взбудоражена свадьбой. — сказала она, — Но должна тебя разочаровать. Знаю, ты хочешь выйти замуж как можно скорее, но мои советники сообщили мне, что лучше всего подождать три недели с этого дня.

— Три недели? — её выдадут замуж за три недели. Через двадцать один день.

— Знаю, — промолвила королева. — Я была так расстроена... Но наши лучшие портнихи далеко в Феллбридже, а еще мне говорят, что у нас нет столько еды для пира, и нужно огласить о празднике, конечно же. Боюсь, ты застала нас врасплох, — она со вздохом сделала глоток чая. — Тем не менее, помолвка через восемь дней, и я хотела обсудить это с тобой. Народ уже тебя любит, но подготовка ещё никому не мешала.

— Ваше Величество. — королева умолкла, и чашка чая остановилась на полпути к её губам. Надо это остановить. Лёгкие Авроры сжались в кулак, сердцебиение усилилось, руки дрожали. Надо говорить. — Это так быстро... — прошептала она. — Я... Я имею в виду... Я совсем не знаю его!

Королева нахмурилась.

— Свадьбу предсказали сто лет назад, — сказала она. — Конечно, ты знаешь его достаточно.

— Но!.. — она посмотрела на свои руки. Говори. Ты должна говорить. — Что делать, если я не хочу за него замуж?

Королева поставила чашку на стол. Грохот фарфора пронзил воздух.

— Вот почему я хочу поговорить с тобой, дорогая. Он не должен слышать такие слова. Предсвадебный испуг естественен, но мы не можем допустить, чтобы глупые фантазии контролировали тебя. Так будет лучше.

— Нет, — сказала она. — Я не знаю. Я не хотела обидеть чувства Родрика...

— Я не имею в виду Родрика, моя дорогая. Все говорят о тебе, и если ты не выйдешь за него замуж как можно скорее... Разве ты не видишь опасность? Ты провела всю свою жизнь в замке, верно? Ты никогда не видела мир. Так скажи мне, Аврора, ты знаешь, что происходит с ценностью, когда она никому не нужна? — Аврора заставила себя посмотреть в глаза королеве. Она не могла ответить. — Ты важна для стольких людей. Все будут бороться, чтобы контролировать тебя, закрыть и воспользоваться тобой.

— Все? — спросила Аврора. — Кто — все?

— Достаточно сказать — многие люди, безжалостные, хотят контролировать это царство, и многие считают тебя ключом к этому. Если ты не примешь своё законное место здесь... боюсь, это случится, — королева изогнула свои брови и смотрела то ли с предостережением, то ли с заботой. — Хочешь стать причиной войны? Хочешь, чтобы из-за тебя умирали невинные люди?!

Аврора впиалась пальцами в подлокотники. Однажды, когда она была маленькой, она проникла в папину библиотеку и украла книгу. В одной из сказок девушка желала красоты, что очарует всех, кто на неё посмотрит. Многие люди влюбились в неё, они стали сражаться, рубили друг другу головы и убивали детей мечами. Когда мужчины окружили девушку, все хватали её за руки, одежды, волосы, тянули, пока не разорвали её на мелкие кусочки, которых хватило всем. Аврора видела кошмары много недель, руки хватали её из темноты, тянули влево и вправо, забирая её жизнь. И это была красота. Они причиняли боль, и то же случится, если она не сделает так, как ей говорят.

— Ну, — спросила королева. — Ты...

— Нет, — мягко промолвила она. — Нет, я не этого не понимала.

— Нет, — кивнула королева. — И мы не можем защитить тебя до брака. Понимаешь?

Аврора понимала. Король и королева не помогут ей, пока она не согласится принадлежать им.

— Да, — кивнула она. — Я понимаю.

— Я знала, что так будет. Я тебя понимаю, ведь и я боялась своего брака с Джоном, но мы женщины, Аврора. Мы можем быть сильны. — Королева всё ещё смотрела на Аврору, немного нахмутив лоб. — Свадьба будет через двадцать один день. Ты не должна показываться до неё. Улыбка. Реверанс. Молчи. Мы можем потренироваться.

— Нет, — кивнула она. — Я могу.

— Давай, — Королева схватила Аврору за подбородок, приподнимая её голову. — Покажи мне свою лучшую улыбку.

Аврора попыталась ответить на приторный шёпот улыбкой. Мышцы лица спазмировались. Глаза жгло.

— У тебя получится, — королева отпустила её и встала. — Мне надо поговорить с Родриком, научить его. Но это был хороший разговор, Аврора. Важно то, что мы можем поговорить об этом с глазу на глаз.

Аврора кивнула. Она встала, автоматически подражая королеве.

— И сделай мне одолжение, — королева взяла руку Авроры в свою. Кольца касались к её голой коже. — Не оставляй эту комнату, пока за тобой не придут. Мне так больно говорить, что тут небезопасно для тебя... Мы хотим просто тебя защитить, пока ты не выйдешь замуж.

— Я понимаю, — кивнула Аврора.

— Я принесу несколько книг, — добавила королева. — Кое-что интересное. Несколько историй, немного о судьбе народа. Я знаю, что ты любишь читать.

— Да, Ваше Величество, — она заставила себя поднять подбородок, волосы упали назад, и она посмотрела королеве в глаза. Впервые улыбка была почти естественной. — Люблю, — возможно, ответы придут со страниц книг, как обычно.

— Отлично. Надеюсь, тебе понравится. Приятно было поговорить с тобой.

— Да, — кивнула Аврора и опустила в реверансе. Руки окоченели. — Мне тоже, Ваше Величество.

— Пожалуйста, — промолвила королева, — зови меня Айрис.

Как она и обещала, королева прислала Авроре большой сундук с книгами. Они были огромными, обтянутыми кожей, с ровными страницами. Аврора выстроила их на книжной полке, изучала каждый корешок, внимательно рассматривая его, и мысли пропадали и растворялись в его устойчивом изгибе. После того, как все книги были вытащены, она выстроила их по названию, потом вновь по жанру, все двигая и двигая, меняя порядок, не в состоянии позволить себе сидеть на месте. Когда она не смогла придумать другой способ расстановки, она присела на корточки и провела рукой по корешкам.

Она узнала только одну книгу — историю о первых днях Алиссайнии, такую старую, что это было больше фантазией, чем истиной. Когда она была младше, она столько раз перелистывала копию этой книги, что страницы выпали, и она записывала свои мысли на полях. Она всё ещё оставалась на столе у кровати, на вершине её башни, как и остальная часть её жизни. Нетронутое сотни лет. Мгновение назад она хотела вернуть свои книги. Но эта мысль заставила живот сжаться. Она не могла туда вернуться. Она видела пыль на лестнице, десятилетия прошли, пока она спала. Она не могла принести те вещи сюда, чтобы эта комната стала её домом. Надо было принять реальность.

Она вытащила новую книгу с полки. Аврора умоляла родителей, врачей — всех, рассказывать истории Алиссаи снова и снова, миллионы раз, не упуская ни одну деталь из её жизни. Алиссая, правительница Алиссайнии. Красивая принцесса, что спасла всех, вопреки своей молодости. Девушка, чья доброта и сопереживание позволили ей понять новую землю, куда она бежала из магического царства за морями. Алиса Добрая, что правила после того, как её отец, справедливый и любимый всеми, кто его знал, умер. После каждой этой истории, с момента, как ей было пять лет, пока не исполнилось семнадцать, Аврора подходила к окну башни и выглядывала, чувствуя бурю желаний. Однажды она будет как Алиссая. Замечательная, красивая, любимая.

Теперь Аврора сидела на голом полу, держа в руках тяжёлый том. По рассказам, Алиссая пропала в лесу через несколько лет после того, как была коронована, и Аврора представляла её вечно молодой, красивой и нежной, как паутина после дождя. Это казалось невозможным. Алиссая должна была состариться, и Алиссая должна была умереть, как и родители Авроры, лица которых она видела каждый день, состарились и умерли, и даже царство, окружившее её, так изменилось... Аврора единственная замерла во времени.

Она швырнула книгу на пол, чувствуя горький привкус во рту.

Когда королева вернулась через несколько часов, она вошла в комнату без стука.

— Тебя ждут в тронном зале, — сказала она. — Быстрее. Опаздывать — плохая привычка.

— Тронный зал? — переспросила Аврора, сделав шаг назад. — Вы сказали, мы поженимся через три недели...

— Почему нужно обязательно жениться в тронном зале? — спросила она. — У моего мужа суд во второй половине дня. Он хотел, чтобы ты присутствовала.

— Король судит? — спросила Аврора. — Что это значит?

Королева почти незаметно покачала головой.

— Он выслушивает жалобы, награждает достойных, наказывает виновных. Ты не будешь участвовать. Помни, о чём мы говорили.

Улыбка. Реверанс. Молчи и будь красива. Её присутствие — это просто подтверждение правильности слов короля, но её вклад нежелателен.

Два стражника стояли по обе стороны от огромных медных дверей. Они поклонились, когда королева и Аврора подошли ближе. За дверьми были большие палаты, забитые людьми. Дворяне стояли рядами и группами. Одежды не повторялись, золотые мечи и щиты, копья и стрелы сияли. Стража в красной униформе выстроилась позади толпы вдоль стены, а между ними были открыты дубовые двери, от пола до потолка. Когда королева переступила порог, придворные замерли, поклонились и опустили в реверансах.

Два трона располагались между толпой и дверьми. Король сидел на большом, а королева с высоко поднятой головой подошла к меньшему. Она махнула рукой Авроре, чтобы та стала рядом с Родриком.

— Теперь, когда принцесса и моя дорогая жена наконец-то к нам присоединись, — сказал король, — мы можем начинать. Введите первого просителя.

Стража ввела крошечную женщину со спутанными светлыми волосами. Когда она опустилась на колени перед престолом, стало видно, как выпирают её кости даже сквозь одежду. Её муж умер, как говорила она, и она не могла найти себе работу или еду.

— Он был хорошим человеком, ваше Величество, — сказала она. — Слишком много работал и почти не ел. Вы много раз слышали это... Но зима долгая, Ваше Величество, и мне нужна помощь...

— Мы можем позволить тебе работать на кухне, — сказала королева, — если ты готова трудиться и клянёшься в своей верности.

— Конечно, Ваше Величество. Клянусь! Это так любезно с вашей стороны и так добро...

— Ступайте к главному повару, Мари. Она скажет, что делать.

— Спасибо, Ваше Величество! Огромное спасибо!

Женщина ещё ниже поклонилась, и стража повела её к двери.

Следующий проситель был благороден. Его одежда была аккуратна и нова, сапоги блестели. Некоторые из придворных роптали, когда он вошёл, и никто не улыбнулся. Редкий гость, может быть, или изгнанник.

— Сэр Грегори, — промолвил король. — Как неожиданно. Не видел тебя после Бартона. Два года... Три?

— Как по мне, почти три, Ваше Величество.

— И ты пришёл, чтобы отпраздновать возвращение принцессы? Это долгий путь.

— Если бы причины были столь хороши, — промолвил сэр Грегори. — Хотя я рад видеть принцессу, — он поклонился ей. — Но, боюсь, должен сообщить о бунте. На прошлой неделе группа крестьян собралась у ворот моего дома, требуя пищи. У меня нет ничего, чтобы дать им, конечно, кроме того, что нужно, дабы прокормить семью. Но они не слушают. Они снесли ворота, убили моего стража, украли половину моего зерна. Мои мужчины и солдаты пытались выследить преступников и покарать их, но они вновь нанесут удар.

Король кивнул.

— Понимаю, — сказал он. — Мы не можем оставлять это безнаказанным. Я пошлю солдат в Бартон с тобой. Они найдут виновных и защитят твою семью. В наказание за преступление все мужчины и женщины, все селяне, должны отдать тебе половину того, что соберут на следующей жатве, чтобы компенсировать потери. Все, кто будет сопротивляться, будут повешены.

Аврора хотела возразить, сказать, что это бессмысленно, что нехватка еды только усугубит проблему. Губы зашевелились в протесте, но голоса не было. Не при стольких людях, не с такими взглядами.

— Гарантирую, что солдаты выйдут с наступлением ночи, — сказал король. Аврора закусил губу, промолчав. — Хотелось бы пригласить тебя остаться и отпраздновать с нами, Грегори, но я знаю, что ты хочешь вернуться и защищать свою семью.

— Да, Ваше Величество, — сказал он. — Спасибо, Ваше Величество, — он поклонился королю и ушёл.

Третьей была пожилая женщина с вьющимися седыми волосами. Она вошла и сразу же поклонилась.

— Прошу, Ваше Величество, — промолвила она, — я прошла будь от Ватертона, чтобы поговорить с вами.

Когда Аврора засыпала, Ватертон был крошечным городком в недели пути от замка.

— Я больше не чувствую себя в безопасности в своём доме, Ваше Величество. Люди винят меня в колдовстве, хотя я не имею к этому никакого отношения. Болезнь была этой зимой, дети погибли. Я никогда бы не навредила им, Ваше Величество, но некоторые люди обвинили меня...

Король откинулся назад, положив руки на подлокотник трона.

— Почему они обвиняют тебя?

— Я не знаю, Ваше Величество, — ответила она. — Возможно, потому что я держала аптеку, собирала травы от мелких хворей, инфекций, кашля... Я не врач и не целитель, никогда не была им, просто использовала знания своей матери, чтобы помочь людям и заработать на жизнь. Но некоторые... Они сердились, что я не могу их вылечить. Почему крапива приносит сон, они говорили, а их детей не спасти? Я бы помогла, но не сумела, и...

Король поднял руку, заставив её замолчать.

— Ты собирала травы? Ты не кажешься сильной для этого.

— Я делала это в молодости, Ваше Величество. А сейчас наняла учеников для помощи. У молодых хорошие глаза, и это помогает. Но один из них умер, бедняжка...

Король кивнул.

— И почему ты пришла?

— Я... Я надеялась, что вы можете защитить меня, Ваше Величество. Вы знаете всё о злых людях, что прячут магию и угрожают всем. Если бы вы сказали, что я невиновна и что

это виновата болезнь... Я могла бы вернуться...

— Если бы я сказал? И почему я должен делать это? Вы признали, что виновны в этом.

Женщина замерла.

— Ваше Величество?

— Ты собирала травы и мешала зелья, разве это не магия?

— В растениях есть магия, Ваше Величеств. Я лишь смешивала их, как учила моя мама...

— И ученик, собиравший травы, тоже умер от этого проклятья. Потому что травы отравили его? Или потому что он знал слишком много?

Женщина отшатнулась, качая головой. Её глаза были широко распахнуты.

— Нет, Ваше Величество! Я бы никогда не сделала этого, никогда!

Король взглянул на Аврору.

— Скажи мне, Аврора, — промолвил он, — ведь ты из присутствующих здесь больше всего пострадала от магии. Что бы ты сделала с нею?

Она сглотнула. Когда она заговорила, голос был хриплым и слишком мягким, чтобы его слышали.

— Ничего, Ваше Величество, — сказала она.

— Ничего?

— Если она ведьма, она воспользовалась бы этим для защиты. Только невинные просят о помощи.

— Или те, кто хочет казаться невинным, — король оглянулся на женщину. — Слышите? — сказал он. — Наша принцесса поверила в эту сказку. Но только потому, что ты очаровала её, а это не слишком хорошо, — он наклонился вперёд, положив руки на колени. — Тем не менее, в честь возвращения принцессы я проявлю милосердие. Я защищу тебя, как ты просила. Тебе выделяют комнаты в подземелье. Увидим, закончатся ли смерти вместе с твоим исчезновением. И если да, я подумаю о твоих словах, старуха. И мы поговорим снова.

Король кивнул своим стражникам, и один из них сделал шаг вперёд, чтобы увести женщину прочь. Она цеплялась руками, качала головой в неверии, и когда повернулась, чтобы посмотреть на Аврору, страхотразился на её лице. Ужас поселился в Авроре, страшная безысходность, куда более правдивое чувство, чем гнев короля. Аврора шагнула вперёд, наблюдая за остальными. Всем было плевать. Некоторые возились с одеждой, суетились и перешёптывались, словно это была несносная рутина. Другие одобрительно кивали. Женщина пропала в дверях, и король взмахнул руками, приказывая их закрыть.

— Я устал, — сказал король. — И надо разобраться с бартонскими солдатами. Скажите остальным, пусть приходят завтра, — он встал и вышел из комнаты. Айрис поманила Аврору и Родрика за собой.

Странное предчувствие преследовало её, здесь было слишком тихо после величия тронного зала.

— Умираю, — сказал король, закрывая медные двери. — Скорее бы обед! — он собирался уходить, но Аврора отказалась следовать за ним, не в силах остановить вопросы.

— Эта женщина, — сказала она. — Что будет с нею?

— Если она виновна, мы сожжём её за магию. Это единственный способ обезопасить себя.

Горло Авроры пересохло.

— Вы отпустите её? — она знала, что это бессмысленный вопрос, но должна спросить. Должна убедиться.

Король рассмеялся.

— Как мило, правда? — промолвил он, обращаясь к королеве. — Конечно, отпустим. То, что от неё останется. Я никогда не видел, чтобы пепел далеко ходил, но всё случается впервые. Особенно с ведьмами!

И, всё ещё посмеиваясь, он зашагал прочь.

В ту ночь Аврора не смогла уснуть. Истощение выжигало глаза, но каждый раз, когда она закрывала их, паника накатывалась волной — ей казалось, что она тонет, накрытая простынёй, и глаза вновь распахивались. В комнате было слишком тесно, слишком холодно, но воздух был спёртым и тяжёлым.

Когда она, наконец, задремала, скрипнули половицы, и голубизна глаз вспыхнула в темноте. Она резко села, прижимая одеяло к груди. Ничего.

Аврора выскользнула из постели. Её ноги не хотели ступать по холодному полу, но она прижала их к камню, наслаждаясь холодом. Она распахнула окно и выглянула, позволяя ранней весне перебирать её волосы. Холод коснулся щёк.

Город, казалось, светился, словно отражал от себя небо. Далеко внизу пробежали мимо две девочки. Ей хотелось броситься за ними. Выйти на улицу, увидеть новый мир и сбежать из этих стен. Научиться дышать.

Может быть, если бы она увидела мир, если бы прошла по улице, то поняла бы, что случилось с её королевством, пока она спала. Она наблюдала, как огни вспыхивали по всему городу, и, должна признать, она была загипнотизирована им. Очарованная тем, что ей, как она мечтала, когда-то будет принадлежать.

Аврора сомневалась, что после вчерашней короткой встречи кто-то узнает её, но быстро переделась в новое светлое платье, которое казалось совершенно не привлекающим внимание, и набросила шерстяной плащ. А после подкралась к двери спальни и толкнула её.

Заперто.

Аврора не помнила, как ключ проворачивался в скважине, но замок загремел, когда она вновь попыталась открыть дверь. Через несколько минут после того, как Бетси принесла ужин, Аврору заперли.

Она подавила панику. Она и раньше была в ловушке за запертыми дверьми. Замки — проще, чем металл, что держал её в башне. Но тогда всё было просто объяснить. Разумно. Дверь надо закрыть для её безопасности. А сейчас? Королева защищала её?

Или сохраняла ценный актив?

Аврора поспешила к туалетному столику и схватила пару шпилек.

Её родители заперли её в спальне, когда их паранойя стала слишком сильной. Они решили, что две запертых двери надёжнее одной, и что в комнату проникнуть труднее, чем в башню. Её запирали на ночь, иногда — днём, а потом, когда ей удавалось выходить — то и в других комнатах, библиотеке или старой игровой комнате.

Из-за скуки и клаустрофобии, захватившей её, она просто мечтала открыть дверь. У неё много свободного времени. Она притащила книги о замках из библиотеки в спальню, но даже после тщательных попыток потребовался год, чтобы научиться вскрывать их. Она не самая ловкая на свете. Но у неё получалось.

К тому времени, конечно, отец перестал запирасть её. Он сказал, что считает эту башню достаточно надёжной. Она знала это. Казалось, её лишали реальной свободы, запирая в одной комнате, а отец всегда жалел её.

Щёлкнул замок, и Аврора легонько толкнула дверь. Она приоткрылась на несколько дюймов, и девушка выглянула. Коридор был пуст. Она поспешила выйти, а после, прячась в тени, добралась до двери своей башни. Она казалась впечатляющим строением из дорогого

дерева, с несколькими тяжёлыми замками... Ручка была холодна, и принцесса навалилась на неё, ожидая от двери сопротивление.

Дверь распахнулась со скрипом, и Аврора метнулась внутрь. Когда она закрыла её за собой, тьма стала настолько густой, что она не понимала, где заканчивались стены и начинался воздух. Она наклонилась и попыталась прикоснуться к чему-то, пока руки не заскользили по гладкому камню, а после повела вверх и вниз, влево и вправо кончиками пальцев. Где-то она отыскивала крошечную звезду в стене — то, что ей было нужно.

Вот здесь. Она схватилась ногтями за маленький бугорок и дёрнула. Камень заскрипел, но отодвинулся, после ещё один, и ещё, пока не появился небольшой проём.

Это для побега. Она провела годы, исследуя каждый дюйм своей башни, выслеживая тайны, но это самое трудное — и лучшее её открытие. Каждый раз, когда стены замка оказывались слишком близко к ней, она вытаскивала камни и убегала в лес, очарованная риском и острыми ощущениями бесконечного пространства. Туннель предназначался для определенной цели, говорила она каждый раз, когда внутренний голос шептал, чтобы она рассказала об этом отцу. Он создал его сам, когда случится страшное, чтобы она могла бежать в лес. Никто не стал бы двигать камни. Это безопасно. Так она говорила.

А теперь она остановилась. Так ли Селестина проникла в башню много лет назад? Через туннель, который скрывала Аврора, убеждённая, что свобода стоит риска? Она покачнулась, всматриваясь в темноту, а после прогнала эту мысль. Слишком поздно спрашивать и сожалеть.

Она прошла внутрь. Пыль осыпала одежду и волосы, но прежде, чем она спустилась вниз, пол накренился, создавая коридор, где она, наклонившись, могла стоять. Туннель был чёрным, как смоль, лишь изредка пропуская случайные отблески света в каменных щелях. Паутина оплела волосы, и шум преследовал её, но принцесса не думала о нём, проделывая свой путь. И вот она уже почти на свободе, и свежий ветер касается её лица.

Выход всё ещё был открыт, но зарос плющом и травой, к тому же, его преградили камни. Она раздвинула их, борясь за свободу, а после выбралась наружу и присела на склоне, что вёл на улицу.

Она вышла на мощенную дорогу, а ноги скользили по неровным камням. Улицы сплетались в причудливый лабиринт, и Аврора слепо шла по ним, слушая мерный шум работы и отдалённых движений. Сто лет назад она была слишком напугана, чтобы зайти в город, боясь, что её узнают. Но все же, то, что ей запрещали, казалось таким захватывающим! И теперь она шла дальше, не зная, что ищет.

Широкие дороги у замка освещались фонарями, похожими на глаза сверкающие в темноте. Не магия, она это знала, но странная сила позволяла огню быть ярким и смелым. Та же сила, что укрепила этот развалившийся прежде город. Здания взбирались друг на друга, проникая в темноту; верёвки с развевающейся одеждой были натянуты от окна к окну. Даже в этот поздний час город наполнился людьми, которые останавливались у рыночных прилавков, опирались о стены, чтобы разговаривать и смеяться, спешили по своим делам. Запах пищи наполнил воздух, отрываясь от окон, доносясь от магазинов, мимо которых она проходила.

Один торговец перехватил её взгляд и закричал:

— Ткань! Красивая ткань из Эки! — он поднял красный материал. Слишком жёсткий и блестящий, чтобы быть качественным. Лысина торговца была освещена лампой, а ткань мерцала в тусклом свете. — На вес золота, но я могу отрезать немножко для такой милой

дели. Две серебряные монетки! Ничего не может быть справедливее.

— Не слушайте его! — кричали со всех сторон женщины. Одна подняла другой отрез ткани, зелёный и прозрачный. — Он покупает ткань в Алиссайнии и обманывает всех. Но эта, эта ткань их Ванхельма! Как драконий глаз!

— Не нужно, — она поспешила прочь, уставившись в землю. Брусчатка на земле была покрыта пылью. Камни стирались. Кто-то шёл в нескольких футах от неё.

— Подвинься, девочка!

Что-то застучало, и она дёрнулась в сторону. Лошадь галопом промчалась мимо, таща карету со стальными стержнями и сверкающей каймой. Она была почти квадратная, бронзовая, с лампами спереди и сзади. Человек то и дело хватался за вожжи.

Колёса скользили по дороге, швыряя пыль Авроре в лицо. Она отступила назад, закашлявшись, а после повернулась и нырнула на боковую улицу, подальше от толпы.

Тут не было рынка, только распахнутые окна с влажным бельём, ну, и люди у стен. Не осталось и следа от леса, который был здесь сто лет назад, но на некоторых подоконниках стояли ящики со цветами и растениями. Зелень на фоне камня и пыли.

Аврора повернула раз, второй, когда двигалась вниз по склону, следуя по кривой улице, пока та не сузилась до такой степени, что она могла протянуть руки и одновременно коснуться обеих стен. Из раскрытых окон до нее долетали голоса, смех, болтовня, случайные крики. Когда Аврора бросила взгляд через плечо, могла увидеть лишь верхушки замковых башен.

Несколько человек ходило вокруг невзрачного здания в переулке. «Танцующий единорог» — вещала вывеска. Аврора сомневалась, что настоящие единороги были жирными и неуклюжими, как на картине. Принцесса слышала женский голос, скользящий по ветру, и остановилась. Она пела, её голос то поднимался, то опускался со вздохом. Звук, казалось, скользил по коже Авроры, мягкий и нежный, словно шёлк. Она прежде слышала только исполнителей на торжествах, и еще ребёнком неуклюже играла на арфе, но она никогда не слышала ничего такого сладкого и естественного.

Музыка замерла в воздухе, дёрнулась и заполнилась пустотой, с которой проснулась Аврора. Она заглянула в дверь и увидела толпу людей, которые двигались, разговаривали, смеялись и танцевали. Болтовня заставила её замереть, оглядеться, но тут было столько людей, что её не замечали. Она могла зайти, ощутить музыку, и никто бы не узнал.

Она опустила голову и вошла.

Комната была неудобной, потолок — низким, в воздухе чувствовался дым. Фонари висели по бокам, раскачивались с шагами толпы, бросая тень на комнату. Из мебели было лишь несколько порванных кресел и стульев разных цветов и размеров, стоявших, безо всякого смысла, всюду, кроме сцены, где танцевали люди. А люди... Они заполнили каждый дюйм, говорили, играли в игры, танцевали, переговаривались на огромном количестве языков. Несколько таких же молодых, как и Аврора, стояли у бара, и суетились, смеялись и шутили, допивая свои напитки.

На сцене в дальнем углу высокая девушка играла на странном инструменте из дерева и струн. У нее был отстранённый взгляд, длинные чёрные волосы прикрывали ледяные глаза и светло-коричневую кожу. Половина лица была затенена, линии скул заострились тенями далёких фонарей. Она покачивалась и пела, зажмурившись из-за жара комнаты. Музыка смешалась с желанием, но Аврора не могла его прочувствовать, тоска сжимала её. Она сделала несколько шагов к девушке, лавируя между столами, позволяя этому месту коснуться

её.

— Аврора, — её имя вырвалось из толпы так громко, словно его сказали в рупор. Перед нею возникла пожилая женщина, говорившая с мужчиной, возможно, мужем. У неё был громкий голос и подвижные руки, сопровождавшие жестами каждое слово. — Это чудо, чудо! — воскликнула она. — Чудо! Я сказала Морин, да, ей, что не забуду этот день! Ни я, ни она, да! Не думала, что на моём веку... — она остановилась и посмотрела на Аврору. Улыбка была беззубой, но приветственной. — Я могу помочь, дорогая?

— О, — сердце Авроры забилося, и жар хлынул к щёкам. — Нет. Простите.

— Не стоит, дорогая. Садись, если хочешь. Мы говорили о церемонии.

— Церемонии?

— Принцесса. — добавила женщина, словно Аврора сошла с ума. — Спящая красавица. Ты не могла не видеть!

Желудок Авроры сжался.

— Я пропустила... — прошептала она.

— Пропустила?

Аврора неуклюже кивнула. Она хотела спросить женщину об этом, узнать каждую деталь, поделиться мыслями о принцессе, но слова не сорвалось с языка.

— Молодые люди... — женщина сказала своему возможно мужу. — Я ждала это всю жизнь, а молодёжь пропускает. Тристан! — Парень, убравший стол в нескольких шагах от неё, поднял взгляд. — Я нашла тебе друга!

У парня были неряшливые каштановые волосы и ленивая улыбка, словно он наслаждался немой шуткой. Он подошёл к ним, держа поднос с кружками.

— Друга, Долорес?

— Кто-то, кто избавит тебя от этого дурацкого угрюмого взгляда!

— Не угрюмого, а глубокого.

— Глубина — глупость, если спросишь. Это не для тебя, — женщина покачала головой. — Не понимаю, как можно постоянно быть несчастным. Но не волнуйся. Я нашла единственного человека в Петрихоре, если не во всей Алиссайнии, который пропустил шоу... Посочувствуйте друг другу, или пожалуйтесь, что там любит молодёжь.

Он смотрел на Аврору, улыбка немного задержалась, словно что-то в ней зацепило его. Аврора заставила себя посмотреть ему в глаза, сердце колотилось. Его улыбка вновь расцвела, и он кивнул.

— Рад видеть.

— Вы ещё пожалеете, да! — Долорес махнула рукой. — Когда ты будешь сер и стар, как я, внуки спросят тебя, где ты был, когда Спящая Красавица проснулась. Скажешь, что пропустил, и посмотришь, что они скажут!

— Не переживай, Долорес, у меня не будет внуков. Ты закончила? — он кивнул на кружки.

— Да, заberi, если не хочешь меня развлекать.

— Увы, Долорес, — он забрал кружки на поднос. — Я безнадежен, — он вернулся к бару, кивнув им.

— Этот парень, — промолвила Долорес, когда он ушёл, — если я увижу его иным, я настолько удивлюсь, что помру... — Аврора ещё раз неловко кивнула, и Долорес повернулась к мужу.

Очевидно, разговор был окончен. Аврора отдалилась, подошла к сцене. Она

прислонилась к стене и закрыла глаза, позволяя голосу певицы окружить её. Звук был новым и задумчивым, заполнял пустоту и успокаивал пульсацию в голове. Песня растворялась в следующей, и так по кругу, пока Аврора не ощутила, что может чувствовать.

— Хорошо, да?

Она открыла глаза. Парень, которого она встречала, прислонился к стене рядом с нею.

— Да, — кивнула она. Музыка ещё наполняла её, заставляя оставаться уверенной. — Никогда не слышала такого.

— Да, довольно красиво. Она прибыла в Петрихор недели три назад. Путешествующая Крапива.

— Крапива?

Он пожал плечами.

— Псевдоним. Не спрашивай. Она колюча, как для певички, так что никто не спрашивал, — он был спокоен, словно мир был другом, и он ждал, пока это все поймут. — Увы, — добавил он, — Долорес думает, что «хорошему парню» нужна подружка. Кажется, она считает, что любая девушка годится на эту роль. Ты самая лучшая.

— О, — странно, случайный комплимент был приятнее, чем все прежние. — Это... приятно.

— Я солгал Долорес. — сказал он. — Я был на церемонии. Но её раздражает, что я пропустил её.

— О, — повторила она вновь. Ей казалось, что он наблюдал за нею слишком пристально.

— А ты? Что ты видела?

— Ничего, — сказала она. — Только толпу. — совсем не ложь. — Что это было?

— Хм, а как насчёт бокальчика какого-нибудь напитка? Я угощаю.

— О, — казалось, это единственное, что она могла говорить. — Нет, спасибо.

— Ты не можешь прийти в таверну и не выпить! — он оторвался от стены. — Не переживай! Я не буду пользоваться привилегией бармена, — когда она не сдвинулась с места, он схватил её за руку. — Давай! Вперёд!

Он пошёл к бару, и Аврора внезапно поняла, что волосы грязны, а на коленях пыль. Парень не заметил. Он указал на табурет, и она без вопросов заняла его.

— Новая подружка, Тристан? — девушка за барной стойкой с пышными каштановыми волосами была строгой. Выражение лица её было странным, и он закатил глаза и вздохнул, а потом рассмеялся.

— У меня всегда есть много подружек, Трудит!

— Как будто я не в курсе.

— Долорес говорит, она пропустила церемонию. Хотела представить меня единственному здравомыслящему человеку в этом городе!

Трудит посмотрела на клиентов, после — в дальний угол и нахмурилась.

— Не позволяй Нелл слышать такие слова. Ты знаешь, что она подумает.

— Это никому не повредит, — сказал он, но уже заметно тише.

— Так что тебя сюда привело? — спросила Трудит. — Не обижайся, но ты не похожа на нашу клиентуру.

— Я пришла из-за Крапивы, — сказала Аврора. Язык цеплялся за странное имя. — Я услышала снаружи, и она... так хороша.

Трудит улыбнулась, демонстрируя кривые зубы.

— Хороший вкус. Я задала этот вопрос, потому что увидела тебя с этим, — она кивнула на Тристана, который тут же пихнул её в бок.

Аврора оглянулась на Крапиву, которая стояла на сцене и пела странный стих, заставивший руки Авроры невольно дёрнуться.

— Мы уходим, — Тристан всучил кружку ей в руки. — Медовуха! — она поднесла её к губам и сделала глоток, удивлённо обнаружив богатый и сладкий медовый вкус. Напиток согревал горло, и она сделала глоток побольше.

— Вкусно? — спросил Тристан, и она кивнула.

Кто-то ещё зашёл в бар.

— Вечер добрый, — сказал он. — Две пинты эля, и ещё один за принцессу!

— Сейчас, — Трудя умчалась, оставляя Аврору наедине с Тристаном. Он вскочил и пересел ближе к ней.

— Итак, — сказал он, — это была моя любимая безумная кузина Пруденс Мидлтон. Не говори ей, что я сказал!

— Безумная?

— Пруденс! Она думает, что это имя сморщенной землеройки. Я думаю, ей подходит! — Аврора склонила голову, не зная, шутит ли он, и рассмеялась. — А я Тристан Аттуотер, — он протянул руку, и Аврора пожала её. — У тебя есть имя, или мне придется угадывать?

Аврора посмотрела ему в глаза. Кончики пальцев покалывали.

— Что бы ты выбрал?

— Давай подумаем... — он откинул волосы с её лица и стал осторожно её рассматривать. — Я б сказал... Мышка!

— Мышка?

— Ты ожидала что-то более царственного?

Она покачала головой и сделала ещё один глоток медовухи. Сладость обожгла горло.

— Почему мышка?

— Ты собираешься спрятаться.

Он вновь лениво улынулся, но во взгляде мелькнуло что-то новое, какой-то интерес. Она опустила глаза в кружку, но всё ещё кожей чувствовала его взгляд.

— Я не прячусь.

— Я так не думаю.

Она проглотила медовуху, чтобы не отвечать. Её сердце колотилось, но это не было тем страх, что был в башне. Это было захватывающе. Крапива ещё пела, и музыка согревала Аврору, словно пламя. Здесь были люди, считавшие её нормальной, без предначертанной судьбы, не собирающиеся ею манипулировать. Такое было впервые в её жизни. Она хотела быть свободной, иметь право дышать и говорить то, что она желала, а не то, что от неё ожидали.

Но Тристан внимательно наблюдал за нею, и его глаза, казалось, видели её мысли, как на ладони. Видели даже то, что Аврора сама не могла понять.

— Ты хотел рассказать мне о церемонии. — сказала она. — На что это было похоже?

— Ты хочешь обрисовать картинку для своих будущих внуков?

— Хочу дополнить её.

Тристан оглянулся, словно пытаясь отыскать шпионов.

— Ну, я могу сказать не так уж и много, — тихо сказал он. — Приветствие, улыбка, реверанс, веселье, речь. И ни слова от принцессы.

Аврора сделала ещё один глоток.

— Это должно было казаться подавляющим для неё, — сказала она.

— Лицом к толпе, да?

— Ага, — кивнула Аврора. — От неё столько ожидают.

— Ты говоришь о ней...

— Не знаю. Слишком много для человека, который спал сто лет, — было легче вложить чувства в слова, когда они анонимны, просто Мышь, а не принцесса. Не легко, но легче. — Как думаешь, люди верят? Что теперь, когда она вернулась, всё будет лучше?

Тристан нахмурился.

— Думаю, некоторые, — сказал он. — Остальные хотят верить, — пожал плечами. — Людям нужна надежда, да? Это не имеет значения. Лучше верить в магию, чем думать, что мы всю жизнь будем голодны и бедны.

— А ты? Ты во что веришь?

— Я, — он провёл пальцами по ручке кружки, пытаясь сосредоточиться. — Я понял давно, что никто никому не помогает. Нельзя просто сидеть сложа руки и желать. Может, мы должны говорить о другом. Нелл оторвёт мне голову, если подумает, что я говорю не то. И, поверь, ты не хочешь злить Нелл.

— Нелл?

— Владелец этого бара, — сказал он. — Она не плохая. Дала работу, когда мне было надо, хотя я не лучшая кандидатура. Но она любит играть в безопасность.

— А ты?

— Безопасность скучна, Мышка. Она для стариков с бизнесом, а не для таких, как мы с тобой.

— Мы с тобой? — она улыбнулась. — Ты меня едва знаешь.

— Я знаю достаточно, чтобы знать, что хочу тебя узнать. Могу я на это рассчитывать?

— Не уверена.

— Ты новенькая, — сказал он. — Ты можешь быть кем угодно! Я буду надеяться, что ты станешь похожей на меня.

— Я подумаю, — сказала она. Она схватила свою кружку ещё крепче, притянула к груди. — Откуда знаешь, что я новенькая?

— Я не помню тебя.

Она склонила голову и посмотрела на него. Светлые пряди упали на глаза.

— Ты всех тут знаешь?

— Всех надо знать, — сказал он и взял её за руку. Дрожь пробежала там, где он касался её.

— Тристан Аттуотер! — крупная женщина с копной седеющих каштановых волос шла к ним. — Я не терплю флирт!

— Ты за это не платишь, — возразил Тристан. — Но это часть работы!

— Клиенты ждут.

Он подарил Авроре ещё одну улыбку и покачал головой.

— Долг зовёт. Приятно было поболтать с тобой, маленькая Мышка.

— С тобой тоже, — она улыбнулась ему, и тёплая боль растеклась по сердцу, — Тристан.

Потом он ушёл, и Аврора повернулась к сцене, позволяя музыке заполнить пустоту, которая образовывалась, когда слишком долго сидеть неподвижно. Слова Тристана

крутились в голове, и она пыталась расшифровать голос, тёплую улыбку, его взгляды. Время от времени её глаза искали его, когда он работал и говорил, довольный всем, что делал. Однажды он поймал её взгляд и усмехнулся.

Она понятия не имела, сколько прошло времени, минут или часов музыки и украденных фраз, прежде чем Крапива ушла, и толпа начала редеть.

— Спасибо, — сказала Аврора, положив перед Тристаном пустую кружку. Она чувствовала себя мирной, словно боль и стресс принадлежали кому-то другому.

— Крапива и завтра здесь будет, — сказал Тристан, склонив голову. — Увидимся?

Она знала, что не должна. Не должна. Это бесполезно, так нельзя, и если узнают... Но сердце колотилось при мысли о ещё одной ночи в стенах замка, где нельзя уснуть и можно лишь смотреть в потолок и думать о жизни. Слова сорвались с губ прежде, чем она успела себя остановить.

— Да, — сказала она. Голос дрожал. — Увидимся.

Авроре снилась ночь, напоянная улыбками, искажёнными лицами и смеющимися взглядами. Она проснулась до рассвета и села у окна, наблюдая за тем, как загорался день.

Щелчок замка объявил о прибытии Бетси. Закрывание дверей было вне мастерства Авроры, так что она слушала, как Бетси случайно заперла её сама и дёрнула нетронутую ручку. Нахмуренное лицо Бетси было смешным, и она смотрела на ключ, словно пыталась что-то понять. Когда она увидела, что Аврора смотрит на неё, тут же сунула ключ в карман и неуверенно улыбнулась.

— Доброе утро, принцесса. Королева сказала, что вы позавтракаете с принцем Родриком. Разве это не прекрасно?

Прекрасно — не совсем то слово. После их неумелого обмена любезностями они молчали, слышался лишь скрежет ножей и ложек. Родрик смотрел на всё, кроме Авроры. «Истинная любовь» раздражала её, но молчание было хуже. Оно давило на неё, пока Родрик пытался что-то там отыскать.

Тысяча способов начать разговор крутились в её голове, но было слишком поздно пытаться. Слишком долгое молчание. Если он не хотел говорить с нею, она могла бы дать ему повод уйти.

— Есть планы на день? — наконец-то спросила она, когда слуги пришли за тарелками.

Он покачал головой.

— Провести его с тобой. Познакомиться поближе.

— О...

— Ты что-то хочешь сделать? — он посмотрел на неё, и голос наполнился надеждой. Требовалось лишь несколько слов от неё, и вновь столько оптимизма. Аврора не могла привыкнуть к этому. Принц казался безобидным, но тишина получаса была правдивее, чем это дружелюбие. Они чужие, и всё остальное просто смешно.

Тем не менее, было бы проще, если бы они поладили.

— Может быть, вы бы показали мне всё... — она посмотрела на свои руки. — Столько изменилось, пока я спала. Я была бы рада прогулке.

— По городу? — встревожился он. — Не уверен...

— Нет, — быстро отозвалась она. — Не город, — она до сих пор чувствовала сладкий привкус медовухи на губах, мурашки на коже от песни Крапивы, светильники, словно феи на пути, что развеивали мрак. Это были её секреты, то, что не может испортить проклятье и ожидание. Она не хотела топтаться по ним с Родриком и стражей, кричащей о её прибытии. — Просто по замку.

Родрик выдохнул.

— Да, конечно, — сказал он.

Он вёл её по полузнакомым коридорам, указывая на палаты и подарки от иностранных гостей, представляя стражу и слуг, которые кланялись, когда они проходили мимо. Каждое слово он попугаем повторял за родителями, так официально и с прямой спиной. Хотя Аврора чувствовала проблески нового, странную смесь посторонних привкусов и прошлого, она не ощутила замок так, как Родрик. Но замок прежде не был самым скучным местом во всей Алиссайнии.

— А сад ещё есть? — спросила она, когда он указал на золочённые стулья в

столовой. — В центре замка?

— Да, — кивнул Родрик. — Хочешь увидеть? — она кивнула. — Я должен был подумать об этом! — воскликнул он. — Девушки любят цветы...

И парни, как и медовуху, но она проглотила слова, ведь Родрик и так покраснел.

— Не знаю о девушках, — покачала головой она. — Но мне хочется на свежий воздух.

Аврора помнила сады так же ясно, что могла чувствовать траву пальцами ног. Замок был пуст внутри, каменные стены обернулись вокруг деревьев, словно часть внешнего мира спряталась в нём, полная сочной травы и чистого неба. Но когда она вышла из арки на солнечный свет, увидела только мощёные дорожки, которые вились вокруг клумб и нескольких деревьев.

— Мама привозила сюда цветы со всех концов земли, — сказал Родрик, ведя её по дорожке. — И у неё есть садовники, лучшие в королевстве, которые заботятся об этом. Сейчас пока нет цветов, но они будут. Когда наступит весна.

Аврора кивнула. Это было прекрасно, конечно, но в сравнении с садом из её воспоминаний сейчас здесь было столь изыскано, столь сдержанно, словно даже зимой трава гнулась по воле королевы.

— Что-нибудь ещё? — спросила она. Это сад. Она знала — природа не ждёт. Но он казался таким древним и вечным, живым остатком земли со времён Алиссаи, полный духов и мечтаний, стучавшихся в бесконечность. Это единственный участок внешнего мира, где она могла бывать в детстве, пока не оказалась запертой в башне. — Всё поменялось?

— Я не знаю, — сказал Родрик. — При мне всегда было так, — он смотрел на голые деревья. — Мы всё ещё живём в замке, — оптимистично промолвил он. — Как и ты!

Она отступила от него, чувствуя покалывание на губах и в пальцах.

— Осталось немного старых яблонь, — сказал Родрик после неловкой паузы. — Вот тут. Я покажу тебе.

— Что случилось, пока меня не было? — вопрос возник из неоткуда, всё ещё в невысказанном отчаянии найти хоть что-нибудь. Родрик поражённо остановился.

— Я не знаю... много чего случилось. Что ты хочешь знать?

Она знала, что хотела спросить. Что заставило людей погрузиться в сказку? Что заставило поверить, что настоящая любовь принца, поцелуем разбудившего принцессу, да и сама девушка столько могут означать? Людям надо надеяться, как говорил Тристан. Но не упомянул почему.

— Почему люди считают меня столь многим? — спросила она. — Почему так заботятся...

Он открыл рот, после закрыл и открыл вновь.

— Не уверен, что это у меня стоит спрашивать, принцесса... — промолвил он, всё ещё не глядя на неё, его щёки вновь запылали красным.

— Твоя мать говорила мне не рассказывать мне, — это было только предположением, но его глаза потупились, словно в поиске пути отступления, и она поняла, что это правда.

— Она не хочет на тебя давить, — наконец-то промолвил он. — Она думает, что слишком многое о прошлом сделает тебе больно.

— Мне больно от того, что я так мало знаю, — она смотрела на него, хотя он и отводил взгляд. — Скажи, почему ты так обрадовался, когда я проснулась! — сказала она. — Позволь мне тоже быть счастливой.

— Я не уверен, что прошлое счастливое, принцесса, — он сунул руки в карманы и

направился по дорожке. Она следовала за ним на расстоянии вытянутой руки, сложив руки на груди и так сжав плечи, что костяшки пальцев побелели. — Всё было в порядке, пока твои родители жили. Но когда они умерли... Что делать людям? Ты наследница, но крепко спала. Никто не знал, должен ли быть регент, или временный король, или новый, но все верили, что ты проснёшься в следующем месяце или году. Некоторые надеялись... Отец говорит, что остальные стали жадными, увидели в проклятье шанс получить всё себе.

— Если бы я проснулась, всё бы стало на свои места?

— Возможно, — сказал Родрик и пнул камешек, затесавшийся в пыли. — Жадные не отступают, потому что не хотят.

— Поэтому, — сказала она, — все рады, что я проснулась?

— Я не знаю, — сказал Родрик. — Я не думаю, что это так. Уже нет. Хорошо, что ты тут. Пятнадцать королей было с тех пор, как ты уснула, не считая твоего отца. Пятнадцать за восемьдесят лет. Мой папа старается изо всех сил, но трудно держать трон в безопасности. Так что мы с тобой... Это многообещающе. Даже больше. Это... Не могу объяснить, — он смотрел в землю, словно ответы были в камнях. — Полагаю... Люди думают, что ты вернёшь волшебство. Оно пропало. Всё, кроме тебя, а тебя не достичь. После того, как ты уснула, всё пошло наперекосяк. Всё словно было проклято, и развалилось, как только ты уколола палец. Где росла еда, теперь из-за ужасной погоды ничего не росло... люди привыкли к безопасности и испугались, что кто-то будет претендовать на трон, что Ванхельм будет угрожать жителям, что жители Фалрича вновь придут из-за гор...

— Они нашли путь через горы? — она пыталась вспомнить карты Востока, пытаясь представить, как это — подниматься в снегах, идти по пустыне... И быть первым и единственным человеком, кто пройдет там.

— Да. Хотя последняя атака была много лет назад.

Много лет назад, но ведь Аврора думала, что Фалрич — иностранное, заброшенное место, куда можно попасть только через горы. Столько усилий для взаимодействия, и ведь никто не делал этого. Письма путешествовали по морю и пахли розами и жимолостью. По словам мамы Авроры, у Фалрича было столько противоречий, что ребёнку надо было родиться там, чтобы их понять. Когда послы приходили, говорили, что их высмеивали там настолько тонко, что требовались годы, дабы это понять.

— Моя мать была из Фалрича, — сказала Аврора. Она ревновала мать за её способность покинуть дом и отправиться на новые земли. Казалось, как Алиссая.

— Моя мама тоже.

— Да?

Родрик кивнул.

— Я полукровка, — он отвернулся, глядя на голые ветви. — Люди всё ещё не доверяют нам. Из-за Фалрича и всего, что случилось после вторжения. Все застряли в прошлом, — он пожал плечами, выпрямился, становясь спокойнее. — Но теперь ты проснулась. Всё пойдёт своим чередом.

— Я тоже застряла в прошлом, — она почти шептала. — Или застряла тут, — она опустила взгляд на свои ноги. Туфли казались слишком мягкими и яркими на фоне каменной дорожки. Её родители боялись будущего, каждой новой секунды. Они пытались контролировать жизнь Авроры, и всё зря. — Я скучаю по своей семье, — промолвила она. Слова повисли в воздухе, слабые и бесполезные, не в состоянии охватить даже половину того, что она имела в виду.

— Мне жаль, — он промолвил это так тихо, что она почти не расслышала его. Он всё ещё смотрел в сторону. — Но у тебя есть новая семья... Я. — он вздохнул, признавая бесполезность своих слов. Только кивок и более решительная улыбка, чем прежде. — Ты свяжешь старое и новое.

— Ты веришь в это?

Он посмотрел ей в глаза.

— Это ведь сработало, да? Ты проснулась. Почему остальное не должно быть правдой?

Не всё правда. Селестина заботится о счастье? Нет. Аврора не верила в это. Эти обещания выдумали после её проклятия, и они были комфортны для всех, кроме самой Авроры.

— Вы должны знать, принцесса, — сказала Бетси, когда вошла в комнату Авроры во второй половине дня. — Принц Финнеган только что прибыл в замок. Он не привлекал внимания. Королева не кажется счастливой.

— Принц Финнеган? — Аврора отложила книгу. — Кто он?

— Он принц Ванхельма, принцесса, — сказала Бетси. — Его не было тут несколько лет, но теперь он прибыл. Из-за вас, должно быть.

Ванхельм. Земля предков Алиссайнии, откуда сто лет назад сталь и дым их выгнали.

— Что он хочет? — поднявшись, спросила Аврора.

— Я не говорила с ним, принцесса. — сказала Бетси, поправляя булавки в волосах Авроры. — Я слышала, он красив.

Дверь распахнулась, и королева вошла в комнату. Её волосы казались ещё более сложно уложенными, чем прежде, жемчуг вплетён в косы, которые тщательно уложили на макушке. Она поджала губы, увидев Аврору.

— Хорошо, — сказала она. — Вы готовы. Мы не можем заставлять принца ждать, — королева, казалось, прилагала усилия, чтобы быть спокойной.

— Принц приехал издалека, — осторожно сказала Аврора, когда королева потянула её по коридорам. — Ванхельм в нескольких днях по морю, ведь так?

— Да, — кивнула королева. — Должно быть, он уже был в Алиссайнии, когда услышал новость.

Тишина окутала зал, когда Аврора и королева вошли в медные двери. Королева села на трон, и Аврора остановилась рядом.

Родрик вошёл в зал через дверь за тронами. Он улыбнулся Авроре, и она улыбнулась в ответ. После, он остановился слева от трона отца, отражая позицию Аврору.

— Сколько можно ждать? — воскликнул король. — Где принц?!

— Я здесь, Ваше Величество. Жду вашего слова.

Молодой человек с чёрными, словно смола, волосами вошёл в комнату. Лихой мужчина из породы жуликов или пиратов, сражающихся на мечах и ухаживающих за девицами, с быстрой речью и добрым словом, но это слово соответствовало ему. Красивый, уверенный, зеленоглазый... Он был убеждён в своей привлекательности.

Он опустился на колени перед королём.

— Так здорово быть здесь, Ваше Величество, — сказал он. — Вы рады?

— Как никто. О, не стоит! — сказал король, приказывая взмахом руки Финнегану подняться. — Мы все тут друзья... — если бы он не хотел, чтобы Финнеган вставал на колени, почему при всех позвал? «Он хотел видеть его на коленях» — вдруг поняла Аврора. Хотел показать, что он один имеет власть.

Финнеган, однако, не беспокоился. Чёрные волосы упали на брови, когда он поднялся, и он откинул их назад.

— Я слышал, в Алиссайнии праздник.

— Да, в самом деле, — кивнул король. — Да, мой мальчик. Ты ждал этого благословения, но Родрик достоин больше, верно? — он гулко засмеялся, словно дразнил. Финнеган добродушно улыбнулся, но Аврора заметила, как блеснули его глаза.

— Боюсь, мы не ждали вас так скоро, — сказала королева. — Свадьба состоится через три недели, а мы совсем не готовы...

— Простите, Айрис, — сказал Финнеган. — Я надеялся прибыть вовремя, но мы задержались. После того, как я услышал об успехе Родрика, я знал, что не смогу дождаться свадьбы, чтобы встретить и поздравить прекрасную принцессу.

— Конечно, — кивнул король.

— Это прелестно, — добавила королева.

Финнеган заинтересованно смотрел на Аврору.

— Мне приятно встретиться с вами, — сказал он, подошёл ближе, взял за руку и поцеловал пальцы. — Вы красивее, чем в легендах.

Аврора опустила голову в тревожном реверансе, опустив голову, и Финнеган улыбнулся шире.

— Вы тоже так вежливы, одно наслаждение, — она чувствовала себя странно, словно он насмехался. Он блуждал взглядом по её телу, а ей хотелось отойти.

Королева тоже заметила взгляд Финнегана.

— Приятно видеть вас снова, Финнеган, — сказала она. — Надеюсь, вскоре мы пообедаем вместе. Слуги помогут вам устроиться. Вы должны отдохнуть после путешествия, — казалось, звучало странно, но он продолжал улыбаться.

— Путешествие всегда возбуждает меня, особенно когда в конце меня ждёт встреча с потерянной принцессой. Надеюсь, мы сможем пообщаться. И компенсировать потерянные сто лет.

Королева склонила голову.

— Ценю ваш энтузиазм, — сказала она, — как и принцесса, я уверена. Но она всё ещё напугана произошедшим, и мы бережём её. Мы хотели бы приветствовать вас, но, поймите, вам не стоит задерживаться.

— О, да, — сказал Финнеган, улыбнувшись Авроре. — Я понимаю.

Королева встала и поклонилась Финнегану. Аврора вновь опустила голову в реверансе, нервно сжимая юбки. Глаза Финнегана внимательно следили за ней.

— Невыносимый человек, — сказала Айрис, когда вела Аврору к комнате. — Держись подальше от него, если можешь. Аврора, он слишком тобой заинтересовался.

— Держаться подальше? Зачем?

— Этому принцу нельзя доверять.

— Он ваш гость, — сказала Аврора, когда Айрис свернула в другой коридор. — Если он не заслуживает доверия, почему он тут?

— Ты думаешь, мы можем доверять хотя бы половине из этих людей? Нет. Финнегана нужно унять. У него слишком много власти. Помни, он только говорит, что не интересуется тобой. Ему нужно лишь то, что ты можешь дать ему.

— Как и вам? — спросила Аврора.

Королева остановилась.

— Нет, — сказала она. — Мы пытаемся обеспечить безопасность королевства. Так что если хочешь вновь покинуть свои покои, послушай меня и придержи дерзость!

Аврора не отвела взгляд. Она будет бороться и получит то, чего хочет сама, но не сейчас, а когда королева не увидит.

— Да, Ваше Величество, — сказала она.

Она подошла к «Танцующему единорогу», когда наступила ночь, и её сердце стучало в такт шагам.

Таверна была полна смеющихся и танцующих людей. Какая-то группка девушек возраста Авроры держалась за руки и плясала у сцены. Несколько парней крутились рядом, но их не удостоили и взглядом. Более степенные ухажёры сидели дальше, собирались у столов за колодами карт и пытались разговаривать, перекрикивая музыку.

Тристан перегнулся через барную стойку, болтая с пожилыми женщинами. Одна из них подняла руку и легонько потрепала его по щеке, кокетливо подмигнула, отнимая руку, и Тристан, ухмыляясь, отшатнулся, сделав вид, что убит её красотой. Труды мыла кружки, а Аврора опустилась на стул, поворачиваясь к сцене. Крапива стояла на ней, отбивая странный ритм. Аврора сжала подлокотники и закрыла глаза.

— Итак, — сказал Тристан, подойдя к ней с той стороны бара, — ты вернулась.

— Ага.

— Девушка, которая держит слово, — протянул он. — Мне по вкусу.

Она улыбнулась.

— Знаешь, — Тристан протирал стойку тканью, — при втором посещении новым посетителям принято рассказывать о себе. Кто ты. Откуда.

Она крепче сжала подлокотник.

— Я скучна, — сказала она, — не хочу усыпить тебя, ты ведь работаешь.

— Ай, лгунья, — фыркнул он и вновь улыбнулся, словно они были лучшими друзьями. — У каждого есть история. Я вижу, что ты сидишь тут, сумасшедшие светлые волосы покрыты пылью, и думаю — как странно! У тебя есть секреты.

— Мне жаль тебя разочаровывать, — отозвалась Аврора, — но я никогда не рассказываю тайны незнакомцам. Может, если ты поведаешь о себе больше, я смогу поделиться.

— Ты знаешь кто я, — сказал он. — Тристан, помнишь? Но можно припомнить и другое... Если настаиваешь.

— Настаиваю.

— Тогда давай посмотрим... — он продолжал тереть, склонив голову, словно задумавшись. — Первое, что тебе стоит знать, так то, что я родился сиротой. Знаю, это невозможно, но это всё-таки правда. Я был с детства одинок, воровал на улицах Палира, пока странствующие акробаты меня не приютили.

— Странствующие акробаты? — она положила руку ему на плечо, открыв рот в притворном шоке. — Не известные ли палирские акробаты?

— О, да. Ты видела их, Мышка? Они могут двадцать раз прокрутиться в воздухе, а когда-то давно пели песни. Нет ничего более впечатляющего. Ну, и я, естественно, был звездой среди них.

— Конечно, — сказала она, — почему бы не быть лучшим среди выдуманных акробатов?

— Естественно! — сказал он. — Люди проезжали сотни миль, чтобы увидеть мои знаменитые прыжки и передвижения!

— Которые были...

— Это нельзя описать словами, Мышка.

Аврора улыбнулась.

— Хотелось бы увидеть.

— Не стоит. Нелл не будет счастлива, если я из-за отсутствия практики ударю одного из клиентов по голове.

— Удивительно... — покачала головой Аврора. — Почему остановился?

— Никогда не хотел. Но в один прекрасный день мы ехали в далёкую страну, а наш корабль был захвачен пиратами.

— И они тебя не оценили?

— Как ни странно, нет. Они пытались нас эксплуатировать, а тысячи салты не могли изменить их мнение. К счастью, я смог втереться им в доверие и лёд был сломлен. У меня был талант не только к акробатике, и не так уж и трудно было продвигаться вверх по карьерной лестнице. А совсем-совсем скоро я и вовсе стал капитаном корабля!

— Прекрасный акробат и капитан пиратского корабля, — хмыкнула Аврора. — Не слишком ли много приключений для... семнадцати лет?

— Девятнадцати, — поправил он, — но ты права. Последние два года я проторчал тут. Жизнь в открытом море скоро стала утомительной. Морская болезнь... Так что я прибыл в столицу и стал жить честно, — локти глухо ударили по бару. — Так, а теперь ты?

— Хорошо. Видишь ли, мои секреты правдивы, — Аврора подалась вперёд, упирая свои локти в десяти сантиметрах от его собственных. — Я родилась принцессой, — начала она, — в далёкой-далёкой стране...

— Попытайся сделать рассказ правдоподобным.

— Как твоя пиратская сказка?

— В точку.

— Я родилась принцессой, — вновь начала она, — но была проклята злой колдуньей при рождении. Я всегда должна была бродить по земле, как она сказала, и не отдыхать, никогда не находить утешение, пока...

— Позволь угадать. Пока не найдёшь настоящую любовь?

— Кто рассказал эту историю?

— Судя по всему, я, — сказал Тристан, но она посмотрела на него, и он опустил голову с нераскаившейся усмешкой. — Хорошо, продолжай.

— Да, — Аврора продолжала, а мысли крутились вокруг каждой сказки, что она читала, — пока я не найду ответ на её загадку.

— Какую?

— Не знаю. Она не сказала мне. Вот почему это невозможно.

— Может быть, — сказал Тристан, подавшись вперёд так, чтобы его предплечье коснулось его. — Отсутствие загадки может быть загадкой. Как решить загадку, что не загадана?

Труди подошла к ним с подносом в руке.

— Ты не должна говорить с ним, — сказала она Авроре. — Как и я.

— Труди считает моё очарование слишком подавляющим, — хмыкнул Тристан.

— Я нахожу твой зуд подавляющим. У тебя есть работа!

— Есть, Пруденс!

— Я серьёзно, Тристан. Было бы неплохо, если бы ты помог.

— Я помогу, — сказал он. — Обещаю. Но не сейчас, ладно? — Труди покосилась на

него, но выражение её лица смягчилось.

— Поскорее, — кивнула она. — Иначе убирать будешь сам.

— Есть, мэм.

Она покачала головой и ушла.

— Итак, — вновь заговорил Тристан. — Ты нашла ответ на загадку?

— Пока нет.

— Не беспокойся, — заявил он. — Сказки — это лишь мусор. Лучше быть пиратом!

— Я запомню.

Они замолчали, и дрожащий голосок Крапивы обернулся вокруг них, словно дым. Аврора вновь прикрыла глаза, позволяя звукам просачиваться в её сознание, а словам любви и надежды наполнять её, чтобы полностью ощутить их вкус.

— Она нечто, правда?

Аврора открыла глаза.

— Мне грустно от этого.

— Но ведь это весёлая песня!

— Я знаю, — сказала она. — Но мне всё равно грустно, — она провела пальцами по волосам, но Тристан схватил её за руку, прежде она повторила жест.

— Мы должны положить этому конец! — сказал он. — Труди, медовухи!

— Мы тут работаем, ты в курсе? — фыркнула труди, но принесла две кружки медовухи. Тристан вложил одну в свободную руку Авроры, а после поднял вторую довольно высоко. Они чокнулись и сделали глотки. Теплота разлилась в её животе, и она улыбнулась. Даже после шуток и ложью она чувствовала себя частью этого мира, словно и вправду принадлежала ему.

— Знаешь, — медленно начала она, — я не видела большую часть города. Мне нужно руководитель...

— Руководитель? — оживился он. — Поищи тут кого-то.

— Ну, я надеялась, что ты покажешь мне. Когда-нибудь. Если ты не против.

— Звучит как план, — кивнул он, отпустил её руку и оббежал вокруг стойки. — Пошли!

— Сейчас?

— Надо ловить момент!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она посмотрела в дальний угол таверны, где Нелл, владелица этого места, болтала с клиентами.

— Тебе нужно работать, — теперь, когда она получила то, что хотела, ей стало страшно. Она не должна выходить на улицу вместе с этим парнем, о котором ничего не знала. Но человек, который покажет ей город так, как он его видит, покажет то, что никогда не продемонстрирует королевский эскорт... Она не могла отказаться. Она не могла отказаться, ибо сердце билось быстрее и быстрее — ей так нравилось делать что-то запретное.

— Они не будут скучать по мне, — сказал он.

— Но Труди...

— Она шутит, — отмахнулся Тристан. — И вообще, я хочу провести время с тобой! — он сжал её руку, подойдя слишком близко. — Давай, Мышка! Разве ты не хочешь отправиться в маленькое приключение?

Через пять минут они уже вышли из таверны, заворачиваясь в накидки.

— Итак, — прошептала она. — Куда направимся сначала?

— Я знаю места. Верь мне.

Он повёл её по каменной дороге. Несколько человек кричали приветствия и бросали слова, проходя мимо, и он со смехом отвечал им.

— Кто эта девушка? — спросил один из них, когда они свернули на другую улицу.

— Новенькая в городе, — сказал Тристан. — Просто показываю ей всё.

— Уверен в этом, — хмыкнул человек, и Тристан махнул рукой, шагая дальше. Он повернул в какой-то узкий переулок, и они вновь оказались далеко от толпы. Улицы переплетались, скрещивались, скручивались, образуя лабиринт, вскруживший голову Авроры. Вскоре булыжники превратились в землю. Голоса проходили сквозь щели в стенах, но огни пропали, и даже не светились свечи в окнах, ничего, чтобы осветить путь, кроме отблеска луны. Аврора протянула руку и вцепилась в плащ Тристана, сжимая грубую ткань своими пальцами.

— Не бойся, маленькая мышка. Я не потеряю тебя.

— Не посмеешь.

Его рука нашла её.

— Ну, — сказал он, — мы почти там.

Городские стены маячили впереди. Аврора смотрела на них, наблюдая за огнями, мелькавшими среди камня. Она подняла голову, чтобы увидеть небо, и почти споткнулась о девушку, прижавшуюся к одному из зданий. Аврора в лунном свете могла видеть лишь тень на её лице. Девушка посмотрела на Аврору укоризненно, но даже не моргнула на её бессвязное извинение.

— Кто это был? — спросила Аврора, когда они отошли. — Почему она сидит тут в темноте?

— О, никто, — отмахнулся Тристан. — Они построили городские стены несколько десятилетий назад, чтобы беречься от подонков, но те, к большому удивлению короля, поддержали эту затею. Таким образом, они занимают тут северные края. Не хочется, чтобы они портили хорошую часть города, не так ли?

— Почему они пришли сюда? — спросила Аврора. — Если они плохие, то почему?

Тристан нахмурился, и когда он вновь заговорил, голос его был сердит.

— А куда им ещё идти? Люди думают, что с королём безопаснее. Армии не жгут твой дом, если ты тут. Конечно, это могут сделать мятежники, и у этих людей нет дома, который можно уничтожить. Но даже на улицах больше пищи, чем за этими стенами.

Аврора оглянулась. Девушка была уже вне поля зрения, но на улицах в темноте появлялось все больше лиц и фигур. В одном из переулков было так много людей, что они превратились в сплошную тень. Аврора не могла видеть, где начинался один человек и заканчивался другой, а только слышала гул разговора.

— Кто-то должен помочь им, — сказала она.

— Никто не станет, — пожал плечами Тристан, но голос его сорвался. — Так где ты живёшь, мышка?

— Не здесь.

— Позор, — хмыкнул Тристан. — Это ведь столь прекрасное место!

Они продолжали двигаться мимо стен, которые вились вокруг деревянных зданий, упавших, будто не в состоянии держаться самостоятельно.

— Куда мы идём? — спросила Аврора, когда они свернули в следующий переулок.

— Слишком много ненависти в этом месте, — сказал Тристан. — Прежде чем она

доберётся до тебя, я покажу тебе, почему она стоит внимания, — он остановился перед низким, кривым домом. На улице было так темно, что она едва могла его разглядеть. Тихий гул голосов наполнил воздух, — Теперь тяжёлая часть. Ты не боишься высоты?

Она подумала о том, как наклонялась в своей башне, выглядывая из окна.

— Нет.

— Хорошо, смотри, — он вскочил на свод крыши с грацией кошки, а через мгновение его лицо выглядывало из-за края. — Разбегись и прыгни!

Она подняла руки и коснулась лишь воздуха над нею. Край крыши был едва в пределах досягаемости, она едва достаёт кончиками пальцев. Она встала на цыпочки, пальцы скользнули по черепице, хватаясь за шов, и подпрыгнула. Ноги скреблись по стене, она хваталась за камень, руки болели от усилий. Рука соскользнула, и Тристан, схватив за запястье, потянул её вверх.

— Всё хорошо?

Аврора рассмеялась. Адреналин прошёл сквозь неё.

— Я на крыше, — прошептала она. Она была всего в нескольких футах от земли, но чувствовала огромную высоту.

— Я знаю, — сказал Тристан. В голосе чувствовался смех. — Итак... — она перелезла через плитку, поднимаясь выше и выше. Здание превращалось в лестницу, на каждую крышу приходилось перепрыгивать, и это заставляло её сердце трепетать от страха. Тристан шёл медленно, чуть согнув колени. Аврора маячила за его спиной, повторяя каждое его движение и чувствуя путь под ногами.

— Здесь, — сказал он. Они остановились на маленькой площади крыши, оказавшейся в центре, — можно обойти полгорода вот так, но это лучшее место. Я не хотел, чтобы ты шла опасным путём. Маленькая мышка могла бы упасть и разбиться насмерть.

— Я умею держаться.

— Я уже не сомневаюсь, — он схватил руку Авроры и сел, потянув её с собой.

Она взвизгнула. Было так высоко.

— Тристан! Осторожнее!

— Я не отпущу тебя. Смотри, — и он вытянул руки, касаясь её кожи, указывая на город.

Свет. Сотни и сотни огней, столько, что город сиял, бросая проблеск и тени на покатые крыши и паутину дорог. Впереди красовался замороженный в ночи замок. Основание его тоже сияло, но свет, тянувшийся вверх, мрачнел, пока совсем не растворялся в небе. Луна вспыхивала над головой.

— Красиво, да?

— Да, — она шла по крыше, пока они не оказались у края, покачиваясь в холоде ночного воздуха. Она всё ещё сжимала руку Тристана, и сердцебиение пронзало её.

— Когда я впервые переехал в Петрикор, я всё пропустил, — его пальцы сжались. — Дом. Семья. Я прежде не бывал тут, даже не знал Труди, и сходил с ума от того, какие все занятые, громкие и безумные. И тогда пошёл на крыши. Тут удобно думать. Сверху город не кажется таким плохим.

Ветер подхватил волосы Авроры, щекотал щёки и путался в ресницах.

— Почему ты ушёл из дома?

Он вздохнул и отпустил руку. Пальцы моментально стали ледяными.

— А ты?

Она убрала руку и схватилась за край крыши.

— Не по своей воле.

Он долго молчал.

— Я тоже.

Они сидели в тишине некоторое время, ноги Авроры болтались в холодном воздухе, ветер колот лодыжки. Пока она спала, мир переменился и вспыхнул, как звезда. Тристан был прав. Это место жестокое и холодное, но в кирпичках и камнях есть что-то красивое, что-то дикое. Она оглянулась, пытаясь увидеть сияние, увидеть всё, целиком. Несколько пятнышек вспыхнули во мраке. Городские стены ограничивали всё, за ними была только тень.

— Что там?

Он повернулся, следуя за её взглядом.

— Просто лес.

— Лес? — конечно. Не всё пропало. Она крутилась, пока не легла на живот, положив голову на локти, глядя в темноту. — Ты там бывал?

Тристан повернулся к ней, и теперь они лежали бок о бок, глядя на деревья, которые не могли видеть.

— Да, — сказал он. — Я не родился здесь.

— О, — сказала она. — Но с тех пор, как прибыл, ты там был?

— Не в этом году... — сказал он. — Это не лучшее место.

У него был вкус мира за стенами.

— Пойдём! Сейчас.

Он рассмеялся.

— Ты сумасшедшая? Даже я не хочу умирать!

— Почему? — спросила она, слова так и лились. — Почему сумасшедшая?

— Потому что нет способа выйти и нет возможности вернуться незамеченными. Ну, не потеряв голову. И, конечно же, — добавил он, когда она не ответила, — там есть призраки.

— Призраки?

— Призраки, — сказал он. — И монстры. Оборотни. Деревья, что оживают, чтобы захватить тебя, когда ты попытаешься пройти мимо!

— Лгун! — сказала она. — Там нет никаких монстров.

— Да неужели?

— Есть только медведи. И волки. И иногда львы. Но никаких монстров. Неужели ты их боишься?

— Ты сошла с ума, Мышка. Обезумела! И, да. Отвечая на твой вопрос. Я не хочу стать ужином какого-то хищного зверюги!

Она опустила подбородок на руки и закрыла глаза.

— Я не сошла с ума, — сказала она. — Просто... Я хотела бы пойти туда. Это напоминает мне о доме.

— Ты скучаешь по нему?

— Всё время. Но... — она открыла глаза. Даже в темноте она могла видеть очертания его лица, нахмуренные глаза и изогнутые губы. Она пожала плечами. — Мне некуда идти.

— Мои родители умерли, — он говорил прямо, словно ничего не случилось, и Авроре потребовалось мгновение, чтобы понять, что он сказал. — Потому я приехал сюда. Потому живу в таверне. Думаю, у тебя тоже нет семьи.

Она покачала головой, не в силах говорить. Её родители умерли. Это было слишком ужасно и бесспорно, чтобы сказать это вслух. Она медленно дышала, пытаясь раздробить

камень в груди. Они сидели, и молчание нарушало лишь дыхание и случайные звуки внизу.

— Станет ли легче? — спросила она, когда прошло слишком много времени, и она была уверена, что он забыл их разговор.

— Нет, — слова тяжело зависли в воздухе, но грустно не было. Больно, прямо, честно, но не грустно. — Не станет. Не знаю... Может, ты найдёшь причины, чтобы жить.

Огни мерцали под ними. Глядя в лес, она протянула руку и сжала ладонь Тристана. Он пропустил один удар сердца, а после сжал в ответ. Едва касаясь кожи, парень провел большим пальцем по ладони, вызывая толпы мурашек.

— Принцесса? — кто-то помахал рукой у неё перед глазами. — Принцесса, просыпайтесь! Пора!

Аврора открыла глаза, щурясь от яркого света. Бетси нависала над нею, и её тёмные локоны дико вились вокруг лица.

— Принцесса, почему вы еще спите?

— Я читала, — сказала она. — И уснула. — сказка о Спящей Красавице лежала открытая под её локтём, держась не слишком надёжно на подлокотнике. Со страниц ей улыбались портреты мамы и папы. Аврора попыталась выровнять спину, и плечо заныло, протестуя.

— Принцесса, надо полноценно отдохнуть! — заявила Бетси и положила на столик поднос с завтраком. — Я беспокоюсь о вас, вы словно вообще не спите...

— Я спала больше, чем нужно, — Аврора заставила себя улыбнуться.

— Ну, вам всё ещё нужен сон.

— Я помню.

Бетси пододвинула к Авроре тарелку.

— Хотя бы поешьте, — Аврора подняла рулет с джемом и откусила небольшой кусочек, чувствуя сладость во рту.

— Откуда ты, Бетси? — спросила Аврора, когда горничная отвернулась к шкафу. — Ты не против, если я спрошу?

— Я не против, — покачала головой Бетси. — Но это неинтересно. Я родилась в Петрикоре. Моя мама работала в замке столько, только я себя помню. Она работала на старого короля до того, как его убил стражник. Но меня тогда тут не было. Мой папа был кузнецом, и когда он умер, мама перевезла нас сюда... Тут было лучше всего, если не совать нос в чужие дела и исполнять приказы, — она покраснела, — но вам, очевидно, это неинтересно...

— Интересно! — возразила Аврора. — Твоя мама считала, что вне замка опасно?

— Ну, папу убили во время бунта пару лет назад... Не все любят людей со связями с королевской семьей, а он работал на них, подковывал лошадей и всё такое... Но где ещё работать, если не тут? Лучше жить в доме, хорошо питаться, быть в безопасности, чем стараться существовать в двух мирах одновременно, тут и там. Так мама говорит. Не поймите неправильно, люди тут хорошие, и в городе, и в замке... Но, принцесса, во время вашего сна были не лучшие времена, — она повернулась к шкафу. — Как насчёт голубого платья? Вы будете похожи на прекрасную весну!

Аврора кивнула.

Бетси пыталась причесать Аврору, перебирая пряди по несколько раз, словно не зная, что делать.

— Я должна кое-что рассказать вам, принцесса, — наконец-то сказала она. — Королева попросила меня запирать вашу дверь на ночь. Для защиты. Ну... Ведь вы понимаете?

Конечно, второе утро подряд дверь оказалась таинственно открыта. После того, как прежде Бетси уверилась, что дважды проверила замок, прежде чем ушла... Но не было обвинения и укоризненных взглядов. Просто... предупреждение. Беспокойство. Аврора почувствовала вину. Но она не могла остановиться, когда ещё столько не видела, когда

Тристан ждал её.

— Да, — кивнула она. — Я понимаю.

Через полчаса после того, как Аврора оделась и отпустила Бетси по её делам, Родрик зашёл к ней в комнату. Его улыбка была привычно болезненной, лицо покраснело, и весь он, от пальцев ног до кончиков волос, казалось, дрожал от волнения.

— Я подумал... — сказал он, словно это случалось только по праздникам. — И решил, что тебе понравится, я... — он посмотрел на неё и сделал паузу. — Ты в порядке, принцесса? Ты кажешься усталой... — он вновь покраснел, — но ты всё ещё так мила... и так прекрасна! Даже когда устала! Но ты выглядишь усталой, принцесса, и ты не против, если я буду спрашивать тебя об этом?...

«Меня зовут не принцесса», — подумала она и почувствовала ещё большую усталость. Но зачем говорить об этом?

— Так о чём ты подумал?

Он колебался, волнение вновь вспыхнуло в нём.

— Это глупая идея, правда. — забормотал он, — Я пойму, если ты не захочешь...

— Уверена, это будет замечательно, — покачала головой она. — Так что?

Он вновь улыбнулся, всё ещё немного осторожно.

— Хочешь встретиться с моей сестрой?

Аврора ничего не знала о сестре Родрика, лишь видела размытый силуэт этой юной девочки, когда проснулась.

— Да, — уверенно сказала она, — хорошо, — когда Родрик всё так же оставался неуверенным, она добавила: — Даже прекрасно!

— Она мало говорит... — начал он, — но она будет счастлива. Она столько раз читала историю! Это была одна из её любимых.

Конечно. Она до сих пор была персонажем. Придите и встретьтесь с нею за один золотой! Продемонстрируйте привязанность братьев и сестёр своими странными изысками! Что делать, если она для них просто героиня из сказки, и если так разочаровывает?

Родрик постучал в дверь комнаты, которая находилась несколькими этажами выше Аврориной, но только в противоположной части замка. За стеной раздался строгий голос с ноткой издевки, и женщина прервала занятия. Родрик приоткрыл дверь.

— Госпожа Бенсон... — начал он. — Простите за беспокойство... Я подумал, что могу поговорить с Изабель пару минут.

— Мы как раз проходим урок, — возразила госпожа Бенсон. — При всём уважении, образование вашей сестры важнее.

— Я думал, — начал Родрик. — Что мы с принцессой можем прогуляться с нею в саду... Только короткий перерыв... Я хочу, чтобы моя... Я хочу познакомить принцессу с моей сестрой.

— Пожалуйста! — послышался из комнаты мягкий, высокий голос. — Пожалуйста, госпожа Бенсон! После этого я сконцентрируюсь, обещаю!

Женщина вздохнула.

— Хорошо, — сказала она, — но недолго. И даже не думайте, что получите новое платье, если запачкаете это!

— Я не запачкаю! — воскликнула она. — Спасибо!

Каблучки застучали по полу, и девочка нырнула под руку Родрика. У Изабель были каштановые волосы, собранные лентой за спиной и сбегające волнами к талии. Черты её

лица были тонкими, как у матери, но она смущалась, как и её брат. Когда она увидела Аврору, то остановилась так внезапно, словно ударились о невидимую стену. Её щёки покрывали веснушки, а теперь вспыхнули малиновым цветом. Она смотрела на Аврору широко раскрытыми глазами, и когда прикусила губу, Аврора увидела, что у неё кривоваты передние зубы.

— Привет, — промолвила она. — Я Аврора.

Изабель кивнула.

— Это моя сестра, Изабель, — представил её Родрик. — Изабель?

Девочка словно вернулась обратно к жизни. Она опустила в реверансе, склонив голову и позволяя волосам упасть на лицо. Аврора делала так много раз в жизни. Только Изабель делала это куда опытнее и красивее.

— Не нужно приседать, Изабель, — тихо сказала она. — Это так приятно — встретиться с тобой.

Изабель выпрямилась, всё ещё кусая губы.

— Ну... — начал Родрик. — В сад?

Они шли молча. Родрик стал посередине их маленькой группы. Изабель смотрела в пол, лицо её всё ещё горело, она спотыкалась о длинные юбки своего платья. Каждые несколько секунд она косилась на Аврору сквозь ресницы. Аврора делала вид, что не замечает. Она не могла перестать представлять эту застенчивую, краснеющую, правильную маленькую девочку, склонённую над книгами, глядевшую на портрет Авроры и поглощающую каждую деталь. Каждый взгляд был оценивающим. Разве волосы Авроры вились так на картинах? Была ли её улыбка такой, как надеялась Изабель? Была ли она столь добра, как говорилось в историях?

Когда они подошли к двери во двор и Родрик дёрнул её, та оказалась закрыта.

— О, — Родрик вновь покраснел, словно это было ужасным отражением его характера. — Простите, надо идти за ключом... Простите.

Он поспешил прочь, оставив Аврору и Изабель со стражей. Секунды тянулись всё дольше.

— Ты очень красивая, — сказала Изабель так тихо, что Аврора почти не расслышала её слова.

— О, — промолвила она, — ты тоже очень красивая.

Изабель так замотала головой, что её волосы сбились набок. Она покусывала губу над своими выступающими зубами, пытаясь их скрыть.

— Я имею в виду, — сказала Аврора, — что ты прекрасно выглядишь.

— Мама говорит, что принцесса должна быть идеальной, — возразила Изабель.

— Никто не идеален.

Изабель вполне серьёзно посмотрела на неё.

— Ты идеальна.

Почему-то это утверждение заставило Аврору грустить. Она подогнула колени, чтобы заглянуть в глаза Изабель.

— Никто не идеален, — повторила она. — Я всё делаю неправильно, — всё, если верить в бесконечные критические замечания её матушки. — Я никогда не была аккуратной. Я ужасно разговариваю с незнакомцами, хотя считаю, что улыбка может быть полезной в этой ситуации, — губы Изабель задрожали. — Я так плохо причёсываю волосы, что они постоянно спадают на глаза, и я играю на арфе так плохо, что это похоже на кошачье

мяуканье. Я загибаю страницы книг, даже древних, пожелтевших и измятых. И даже пишу в них. — да, это было так давно. Она делала это. Однажды. Эти недостатки пропали во время пребывания в башне. Теперь проблем слишком много.

— Я слишком мну страницы, — сказала Изабель, — чтобы было удобнее. И постоянно читаю.

— Я тоже, — по крайней мере, прежде. Давным-давно.

— Госпожа Бенсон говорит, что рассказы глупы, — промолвила Изабель. — Она говорит, что это выдумка. Что мне нужно учить историю.

Аврора думала обо всех историях, что читала, фантазиях, сотнях миров, жизней и приключений, что видела, жила ими и дышала, будучи замкнутой в каменном круге.

— Если они реальны для тебя, — сказала она, — они реальные.

— Как твоя. Ты настоящая.

Родрик вернулся с ключом в руке, и с его руки свисал тёмно-зелёный плащ.

— Не хочу, чтобы ты простудилась, — сказал он, набросив на плечи Изабель ткань и застегнув застёжку, которой, казалось, часто пользовались. Он держал руку Изабель в своей, а второй вставил ключ в замочную скважину. Дверь со щелчком отворилась.

Родрик и Изабель твёрдо зашагали вперёд. Аврора следовала за ними в нескольких шагах. Сад казался ещё более упорядоченным королевой.

Вокруг тишина. Они углублялись в сад, но вдруг Родрик резко выпустил руку сестры.

— Наперегонки к яблоне! — Изабель вскрикнула и побежала, её маленькие ножки стучали по земле, юбки развивались вокруг ног. Родрик громыхал позади неё, с преувеличенным усилием. Руками Изабель ударила о ствол дерева, и девочка с восторгом подпрыгнула.

— Ты обманщица! — воскликнула Родрик.

— Нет, — возразила она, — просто ты медленный.

— Нет! — Родрик сгрёб свою сестру в охапку и закружил её. — Ты просто мошенница! — они оба смеялись, когда он перевернул её вверх ногами. Её волосы упали вниз, шпильки выпали, девочка со смехом пыталась вырваться. Принц поставил её на землю, она повернулась и помчалась к нему, а он нырнул за дерево.

— Изабель! — голос королевы разрезал воздух. Аврора подняла голову. Королева стояла у одного из окон второго этажа и смотрела на сад. — Немедленно прекрати! Принцессы так себя не ведут!

Улыбка Изабель исчезла. Её губы были слегка приоткрыты, открывая большие передние зубы, и слёзы собрались в глазах, но она не позволила им упасть.

— Разве принцесса Аврора вот так дурачится? — продолжала королева, и Аврора, покраснев, сжала руки в кулаки. Нет. Нет, она не дурачилась. Годы обучения достаточно успешно подавили желание. Но она не хотела быть примером для конца веселья Изабель. — Нужно вести себя сдержанно!

Родрик и Изабель медленно подошли к Авроре.

— Мы должны вернуть тебя госпоже Бенсон, — сказал Родрик сестре. — Она будет беспокоиться. И, уверен, у принцессы есть занятия...

Протест застрял в горле Авроры.

Изабель прижала руку ко лбу. Её пальцы всё ещё дрожали.

— Позволь помочь, — мягко сказала Аврора.

Она опустила на колени позади девочки, не услышав слов возражения, и не

поднималась, пока волосы не стали выглядеть идеально.

После обеда Родрик привёл Аврору в королевские покои на четвёртом этаже. Это были просторные палаты, отделённые от остальной части замка дверью со стражей и отдельным коридором, переполненным цветами — жимолостью, как подумала Аврора.

Дверь одной из комнат была приоткрыта. Король, королева и около двадцати придворных находились там; некоторые женщины, уподобляясь королеве, склонились над вышивкой, другие играли в карты. Приятный красный ковёр покрывал пол, картины висели на каждой стене, изображая диких существ и вельмож на праздниках.

— Родрик!

Король разговаривал с пожилым человеком, но сделал шаг вперёд, когда вошёл принц.

— Ты наконец-то к нам присоединился! Иди, иди сюда! Я говорил с сэром Эдвардом о твоей великой победе. Может, ты добавишь деталей... — Родрик взглянул на Аврору, но король рассмеялся прежде, чем он смог сказать. — Вы вдвоём провели всё утро. Конечно, принцесса найдёт развлечение на пять минут. Она может побыть с дамами.

Родрик отпустил Аврору и поспешил к отцу. Аврора замерла в центре комнаты, наблюдая за тем, как шили женщины.

— Сегодня я получила письмо от дражайшей Феодоры, — говорила одна из них. Их иглы пронзали ткань, но дамы едва ли смотрели вниз. — Бедняжка, она так больна...

— Ничего серьёзного, я надеюсь? — промолвила королева. Она посмотрела на Аврору, вполне ясно указывая сесть.

Аврора направилась к ним, но почувствовала, что кто-то стоит за нею. Она обернулась и столкнулась взглядом с принцем Финнеганом.

— Принцесса Аврора, — промолвил он. — Ты выглядишь потерянной.

— Думала, где присесть.

— Трудный выбор, — хмыкнул Финнеган. — Столько вариантов.

— Что вы там делаете, Финнеган? — спросил король. — Не вздумайте её похитить!

— Не буду, обещаю, — промолвил тот. — Но как сопротивляться, если она столь хороша?

— Будь уверен, она настоящий драгоценный камень.

— Давай, — Финнеган вновь обратился к Авроре. — Присоединяйся к нашей игре. Александра выиграла четыре раунда, кто-то точно должен вмешаться.

Девушка с крупными черными кудрями рассмеялась.

— Ничего не могу поделать, вы не умеете играть!

— Смотри, как она самоуверенна! — воскликнул Финнеган. — Помоги нам её победить.

— Боюсь, я не смогу помочь, — возразила Аврора, — ведь я даже не знаю правил.

— Так я научу! Это просто. Уверен, такая умная девушка моментально их поймёт, — она посмотрела на него снизу вверх. Что-то в этом «такая умная девушка» заставило её почувствовать себя жертвой шутки. Тонкой, вежливой, но заметной.

— Я всегда слышала, что умение ученика зависит от таланта учителя. В твоих надёжных руках я быстро выиграю.

— Отлично, — кивнул он, обнял её, направляя к игрокам. — Кто-нибудь, принесите принцессе стул!

Деревянный стул поставили рядом с Финнеганом, и Аврора присела. Кто-то незнакомый собрал карты. Он быстро перетасовал их.

— Александра начинает, — сказал Финнеган. — Выиграла целых пятьдесят раундов! Принцесса, будь уверена, у неё счастливая рука.

Александра сорвала карту с колоды и положила её лицевой стороной на стол.

— Единорог — красная четвёрка, — сказала она. — Мы играем с охотником сейчас?

— Нет, придержим, — возразила вторая женщина с прямыми каштановыми волосами, стекавшими по плечам. — Это первая игра принцессы.

Аврора поблагодарила бы её за внимание, если бы не подозревала, что это та самая женщина, которая назвала её не совсем яркой в день пробуждения.

— Ты столь внимательна, Карина... — хмыкнул Финнеган. — Начнём?

Карты разлетелись по столу.

— Правила просты, — продолжал принц. — В свой ход можешь взять любую карту любого игрока. Если у тебя есть пара в руке, опусти вниз. Тот, кто закончил игру со вторым единорогом, — он жестом указал на стол, — красной четвёркой, становится победителем. Ну, и обман поощряется.

— Обман?

— Какой угодно, — сказал он. — Если тебя поймали на обмане, должна уплатить неустойку... но если только поймали.

Аврора взяла в руку карты и расправила их веером. Единорога не было.

Финнеган наклонился к принцессе, её пальцы коснулись его. Он, перетасовывая свои карты, пробормотал:

— У нас есть о чём поговорить, но не здесь и не сейчас. Скоро.

Она заставила себя опустить взгляд на карты.

— У кого двойка клуб? — спросил один человек.

— У меня, — заявила женщина с коричневой тесьмой на плече. Она оглянулась, рассматривая выражения своих противников, а после сорвала карту с рук Александры. — Безопасная ставка, учитывая, сколько ты выиграла, — сказала она.

Карты вновь скользнули между игроками.

— Слышали, что случилось внизу у южных ворот? Дорогу заблокировали горящим мусором. Несколько стражников получило ранения, — Карина положила пару карт на стол и драматично вздрогнула. — Мой муж говорит, что вновь назревают беспорядки.

— Бунт? — человек рядом с нею засмеялся. — Не глупи, моя дорогая. Несколько раздражённых крестьян — это ещё не бунт!

— О, не стоит говорить о столь страшных вещах, — вздрогнула Александра.

— Александра считает, что если о чём-то не думать, то этого не существует, — сказал Финнеган. — Я удивлён, что в её мире вообще что-то ещё есть.

Александра пронзительно рассмеялась.

— О, Финнеган! — сказала она, — ты слишком жесток. — она продолжала улыбаться, но взгляд стал яростным.

Игрок справа от Финнегана переместился. Аврора увидела свои карты. Никакого единорога.

— Итак, — сказал Финнеган ей на ухо, — что ты думаешь?

Она осмотрела режущихся в карты людей. У неё было так мало опыта в понимании их мыслей. Но Александра поглядывала вправо и влево. Её стул откатился на пару дюймов, словно она пыталась увидеть карты других людей.

— Не у Александры, — пробормотала она. — Она ищет его.

— Что-то ещё?

Она осмотрелась.

— Человек в зелёном галстуке не обращает внимания на карты. Как бы не заботится, потому что у него есть то, что он хочет.

— Может быть, — сказал он, — но это лишь Эндрю, увы. Он не умеет лгать, поэтому просто верит в случай.

— Вы довольно странно шепчетесь, — сказал Киль. — Я чувствую себя предметом разговора. Это очень подозрительно!

— О да, — театрально заявил Финнеган. — Как же скрыться... — все за столом засмеялись. Когда игра пошла дальше, он наклонился ближе к уху Авроры. — У неё есть, — сказал он. — Она пытается сохранить лицо отсутствующим, но каждый раз, когда берёт карту, бросает взгляд на левую сторону... просто движения, которые не может остановить. Там единорог.

— Откуда ты знаешь, что это не хороший блеф?

— Потому что, Аврора, я знаю.

Почти все карты пропали, когда Финнеган протянул руку за подозреваемым единорогом. Он сунул его в руку Авроры без единого слова. Красная четвёрка.

Пока повороты продвинулись дальше, он подался вперёд, словно пытаясь рассмотреть три оставшиеся карты. Лёгким движением пальца он сдвинул единорога, чтобы тот был невидимым. Аврора скользнула пальцами так, чтобы он пошёл дальше.

Когда Карина потянулась за ним, она взяла не тот.

Эндрю отправил последнюю пару, и Аврора положила с улыбкой единорога на стол.

— Позор! — хмыкнул Финнеган. — Весь двор проиграл новичку. Думаю, я вновь буду наслаждаться этим.

Аврора нахмурилась. Выиграл он, а не она.

— Я устал от игры, — сказал Киль. — Почему бы не сыграть в другую?

Александра посмотрела на Аврору.

— Ты знаешь игры, принцесса? Ты же играла во что-то прежде.

— Да, что-то старомодное!

— Боюсь, — сказала королева, — Аврора научит вас в другой раз, — она стояла за стулом Авроры, хотя та не знала, когда она подошла. — Я должна украсть её к своему столу вышивки. У нас есть много тем для разговора.

— В другой раз, хорошо, — кивнул Финнеган.

Королева улыбнулась.

— Пойдём, Аврора, — сказала она.

Аврора встала и последовала за нею через всю комнату.

— Я предупреждала тебя, что следует держаться от него подальше, — пробормотала Айрис, когда они вышли из слуха. — Не позволяй ему обмануть тебя.

— Мы играли в карты.

— Финнеган ничего не делает просто так. У него есть свои мотивы, поверь мне.

Женщины за вышивкой покосились на них, когда они приблизились, но лишь улыбнулись и закивали. Королева указала на пустой стул, а после села, взяла кусок грубого хлопка и передала его Авроре.

— Практикуйся, моя дорогая, — сказала она, — мы оценим твои навыки и увидим, как это можно использовать.

— Я не умею... — тихо промолвила Аврора, взяв иголку с тканью в руки. Румянец вернулся на её щёки. — Иглы... Мне не позволяли...

— Тогда пора научиться, — сказала королева. — Можно больше не бояться уколоть себе палец.

Иголка казалась холодной и слишком тонкой.

— Да, Ваше Величество.

— Вышей своё имя, — сказала она. — Мы научим тебя, когда увидим ошибки. Проклятья не длятся вечно, моя дорогая.

Аврора перебирала материал, пытаясь пробить его иглой. Ткань зацепилась, она потянула сильнее, наклонилась пониже. Женщины вновь стали говорить о придворных и гостях на свадьбе, и Аврора надавила на иглу пальцем, потянула его вперёд и назад. Слишком тупая игла, чтобы принести вред.

Она взглянула на карточный стол, где велась другая игра. Финнеган сменил место и смотрел на неё и королеву. Он смотрел на неё поверх своих карт, приподняв брови.

Она вновь уставилась на ткань, но всё ещё слишком долго чувствовала этот взгляд.

Когда в ту ночь Аврора пришла в «Танцующий единорог», Тристан стоял у стены у входа, крутя монету в пальцах. Он улыбнулся, как только увидел, что она подошла.

— Мышка! — воскликнул он. — Ты тут. Мне показалось, ты придешь слишком поздно.

— Поздно? Зачем? Чтобы стоять тут?

— Лучше! Ты знаешь о ночной ярмарке на Базарной улице? — он держал монету между большим и указательным пальцем, словно символ торжества. — После того, как я вернулся прошлой ночью, Долорес решила сделать меня ужасно хорошим. Рада видеть меня с такой красавицей, как сказала она. Хотела, чтобы я мог сделать что-то особенное... — он улыбнулся и подбросил монету. — Кто я такой, чтобы отказать старой женщине? Так что, мы идём?

Конечно, она хотела пойти. Но Аврора склонила голову, словно задумавшись над предложением.

— Не уверена, — сказала она. — Что за ночь?

— Это очень интересно! — воскликнул он. — Больше всего повеселиться можно именно там. Жонглёры, пожиратели огня, гадалки, музыка... И, думаю, где-то там будет Крапива.

— Тебе не нужно работать?

— Не-а, у меня свободная ночь. Естественно, Нелл не планировала давать её после моего вчерашнего побега, но у неё доброе сердце. Вот я и обещал отработать денёк где-то на неделе. Так мы идём? — он предложил ей взять себя под руку, и Аврора тут же воспользовалась этим предложением.

— Ладно, — кивнула она. — Веди.

Они шли не тем маршрутом, которым шли до этого, а через ткацкие переулки, пока не оказались не переполненной улице. Башни замка выглядывали над крышами домов. Когда Аврора и Тристан двинулись вперёд, они попали в толчею, но быстро вошли в ритм толпы, и каждый шаг диктовался людьми спереди и сзади.

Дорога вела к широкой площади, переполненной людьми. Рыночные киоски выстроились по обе стороны улицы, освещённой фонарями и украшенной цветной тканью. Бумажные гирлянды висели между деревьями. Воздух был наполнен шумом, люди смеялись и кричали, работали на мостовой, устраивали разборки с продавцами, пели и спорили, пока они проходили мимо.

— Тут так каждую ночь? — спросила Аврора.

Тристан рассмеялся.

— Конечно, нет. Только раз в месяц это занимает всю площадь, снизу доверху. Фестиваль луны!

— Фестиваль луны? Звучит по-ведьмински, как по мне!

— А что, идея, — хмыкнул Тристан. — Всё ради принцессы. Предполагаю, они думали, что этот гром наконец-то её разбудит. Хорошее оправдание для всего этого, пока она спала.

— А нужно оправдание?

— Надеюсь, нет, иначе придётся придумывать другое.

Рынок был переполнен замечательными вещами — кипы ткани, маленькие медные статуэтки, вазочки и шали, ожерелья, и всё так блестело при свете фонарей! Один киоск был

завален книгами: рваными старыми томами в коже и бумаге, скреплёнными между собой. Всё это накренилось под таким углом, что казалось, будто любое движение заставит книги упасть. Один ряд уже упирался в гору книг, лежащих рядом с ним. Женщина рылась в нём, выдвигая томики практически наугад, глядя на названия, а после бросая их на вершину. Аврора наклонилась ближе, и ей так хотелось перелистнуть страницы.

Тристан проследил за её взглядом.

— Ты любишь книги? — спросил он.

— Да, — кивнула она. — А ты?

— Не особо. Папа научил меня читать, говорил, что это важно, но книги не так уж и часто попадались мне в руки. Я словно... Заржавел.

— Лучше тебе попрактиковаться, — она протискалась между другими людьми, пока не достигла стола. Она схватила первую книгу с мягкой бумагой, связанную струной. «Окольные пути Дана и Сокровище Араки», — гласило название. Некоторые страницы стремились выпасть.

— Мне нравилось это в детстве, — наконец сказал Тристан. — Когда я ещё мог держать её в руках.

— Никогда не слышала.

— Ты никогда не слышала об окольных путях Дана? — Тристан прижал руку к сердцу, словно был ужасно шокирован. — Он самый предприимчивый человек во всей Алиссайнии. Есть пятьдесят книг о нём... Сотня! Я думал, что ты любишь читать, Мышка.

— Я никогда с этим не сталкивалась, — она открыла книгу. Текст был грубо распечатан, нечётко местами, с грубыми очертаниями рисунков, по одному на несколько страниц. — И это о его приключениях?

— Большинство. У меня были книги дома, я всегда покупал их, когда у меня была лишняя монетка. Но я их потерял, когда приехал сюда.

Аврора протянула книгу ему.

— Ты должен купить, — сказала она. — Оживи приключение. Это будет хорошее применение для денег Долорес.

Тристан покачал головой.

— Я теперь слишком занят своими собственными приключениями, — сказал он. — Но я могу купить тебе, если хочешь. Я угощаю!

— Я не могу, — сказала она, но пальцы сильнее сжались на книге.

— Ты можешь, — сказал Тристан. — Это просто. — он поднял монету. — Простите! — он обратился к владельцу магазина. — Сколько вот за это?

Пока Тристан торговался, Аврора прижала книгу к животу, и улыбка растянулась на её губах.

— Спасибо, — пробормотала она, когда деньги оказались в чужих руках, и они отошли. — Правда, тебе не стоило этого делать...

— А я сделал, — сказал Тристан. — Нельзя же лишать тебя хорошей истории, так ведь?

Они зашагали вновь. Аврора крепко сжимала книгу в руках. По углам улицы играла музыка, танцевали в такт люди, в воздухе кружились ленты, за которыми наблюдали целые толпы. Аврора и Тристан остановились у одной из групп, глядя, как человек балансировал на конце длинного, тонкого шеста. Он начал жонглировать огромными шарами, и зрители зааплодировали.

Впереди, у каменного фонтана, показалась группа людей, которые пели и выбивали

ритм, а танцоры кружились вокруг них.

Аврора подпрыгнула на месте, и каблук её поднимался и опускался в такт с барабанным боем.

— Хочешь потанцевать? — спросил Тристан.

Она прежде никогда не танцевала. Она немного практиковалась — медленно вальсировала в башне, пока мама считала па, но не с другими людьми, и она никогда не танцевала так, как эти люди, кружась слишком беспорядочно.

— Я не могу... — начала она, но Тристан уже потянул её вперёд, скользя в щель в толпе. Какая-то девушка схватила руку Авроры, их пальцы встретились на книге, и принцессу затащили в круг. Она почти бежала, а ноги переплетались с чужими. Руки освободились, но тела сплетались и отталкивались друг от друга, вращаясь на месте, Тристан схватил её за талию. Потом какой-то незнакомец схватил её за руку, и они вновь танцевали в кругу. Волосы Авроры закрывали лицо, и вся улица была размыта в оранжевом свечении ламп. Это было упорядоченным хаосом с шагами, па и движениями, которые диктовались музыкой и волной толпы. Аврора закрыла глаза и позволила кружить себя.

Они вращались, пока голова не закружилась, а после Аврора потащила Тристана прочь, споткнулась и рассмеялась так сильно, что у неё перехватило дыхание.

— Мне нужен перерыв, — прошептала она, пытаясь вдохнуть воздух.

— Не могу не согласиться!

Волосы Тристана торчали в разные стороны. Аврора пригладила одну прядь. Её сердце всё ещё колотилось от танца, мир вокруг вспыхивал пятнами света. Когда они отвернулись от яркого города, она почувствовала, что могла бы сделать всё что угодно, и это ничего бы не значило, не имело бы завтра никаких последствий. Она посмотрела на Тристана, он оглянулся, всё ещё тяжело дыша и глупо ухмыляясь.

Аврора кинулась вперёд и поцеловала его.

Его глаза расширились от удивления, но она отскочила так же быстро и закусил губу. Тристан моргнул, но, прежде чем вновь наклонился ближе, она уклонилась, легкомысленная, с чувством странной смелости, которой было недостаточно, чтобы повторить. Она хихикнула.

— Ну же! Мы должны найти Крапиву!

Они спускались вниз по улице. Аврора вдалеке слышала голос Крапивы, пронзивший толпу. Её песня была мягче, медленнее и едва пробивалась сквозь крики и стук шагов. Она стояла на импровизированной сцене на площади и пела небольшой кучке людей. Её чёрные волосы были отброшены назад и стянуты заколкой в форме бабочки, она покачивалась, пока пела, а выскользнувшие пряди вились около шеи.

Аврора потянула Тристана за руку, пока они не оказались на площади и не потерялись в толпе, оказавшись почти у самых ног Крапивы. Тристан осторожно подтянул её ближе к себе, положив свободную руку на спину.

Кровь стучала в ушах, и его глаза блестели в тусклом свете. Она отпустила его руку и подняла свою, позволяя ей скользить по его плечу, прежде чем она остановилась на затылке. Мягкие кудри щекотали кожу, и она накрутила одну прядь на палец.

Его дыхание щекотало ей ухо. Она почувствовала лёгкое головокружение, и поэтому закрыла глаза, позволяя потоку музыки хлынуть через неё. Рукой Тристан обхватил девушку за талию, и они стали покачиваться в такт музыки.

Песня замерла, и парень наклонился ещё ближе, так, что его губы касались мочки её

уха. Когда он заговорил, слова были настолько тихи, что она скорее чувствовала, чем слышала их.

— Ты когда-нибудь скажешь мне кто ты, Мышка?

Её сердце колотилось с такой силой, что, она была уверена, он это чувствовал. Она покачала головой и почувствовала его дыхание на своей коже.

— Не думаю.

Она сглотнула и крепче зажмурилась. Минуты протекали сквозь пальцы, как песчинки. Она хотела что-то сказать, доверить ему часть себя, прежде чем все они пропадут.

Она прижалась щекой к шее Тристана. От него пахло дымом и сладостью. Она привстала на цыпочки, пока её нос не коснулся его уха.

— Я потерялась, — сказала она.

Крапива продолжала петь, слова были преисполнены тоски и душевной боли. Аврора затаила дыхание, а Тристан едва заметно улыбнулся.

— Я тоже, — сказал он. — Может быть, мы сможем потеряться вместе.

Аврора вернулась в свою комнату, свернулась калачиком в кресле и открыла новую книгу. История казалась такой же ужасной, как и захватывающей. Коварный Дан воровал и прокладывал свой путь через королевства, перепрыгивая от одной опасности к другой, вооружённый кинжалом и остроумием. Его враги проигрывали и девушки погибали. Дан увертывался от опасности, охотясь за легендарными сокровищами. Читая, Аврора не могла перестать представлять Тристана десятилетнем мальчишкой, поглощающим эти приключения. Это ли вдохновило его на историю о пиратах и акробатах?

Его губы, казалось, ещё касались её, и всё это волнение ночи запечатлелось в мгновении. Она не хотела спать. Она хотела ухватиться за воспоминание, наслаждаться стуком своего сердца. Она хотела прочесть ещё раз эту книгу, не переставая думать о Тристане.

Когда Бетси отворила незапертую дверь на следующее утро, она остановилась на долгое время, упревая взгляд в пол. После она мягко закрыла её и подошла к месту, где сидела Аврора.

— Принцесса, — сказала она, — я понимаю, что я только ваша горничная, и, надеюсь, вы не думаете, что я позволяю себе слишком многое...

— Ты не просто моя горничная, Бетси, — сказала Аврора. — Всё в порядке.

Она кивнула.

— Дело в том, если кто-то отпирал дверь, вы должны сказать мне. Это важно. Я не знаю, знаете ли вы о происходящем, но я всё же я беспокоюсь.

— Не беспокойся, прошу, — покачала головой Аврора. — Просто мне иногда душно по ночам. Я люблю ходить по коридорам. Стража всегда рядом.

— Нет, принцесса. Опасно ходить одной.

Аврора хотела пообещать оставаться тут, в безопасности, но ночная музыка всё ещё гудела в её ушах, Тристан сжимал руку, придерживая за спину, и слова застряли в горле. Ей нужно увидеть его снова. В этой ловушке она просто сойдёт с ума.

— В любом случае, я рада, что вы не спите, — сказала Бетси, отворачиваясь к окну. — Принц Финнеган просил вас присоединиться к нему за завтраком. Может быть, вы наденете золотое платье с лентой? Это будет так мило выглядеть...

— Финнеган хочет со мной позавтракать? — после того, как королева отругала её за простую игру в карты, она не собиралась видеть его ещё раз.

— Да, это так. Разве вам это не интересно? — Бетси вытащила из шкафа платье и провела по юбкам специальной щёткой.

Аврора сдержала улыбку.

— Думаешь, с Финнеганом так захватывающе проводить время?

Бетси покраснела. Она встряхнула платье ещё раз, а после подошла к Авроре, держа его перед собой.

— Что же... Он очень красив, принцесса. Не так хорош, как Родрик, конечно же, но... очень красив.

— Может быть, тебе стоит пойти? Кажется, ты более воодушевлена, чем я.

— О, не будьте глупы. Я не знала бы, что там делать. Я бы и слова из себя выдавить не смогла!

— Теперь я в это почему-то не верю.

Бетси хихикнула.

— Нет, принцесса, я бы упала на месте. Так что, счастье, что это вы получили сию прекрасную возможность! Задержите дыхание, пока я зашнурую...

Королева вошла в комнату через полчаса. Она оценивающим взглядом окинула Аврору: от её затянутой талии до широких юбок, скрывавших ноги, и кивнула.

— Пойдём. Принц Финнеган ждёт.

— Я думала, вы не хотите, чтобы я с ним виделась.

Королева нахмурилась.

— Бетси, ты свободна, — служанка поклонилась и выбежала из комнаты. Как только дверь за нею закрылась, королева вновь заговорила: — Ты спрашиваешь меня перед слугой?

— Я думала, я имею право спросить, — сказала Аврора. — Вчера вы просили меня держаться от него подальше. Сказали, что он опасен. А сегодня я должна завтракать с ним, словно мы лучшие друзья?

— Нет, — прищёлкнула языком королева. — Не как лучшие друзья. Как дипломатические союзники. Которыми вы и являетесь. Финнеган попросил завтрак с тобой, и как гостю, мы не можем ему отказать.

— Но... — «вы королева», хотелось ей сказать. Конечно, она могла отказать всем, кому бы только захотела.

— Ты будешь спорить со всем, что я говорю? — спросила королева. — Пойдём. Чем быстрее мы придём туда, тем быстрее сможем уйти. И веди себя идеально. Не относись к нему с той же наглостью, с которой относишься ко мне.

Королева провела её в небольшой уютный зал на одном из нижних этажей замка. Финнеган стоял у камина, глядя на картину, совсем без стражи. Он улыбнулся, как только увидел, что они приближаются.

— Моя дорогая Айрис! Как прекрасно видеть вас вновь. И Аврора... — он поклонился. — Спасибо, что согласилась встретиться со мной сегодня утром. Я так мечтал поговорить с тобою вновь!

Королева заставила себя улыбнуться.

— Один из слуг будет снаружи, если вам что-то понадобится, — сказала она. — Через минуту придёт завтрак, — принц благосклонно поклонился, и Айрис, бросив на Аврору предупреждающий взгляд, ушла.

— Думаю, теперь гораздо лучше, — протянул принц, как только дверь закрылась. — Терпеть не могу эту женщину.

Принцесса строго смотрела на него. Она внезапно почувствовала жгучее желание защитить королеву, хотя эти слова так точно отражали её мысли.

— О, только не говори мне, что тебе нравится эта старая несчастная летучая мышь, — протянул он. — Не думаю, что она сказала за всю свою жизнь хоть слово правды.

Его дерзость сопровождала самодовольная улыбка, и, казалось, он был восхищён каждым своим словом. Но дама должна быть вежливой, повторяла себе Аврора. Это было первое правило её матери — вежливость помогала получить что-то взамен.

— Айрис очень хорошая, — наконец-то сказала она, и румянец покрыл щёки. — Она стала такой опорой для меня...

— Хорошая? — рассмеялся он. — Это самая дорогая похвала, которую драгоценная Спящая Красавица может для неё придумать? — он прислонился спиной к столу, сжимая

край столешницы руками. — Ты ужасная лгунья, Аврора. Даже эта простая фраза заставляет тебя гореть, словно от пламени.

— Я могу быть плохой лгуньей, — сказала Аврора, — но могу читать людей так же, как и ты, ведь вчера выиграла карточную игру, помнишь?

— Да, — кивнул он, — не без моей помощи. Мы такая прекрасная команда! — он вновь отшатнулся от стола. — Мы так давно в последний раз были одни...

— Разве мы когда-то были одни? — спросила она.

Он кивнул.

— Лето шестьсот шестьдесят восьмое по созданию Алиссайнии, мой восемнадцатый день рождения. Один поцелуй, но он, пожалуй, не пришёлся тебе по вкусу, — он склонил голову. — Надеюсь, ты с возрастом найдёшь кого получше, — когда она не ответила, он добавил: — Видишь, ты даже не помнишь. Мне так больно, моя леди!

— Знаешь, — сказала Аврора, — меня столько людей целовало... Они не выделялись, — слова казались опасными на её языке, но она не хотела безропотно смотреть, как он дразнил её этой ухмылкой.

— И все они были такими же красивыми, как и я?

— Я не помню.

— Жестокость неразделённой любви! — он вздохнул. — Конечно, я тебя понимаю. Ведь я никогда не видел такую красоту...

— Неужели женщины так некрасивы в местах твоего обитания?

— Нет, — сказал он, — все они фотографически элегантны. Но это лишь сорняки в сравнении с твоей красотой и остроумием.

— Ты мне льстишь.

— Это помогает? Ты готова отказаться от принца Родрика и бежать со мной? О, у нас будет море приключений!

Аврора посмотрела на него в замешательстве, и он в ответ рассмеялся.

— Я забылся, конечно, Аврора. Ты любишь принца Родрика. Вы обречены жить долго и счастливо и иметь много золотых детишек, которые сядут на трон.

Она отвернулась, напрягаясь от неловкости и досады.

— Если ты пригласил меня сюда для того, чтобы поиздеваться...

— Издеваться? Какое оскорбление для бедного Родрика! Я лишь описывал сказку.

Стук в дверь спас Аврору от ответа. Финнеган подошёл, чтобы открыть её. Служанка стояла на пороге, волосы её были алы и обрамляли бледное, испуганное лицо. Она сжимала поднос с чаем и выпечкой.

— Я принесла завтрак, милорд, если вам угодно.

— О, да, Сильвия, — кивнул он. — Поставь. Такая прекрасная девушка, как ты, не должна стоять на пороге.

Горничная покраснела от корней волос до кончика носа. Неотрывным взглядом Финнеган следил за нею, когда она ставила поднос на стол и приседала в реверансе.

— Ты всегда смущаешь всех девушек? — спросила Аврора, как только служанка ушла.

— Только счастливиц, — он сел в кресло у стола. — Присаживайся. Позавтракай со мной. Обычно завтрак подразумевает что-то другое, но я готов позволить ему измениться. Ешь. Расскажи что-нибудь о себе.

Она не двигалась.

— Уверена, ты всё обо мне знаешь.

— По рассказам? Мама всегда мне говорила: «Не верь всему, что слышишь в сказках». Я бы предпочёл получить информацию из первоисточника. Почему, думаешь, я тут? Шансы Родрика разбудить тебя были минимальными, но я хотел быть рядом на всякий случай. Хотел встретиться с тобой при первой же возможности, — когда она не присела, он добавил: — Если не хочешь рассказывать мне о себе, может быть, поговорим обо мне? Хотелось бы знать, что такая честная девушка думает обо мне.

— Я едва тебя знаю.

— О, принцесса... — усмехнулся он. — У нас были возможности пересекаться прежде. Зачем вновь даровать такую холодность?

Она нахмурилась.

— Ты смешон и высокомерен! — заявила она. — Некий чужоземный принц, который издевается и унижает меня удовольствия ради.

— Продолжай. Первое впечатление очень важно.

— Ты легкомыслен и неуважителен, не понимаю, почему Айрис хотела встретиться с тобой.

— Видишь? Разве правда не прекрасна? Поверь, Айрис тоже так думает, и, будь её воля, меня бы тут не было. Но она этого не сделает, — он отломил кусочек от булочки. — Я слишком важен, чтобы меня игнорировать. Настолько, чтобы делать то, что хочу. Неизвестный, кажется, тебе урок. Или ты не так важна, как они утверждают?

Она заставила себя сохранять нейтральное выражение лица и села в кресло напротив него, высоко подняв подбородок.

— Я важна, — сказала она. — Можешь сказать, достаточно ли?

— Это будет трудно, — протянул он. — Ты ни слова о себе не рассказала. Если бы ты помогла мне понять тебя-настоящую, это было бы неплохой опорой.

— Нет.

— Прекрасно. Попробуем придумать самостоятельно, — он наклонился вперёд, и его взгляд прошёлся по её коже. — Ты сыта по горло, — сказал он, — вынуждена быть кроткой и прекрасной, но в тебе есть пламя, есть жестокость, уверен в этом. Ты хочешь приключений. Все говорят, что нет, но ты ведь хочешь. Я прав?

Она сглотнула, пытаясь не смотреть в его сторону.

— Ты не знаешь, о чём говоришь.

Он поднял брови.

— Ложь не красит тебя, — он отломил ещё кусочек, а напряжение между ними слегка потускнело. Аврора посмотрела на свои руки, которые держала на коленях. — Ты бы подошла Ванхельму, — сказал он. — Это не похоже на здешние места. Всего лишь небольшое море между нами — и миры уже так сильно начинают отличаться. Эти башни позорят здания, Аврора. Когда вы расползаетесь по земле, мы рвёмся к небу, скрываясь на маленьких клочках земли, которые не трогают драконы.

— Драконы? — она затаила дыхание. Драконы были порождением книг, легенд и мечтаний древности. Они не существовали, пока существовала Алиссайния, а может и раньше, и не врут ли и вовсе мифы?

— О, да, — сказал он. — Ты не знала? Они проснулись пятьдесят лет назад. Как ты. Они вышли из гор и превратили в пепел половину моего царства. Почему, думаешь, ваши король и королева нас так боятся? Мы ведь поняли, как приручить этих существ... — он усмехнулся. — Это так взволновало тебя, Аврора?

Существа из легенд, которые не имели никакого права на существование, сейчас жили и дышали. Конечно, она была взволнована!

— Почему? — спросила она. — Как же они проснулись?

— Никто не знает. Хочешь узнать? Если ты отправишься со мной, мы сможем подумать над этой историей. Но это не сказочная чепуха. Сердце колотится от опасности и пламени.

Хуже всего было то, что предложение звучало заманчиво. Просто оставить всех. Оставить принца Родрика и ответственность, сбежать и увидеть всё, что она не видела. Она почувствовала прилив гнева и ярости за эти попытки её заинтриговать, злилась и на себя за то, что позволила это сделать.

— Ты так увлечённо меня соблазняешь! — воскликнула она. — Неужели ты настолько некомпетентен, что для того, чтобы меня заинтересовать, тебе нужно упоминать фантастических зверей?

— Заинтересовать? Моя мама была бы рада, если бы я это сделал. У нас есть общие предки, знаешь. Поэтому так весело тебя дразнить, — он подошёл ближе, — недостойные мужчины правили Алиссайнией после смерти твоего отца. У моей семьи куда больше прав. Мы хотим объединить два королевства, привести некоторые наши достижения в отсталую область, отыскать новые земли для строительства. С тобой, конечно, всё будет куда проще, если ты пожелаешь этого союза.

— Имеешь в виду, если я предаю свой народ.

— Предать — это так резко, — промолвил он. — Если ты поддерживаешь короля Джона, мы можем научиться жить с таким порядком вещей. Мы хотим помочь этой милой сказке. Однако, если когда-нибудь ты немного разочаруешься...

— Я поддерживаю его! — сказала она так быстро, как только сумела.

— Твоё лицо не даёт тебе соврать. Ты должна начинать носить маску, если хочешь быть более убедительной.

Она встала, оставив еду нетронутой.

— У тебя есть ещё что-то, что ты хочешь мне сказать?

— Даже если она убегает, она вежлива... Есть предложение, Аврора. Пойдём со мной, и ты получишь и своё королевство, и своё приключение. Алиссайния — голодающий клочок земли. Я могу сделать этот мир лучше. И ты можешь уйти. Я знаю, тебе хочется этого.

— Ты думаешь, ты можешь уговорить меня предать моё королевство с помощью пары подмигиваний и красивой улыбки? — независимо от того, как неудобно ей было в этих стенах, она вдруг поняла, как ей повезло получить в женихи скромного парня Родрика, а не этого гордеца. Человек, считающий, что может читать людей с первого взгляда и говорить об этом без последствий.

— Конечно, нет, — сказал он. — Но не могу не заметить — ты говоришь об Алиссайнии, но ничего о своём любовном долге, — он встал и потянулся к её руке. — Ты дала мне столько информации для раздумий. Спасибо, что согласилась встретиться со мной, — он прижался горячими губами к её кисти в шёпоте поцелуя. — Уверен, совсем скоро мы сможем увидеться ещё раз.

Аврора провела последний день за вышивкой вместе с другими женщинами. Их болтовня была отличной возможностью прокрутить в голове слова Финнегана, чтобы найти в них скрытые оскорбления и намёки. Он был настолько самонадеян, что оказался убеждён в том, что Аврора от одного взгляда на него упадёт в обморок у его ног и не понимал, почему его ожидания не оправдались. Каждый раз, когда она вспоминала его самодовольную улыбку, гнев клочкотал в её душе.

Королева сидела так близко к Авроре, что их локти сталкивались каждый раз, когда она выводила нить, и она так пристально смотрела на каждый стежок и комментировала работу, будто Аврора была маленьким ребёнком. Из-за королевы Аврора не могла даже попытаться заговорить с другими женщинами. Они говорили о какой-то легкомысленной леди. Та ждала третьего ребёнка, та судилась, та думала о популярности жемчуга в Фалриче, та огорчалась, что кто-то не мог найти горничную. Темы менялись так быстро, что принцесса не успевала за ними следить.

Она должна сказать королеве о том, что Финнеган планирует заговор. Зачем бы она иначе предупреждала Аврору о нём? Либо она боялась за то, что Аврора будет в опасности, либо она считала, что Аврора не устоит перед соблазном.

Она уколола палец и ахнула. Королева нахмурилась, когда Аврора слизнула кровь, её мысли витали далеко отсюда.

Финнеган предложил ей сбежать, как будто она ждала, когда он придёт и спасёт её. Он думал, что она спрячется в его королевстве и будет воевать против своего народа. Она будет в долгу у высокомерного принца, который мог бы стать её врагом.

Если бы она хотела уйти, у неё был ещё один вариант. Тристан. Дрожь пробежала по коже при мысли о нём. Побег из таверны, шутки с Тристаном, песни Крапивы, медовуха и их поцелуи — и больше никакого долга.

Она воткнула иглу в ткань.

Поцелуй Тристана застыл на её губах. Если бы она закрыла глаза, она всё ещё могла бы видеть свет между ними. Она ещё чувствовала его руку на своей спине — так близко, словно объятия будут длиться вечно.

В конце концов, это была лишь фантазия. Но она будет цепляться за неё так долго, как только сможет.

В ту ночь Аврора практически примчалась в «Танцующий единорог», голова кружилась от желания увидеть Тристана. Таверна была спокойнее, чем она ожидала, но Тристан оказался там и протирал бар. На сей раз он не улыбался. Он поднял голову сразу же, как она проскользнула в дверь, и поспешил, никому ничего не сказав.

— Мышка, ты тут, — он положил руку ей на плечо, а потом оглянулся. — Нам надо поговорить.

— Мне тоже надо с тобой поговорить! — сказала она. — Я прочла книгу... Ты должен сказать, что случилось с Беллиндой! Она не могла...

— Сейчас не время, Мышка. Давай!

Они прошли через всю комнату, проталкиваясь через толпу.

— Что случилось? Это из-за прошлой ночи?

— Нет, — сказал он. — Просто надо поговорить. Но не тут.

Он схватил лампу со стола и повёл её через дверь за барной стойкой в грязную кладовку, заваленную бочонками и кувшинами. Аврора чувствовала запах алкоголя в воздухе. Бесконечные завалы оставляли слишком мало места, чтобы стоять. Он поставил лампу на подоконник в конце комнаты, её свечение отбрасывало тени. Потом он повернулся к ней лицом.

— Я должен тебе кое-что сказать, — начал он, — но никому об этом не рассказывай. Никому.

Свет лампы отражался от лица Тристана.

— Хорошо, — сказала Аврора. — Что случилось?

— Пообещай! Если ты расскажешь, это будет опасно. Понимаешь?

— Да, — кивнула она. — Обещаю. Расскажи мне.

Он выдохнул.

— Я часть движения. Люди, которые недовольны происходящим. Мы хотим изменить положение вещей.

— Движение? — переспросила она. — Ты хочешь сказать, повстанцы? — она посмотрела на дверь. Сердце громко стучало. Айрис предупреждала её о повстанцах. Люди, которые были готовы разорвать её на куски, если бы смогли. Аврора никогда бы и не подумала, что речь идет о Тристане.

— Повстанцы звучит как враги, — сказал он. — Мы не такие, — он схватил её за руку. — Ты видела, Мышка. Ты не была тут долго, но видела. Как голодные люди. Как жесток король. Как он вытолкнул за стены тех, кто нуждался в помощи.

Его рука. Казалось, она горела на коже. Девушка сглотнула. Её мысли скакали слишком быстро, чтобы уловить их.

— Ты пытаешься им помочь?

— Мы пытаемся. Я не уверен, что успешно. Мы добились прогресса, люди слушали нас, но потом... Что же, всё изменилось. Принцесса.

Его власть над нею была слишком жестокой.

— Почему ты мне это говоришь?

— Потому что доверяю тебе. Потому что ты всё поймёшь. И если поддержишь нас... Всё плохо, но с тобой на нашей стороне у нас будет шанс. Реальный шанс.

Аврора отступила назад, больно ударившись о дверь спиной.

— Ты знаешь, кто я.

Тристан не двигался.

— Да, — сказал он. — Я знаю.

Это невероятно. Её мысли были размыты, она старалась сказать что-то, пыталась понять, как показала ему правду.

— Как? — сказала она.

— Я знаю, потому что встретил тебя, — сказал он. — Это было не трудно понять.

Она покачала головой.

— Ты ничего не сказал.

— Я говорю тебе сейчас.

Она продолжала качать головой, хватаясь за мысли.

— Ты лгал мне? Всё это время?

— Я не лгал, — сказал он. — Если бы я сказал это раньше, ты бы не вернулась. Я

должен был понять, почему ты тут. Я должен был узнать, что ты была...

— Так вот почему ты со мной проводил время! Это была просто игра!

— Нет, — сказал он. — Ничто не было игрой, — Тристан подошёл ближе. — Я не должен был говорить правду, но я хотел. Потому что... Ты хорошая. И потому, что я забочусь о тебе. Я знаю, ты хочешь помочь.

— Помочь? — повторила она. Она попыталась вновь отступить, боролась за пространство и воздух, но дверной косяк впивалась в позвоночник.

— Я знаю, что тебе не нравятся король и королева, — его глаза буквально светились. — Я видел в первый день. Ты не тот человек, который выйдет замуж за рафинированного принца только из-за сказки. Ты не хочешь стоять там и правильно действовать, поддерживать все кошмары, что они творят, — он говорил всё быстрее и быстрее, и она не могла отвести взгляд от его лица. — И они делают это с тобой, ты знаешь. Они тебя выбросят, когда ты станешь бесполезной.

— Я знаю... Конечно, я знаю...

— Тогда это твой шанс всё изменить! Борись с ними!

Она не могла думать. Комната была слишком мала, а Тристан стоял слишком близко.

— Сражаться с ними? Как?

— Просто расскажи, что происходит в замке, поговори с людьми, которые могут нам симпатизировать...

— Но почему? Что ты хочешь делать?

— В конце? Мы хотим свергнуть короля.

— Свергнуть? Ты имеешь в виду, лишить его короны, арестовать, запереть?

Тристан не ответил.

Холод пробежался по её коже. Она отшатнулась, пытаясь вдохнуть воздух, но тут не было места — только спиртовой запах из бочек.

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе убить короля?

— Нет, — быстро ответил Тристан. — Это не убийство, если он этого заслужил...

— Убийство.

— Это справедливость, — возразил Тристан. — Он сделал столько ужасного, был ответственен за столько смертей. Он убийца. И убить его... Убить его — спасти человеческие жизни.

Аврора покачала головой. Дышать было слишком трудно.

— Иногда короли должны принимать жестокие решения, — сказала она. — Иногда солдаты и преступники умирают. Но это не даёт тебе права лишать его жизни.

— Ты понятия не имеешь, какой он.

— Я знаю, что он неприятен. Знаю, что жесток. Но...

— Он стал королём после убийства. Ты знаешь? Он убедил стражника застрелить старого короля через окно из арбалета, а после он сжег стража на ступенях замка для совершения преступления, — его голос был стойким. Он не отвел взгляд ни на миллиметр. Каждое слово пронзало её. — А потом он убил своих врагов. Всех нарушителей спокойствия. Всех, кто мог претендовать на трон. Он сказал, что причина отсутствия магии — это то, что несколько людей держало её у себя, заставляя нас страдать и голодать. Если мы сожжём их, как он сказал, магия вернётся в мир. Принцесса проснётся. И за год всех, кто выступал против него, обвинили и сожгли, ведь все были так убеждены или так боялись, что не могли его остановить.

Аврора заставила себя посмотреть ему в глаза. В горле застрял странный ком.

— А потом я проснулась, — сказала она, — и люди считают, что он прав.

— Да, — кивнул Тристан. — Поэтому мы нуждаемся в твоей поддержке. Если ты восстанешь против него, к нам присоединится больше людей. И тогда он не сможет нас остановить.

Тошнота сдавила её горло.

— Я не могу. Он сделал столько всего ужасного, но я не могу... Не могу помочь тебе убить его.

— Это не убийство, — Тристан стиснул зубы. Каждый мускул его тела был напряжён. Его праведный гнев был настолько ясен, что он практически пылал.

— Он что-то сделал тебе, — промолвила Аврора. — Да?

— Что это значит?

— Это имеет значение, — сказала Аврора. — Я права, да? — он говорил, что его родители умерли. Слишком страшно подозревать такое. Но если то, что она заподозрила, было правдой...

— Сомневаюсь, что есть кто-то, кто не пострадал лично. Но — да. Да.

Аврора прикоснулась к его запястью.

— Что случилось?

— Он убил моих родителей, — голос Тристана звучал, словно хриплый шёпот. — Пять лет назад. Была тяжёлая зима, ничего не выросло. Ничего, кроме того, что сажил мой папа. Люди в деревне обвинили его в использовании магии и растерзали его на части. В прямом смысле растерзали на части, чтобы получить его магию! И когда моя мама пошла в столицу со мной просить спасения, знаешь, что сделал король? Он обвинил её в том, что она с ним заодно! А потом по доброте своего сердца он сделал меня слугой в замке, чтобы я не мог натворить неприятности, — он убрал запястье. — И говоришь, что он нормальный правитель? Говоришь, что я не должен хотеть его смерти.

— Нет, — мягко промолвила она. — Я тоже желала бы ему смерти, если бы он сделал это со мной, но... — в этой комнате всё было слишком близко, — убийству нет оправданий.

— Это было бы началом.

Она смотрела на лампу на подоконнике. Свет отражался в её глазах.

— Что ты тогда сделаешь? — спросила она. — Усадишь на трон Родрика? Меня?

— Мы не можем, — покачал головой он. — Если мы это совершим, всё изменится. Люди думают, что ты вернулась из-за всего, что он сделал. Если ты станешь королевой и спасёшь нас, это только докажет его правоту. Его будут вспоминать, как героя.

— Итак, ты хочешь, чтобы я помогла тебе уничтожить себя!

— Не так. Ты бы больше не была принцессой, ты станешь важнее! Больше, чем глупый символ. У тебя будет своё место! У тебя будет жизнь!

— Я не хочу, чтобы ты давал мне жизнь. Я сама могу создать её, свою собственную! — она закрыла глаза, пытаясь утихомирить растущий в её душе гнев. Она должна оставаться совершенно спокойной. — А что будет, если всё получится? — спросила она. — Кто тогда займёт трон?

— Сначала мы должны убить его, — воскликнул он. — А тогда мы продумаем всё остальное...

Её глаза распахнулись. Неверие испепеляло её.

— Что? У вас нет плана? А что будет, если на трон взойдет кто-то похуже короля?

— Любой лучше, чем он.

— Ты не можешь быть уверен. Ты должен быть глупым, чтобы верить, будто нет никого хуже. Всегда есть кто-то хуже! — она отступила назад, двигаясь в сторону двери, пытаясь увеличить расстояние между ними. — Я не могу помочь тебе, Тристан. Я не могу быть частью этого.

Он сжал руки в кулаки.

— Так ты будешь эгоисткой? Защищаешь своё безбедное существование вместо того, чтобы помочь нам?!

— Это не то, что я делаю. Но ты не сказал ни слова о людях. Я думала, ты хочешь, чтобы им было намного лучше.

— Без короля всё будет лучше! Ты должна понять причину проблем! Иначе всё это вообще не будет иметь никакого значения!

— Это самоубийство, Тристан. Для тебя и для королевства. Ты должен это понимать.

— Я думал, ты слушаешь меня, — сказал он. — Я думал, что если я скажу тебе правду...

— Я слушаю тебя, — сказала она. — Но ты не понимаешь, как всё серьёзно, — Тристан, которого она знала, не был убийцей. Но она понимала, что на самом деле не знала Тристана вообще.

— Конечно, понимаю! Он убил моих родителей, Аврора.

— Не называй меня так. Не сейчас.

— Почему нет? Ты же не Мышка. Девушка, которую, как мне казалось, я хорошо знал... Ей всё равно. Или ты бы предпочла, если бы я поклонился и назвал тебя Ваше Величество?

Она смотрела на него и чувствовала, как в нём закипает ярость.

— Думаю, ты ошибался. В конце концов, я лишь глупая принцесса.

Она потянула дверь, но он вновь заговорил, прежде чем она что-то сделала.

— Ты делаешь ошибку. Я не смогу защитить тебя.

Она засмеялась. На самом деле, это не было смешным, но его прощальные слова, наполовину предупреждение, наполовину угроза, которые сводились исключительно к её безопасности и с помощью которых он пытался ей манипулировать... Это было слишком больно, чтобы оставаться серьёзной.

— Я пережила столетнее проклятье, Тристан, — сказала она. — Меня не нужно больше защищать.

Она проскользнула через дверь и позволила ей закрыться. Он так и не последовал за ней.

Снаружи моросил дождь, нагоняя лёгкий туман вдоль аллеи. Аврора задержалась в дверях, голова её гудела. Какой-то клиент столкнулся с нею, когда заходил в таверну, и она отпрянула.

Крапива, певица, прислонилась к стене. Небольшой скат крыши скрывал её от дождя. Она казалась усталой, её длинные чёрные волосы спадали на глаза, скрывали колени и локти. Она смотрела сквозь эту завесу на Аврору.

— Ты в порядке? — спросила она. Голос был таким же дымным, как и когда она пела, но это казалось немного неестественным, угловатым, как и её тело, словно слова становились острыми в её рту.

— О... Да, — отозвалась Аврора. — Простите, что побеспокоила.

Крапива выпрямилась.

— Нет, — сказала она, — ты меня не побеспокоила. Кажется, ты шокирована, — она смотрела на неё с чуть безразличным выражением лица, словно просто комментировала погоду.

— Думаю, это правда.

— Тристан сказал тебе, что он знает?

Аврора казалась слишком испуганной, чтобы сделать вид, будто она не понимает, что имеет в виду певица.

— Тебя удивляет, что я тоже знаю? Не переживай. Не думаю, что кто-то другой заметил.

— Тристан заметил. Сразу заметил.

Крапива склонила голову набок. Тристан описывал певицу, как колючую, но это было не то слово. Она тряхнула головой, тщательно выговаривая каждую фразу. Она была в стороне, но казалась искренней, наблюдала за Авророй с любопытством, потому что та встретила на её пути и должна быть расшифрованной.

— Я верю, что он нашёл тебя, — сказал он, — девушку, разрушившую надежды.

— Я не разрушала его надежды, — возразила Аврора. — Я даже не знаю, что я делаю.

— Никто не знает, — пожала плечами Крапива. — По крайней мере, ты это признаёшь, — она присела. Её длинное платье потемнело, попав в лужу, а ноги были коричневы от грязи — но Крапива ничего не замечала либо не думала об этом. Она смотрела прямо перед собой. Само спокойствие. — Ты присядешь? Тут слишком холодно и тихо для одиночества, но я не хочу идти туда.

Аврора колебалась. Но певица права. Не время быть в одиночестве.

Она опустилась на колени рядом с Крапивой. Дождевая вода впиталась в её юбки.

— Ты хочешь поговорить об этом?

— Я не знаю, — прошептала Аврора. — Просто я... — она смотрела на стену, наблюдала, как дождь стекал по камням. Она крепче сжала колени, подтянув их к подбородку. — Тристан рассказал о некоторых вещах, которые... Я не знаю.

— В нём есть много горечи, — сказала Крапива. — Он пытается скрыть её за шутками, но всегда сердится. Это слишком опасный путь.

Шум разговора со двора следовал за ними, дождь выбивал ритм на голых руках.

— Он не тот, кем я его считала.

Крапива продолжала наблюдать за нею.

— Как долго ты его знала?

Все ночи были размыты в беспорядочных улыбках и страхе, а медовуха согревала её губы.

— Дня четыре.

— Да. Ты встречаешь парня и представляешь в нём всё, что хочешь найти. Утешение, спокойствие. Но вдруг появляется реальность.

— Это не так. Он хранил от меня секреты. Всё время он думал...

— Но ты тоже от него хранила секреты.

— Это другое, — возразила Аврора. — Мои секреты... Я должна была быть тиха. Это единственный способ быть в безопасности.

— Может быть, он чувствовал то же самое.

— Нет. Он делал это осознанно, моя или его безопасность была ни при чём.

— Тристан дурак, — хмыкнула Крапива. — Он не знает, что творит. Он так

преисполнен планов и идей, что не может видеть больше ничего.

Аврора приложила голову к стене, позволяя ей царапать её голову. Дождь отбивал ритм под их ногами. Ей надо было поговорить о чём-то ещё, чтобы отвлечь от себя внимания.

— Крапива — твоё настоящее имя? — спросила она.

Крапива смотрела на неё. Одна прядь чёрных волос коснулась носа.

— Так я представилась. Разве это не делает моё имя настоящим?

— Прости, — прошептала Аврора. — Я не хотела тебя обидеть.

— Нужно что-то страшнее, чтобы меня обидеть. Но пойми, имена значат не всё, — она подтянула правое колено к подбородку. — Его дала мне не мама, это и не перевод, как говорили люди. Мальчишки, как Тристан, и не такие, как Тристан. Когда я только покинула своё королевство, когда не говорила на вашем языке так хорошо, они обозвали меня. Крапива. Цветок, который стал моим именем. Они сказали — подходит. Потом я узнала, что это означало. Они называли меня нежелательной травой, которую стоит вырвать.

Аврора склонила голову, чтобы посмотреть на неё. Её волосы путались в камнях.

— Почему ты используешь его?

— Ты видела цветы? Они так тонки... Грубая рука, сильный ветер, мороз... они так легко умирают. Даже оставить их сами по себе — они высыхают и быстро умирают. Но сорняк... он сильный. Его почти нельзя убить. Если кто-то пытается его уничтожить, ему тоже вредит, — она встала так же резко, как и села, — позволь дать совет. Не верь никому, кроме себя.

— Почему ты это сказала?

— Я была такая, — Крапива отодвинулась. В этом углу она выглядела растрёпанной, холодной и идеально красивой. — Люди не слышат меня в моих песнях. Только себя. Эгоистичные, эгоцентричные, думают только о себе. Речь о моей жизни. И это не плохо. Но сейчас я не пытаюсь тебе сказать, как ты себя чувствуешь. Я говорю, как обстоят дела. А правда в том, что ты не должна ждать от остальных того, что в твоей голове. Не должна позволять, — Крапива посмотрела на открытую дверь. — Я должна вернуться на сцену. Но подумай о том, что я сказала, — она проскользнула внутрь, прежде чем Аврора успела ответить.

Аврора, слегка дрожа от холода и разочарования, положила подбородок на колени. Дождь прекратился, оставив прохладный туман и резкий свежий воздух на своём пути. Из таверны полилась музыка Крапивы. Аврора сделала глубокий вдох, после ещё один, чувствуя горечь, которая засела в её груди. Она закрыла глаза и растаяла в музыке, пытаясь вспомнить то время, когда она была счастлива. Она не могла вернуться, она знала. Но даже сейчас голос крапивы заполнил пустоту в её душе, и она не хотела его отпускать. Не сейчас.

Королева уже ждала принцессу, когда она вернулась в комнату. Она сидела в кресле Авроры и вышивала.

— Рада, что ты наконец-то решила к нам присоединиться, — сказала она. — Закрой дверь.

Аврора прикрыла двери и прошла в комнату. Как королева узнала, что она ушла? Неужели Бетси сказала ей, когда она ушла?

— Признаю, мне было интересно, — протянула королева, отложив вышивку в сторону. Стул царапнул пол, и она встала. — Я хотела быть первой, чтобы увидеть тебя после возвращения, — голос звучал почти по-дружески. — Где ты была?

— Я гуляла, — сказала Аврора. — Вокруг замка.

— Странно. Я не знала, что в замке был дождь. Казалось, дверь была заперта.

— Кто-то, должен быть, забыл запереть её, Ваше Величество.

— Не ври, Аврора. Тебя тут не было, — Королева оправила юбки, разглаживая невидимые морщины. — Бетси подошла ко мне после того, как увидела незапертую дверь в комнату, и тебя там не было. Она беспокоилась.

Аврора схватилась пальцами за плащ.

— Простите, Ваше Величество, что вас побеспокоила.

— Побеспокоила меня? Вот как ты думаешь? — королева потянулась к хрустальному графину и налила себе стакан воды. Её руки дрожали, и вода разлилась на пол. — Мы все бегаем, паникуем из-за тебя? Ты всегда в центре внимания? — она сделала глоток, поджав губы. — Нет. Твоя глупая горничная могла предположить, что с тобой случилось что-то ужасное, но я знала лучше. Если бы ты была похищена некоторыми порочными повстанцами... Было бы печально, но мы смогли бы что-то сделать. Ты вышла из комнаты ночью и могла влезть в неприятности... это менее приемлемо.

— Менее приемлемо? — спросила Аврора. — Вы заперли меня, как заключённую! Я лишь прогулялась!

— Лишь прогулялась! Ты могла всё испортить! — пальцы королевы побелели. — Я говорила, что мир опасен. Я говорила, что всё опасно! Как ты думаешь, ради своего удовольствия?! Я закрыла эту дверь для защиты, а ты её взломала, и это ничего не значит, кроме того, что ты знаешь лучше...

Хуже всего было то, что королева оказалась права. Аврора бежала из замка, и первым человеком, которого она встретила, был мятежник. Парень, который собирался убить мужа Айрис, который хотел завербовать её. Желудок скрутило от чувства вины.

— Простите... Но...

— Но?! — королева изогнула брови. — Ты должна молить меня о прощении, Аврора, а не вновь противоречить! Ты слишком наглая. Упрямый, испорченный ум, а у нас нет ни времени, ни места для твоих ошибок!

Аврора упёрла руки в бока. Сначала Тристан, теперь королева говорила так, словно у неё не было своего мнения.

— Если вы так плохо обо мне думаете, зачем меня держать? Может, похитить меня удобнее, так зачем трястись?!

Королева нахмурилась, словно и вправду задумалась над этим вопросом.

— Я не думаю о тебе плохо, — сказала она. — Но ты о многом не знаешь. Презирай меня — но это правда, — она будто от боли закрыла глаза. — Я знаю, ты считаешь, что я злая женщина, заставляющая тебя подчиняться своим капризам, — когда она вновь открыла глаза, она выглядела усталой, на лице было видно оттенок неприязни. — Но у нас нет выбора. Ты должна слушаться меня, или пострадаешь. Все пострадают. Бога ради, Аврора!.. — её рука упала на стол. — Улыбки и реверансы. Люди сделают остальное. Разве это так трудно?

— Вы спрашиваете, почему так трудно притворяться будто бы все хорошо? Просто улыбаться, как пустышка? Вы даже не понимаете, о чём речь!

— Я не понимаю, о чём речь?! — смех королевы походил на звук бьющегося стекла. — Я живу дольше тебя. Потерять семью? Быть вдали от дома? Я знаю, что это, Аврора, так что не строй из себя страдальцу передо мной. Жизнь тяжела. Мы не получаем того, что хотим. Мы не можем быть с теми, с кем хотим. И все время надо что-то делать. Думаешь, в этом мире кому-то есть до тебя дело? — королева почти горела от возмущения, и её обычная вежливая улыбка и холодность вмиг испарились. — Я всегда была последней в этом вопросе. Но люди хотят тебя любить. Так позволь им.

— Я не просила об этом, — Аврора чувствовала себя глупо — она даже говорить не могла, не то что перестать подчиняться. — И не хотела этого.

— А я не просила быть королевой, — промолвила Айрис. — Я не просила их ненавидеть меня, и тебя тоже. Но мы тут.

— Они ненавидят тебя?

— Я из Фалрича. Конечно, они меня ненавидят. Но тише. Впервые за годы у людей появилась надежда. Ты хочешь её уничтожить? Хочешь, чтобы Родрика растерзали на улицах? Говорю тебе, Аврора, люди слишком долго страдали. И если ты не...

— Они хотят слишком многого, я не могу!..

— Ну, — Королева холодно улыбнулась, поджав губы, — лучше отдать всё, правда?

Аврора повернулась к окну. Если бы всё было так страшно, как утверждал Тристан, у неё не было бы сомнений в том, что люди нуждаются в помощи. Так или иначе.

— К счастью, — продолжила королева, — никто не знает о твоём уходе, ни Родрик, ни Джон. Это между нами, Аврора. Я даю тебе шанс.

Аврора знала, что должна хотя бы поблагодарить королеву за это, но слова не шли к ней в голову. Ей было так тяжело и странно одиноко.

— Горничная будет наказана за то, что оставила тебя.

Бетси? Но она лишь смотрела за Авророй. Королева не могла наказать Бетси.

— Но это не её вина...

— Ты права. Но я ведь не могу наказать тебя, — она поставила стакан на стол и встала. — Наказание не будет слишком строгим. Но если хочешь, чтобы она была в безопасности, не твори безрассудства. Поняла?

— Да, — Аврора едва смогла выговорить это.

— С этого момента личный стражник будет караулить под дверью. Ты не уйдёшь никуда без него. Ты должна понять, что у твоего следующего непослушания будут последствия. Я ясно выразилась?

Аврора заставила себя посмотреть ей в глаза.

— Да, Ваше Величество, — сказала она.

— Доброе утро, принцесса, — Бетси смотрела в пол, проскользнув в комнату. Её волосы были собраны в небрежный пучок, а обычно румяная кожа покрыта пятнами. — Извините, я опоздала.

— Бетси, — Аврора поспешила к ней, — мне очень жаль.

— Нет необходимости извиняться передо мной, принцесса, — промолвила Бетси ровным голосом. — Я лишь служанка.

— Это не так, — возразила Аврора. Бетси всё ещё не смотрела на неё. — Я не хотела, чтобы тебя били. Я не думала...

— Принц Родрик скоро придёт, — сказала Бетси, словно не расслышала её. — Королева хочет, чтобы вы погуляли вместе. Какое платье вы выберете?

— Никакое. Это не имеет значения.

— Я не могу выбрать за вас, принцесса. Пожалуйста, сделайте выбор.

Аврора смотрела на спину Бетси. Одна из немногих людей, на которую можно было рассчитывать, была потеряна из-за её собственного идиотизма.

— Зелёное, — сказала она. — Зелёное будет хорошо.

Бетси помогла ей надеть платье и зачесала волосы в тишине. Потом она присела в реверансе, всё ещё не глядя Авроре в глаза. Аврора сидела за туалетным столиком, накручивая на палец кончик волос. Она должна быть осторожнее. Бетси предупреждала её, но она слепо шла дальше. И ради чего? Несколько танцев, поцелуй в темноте? Она была душой, когда доверилась ему, и вот награда.

— Ты готова к нашей прогулке? — спросил Родрик, появившись через полчаса. — В саду сегодня просто прекрасно!

Аврора смотрела на него, всё ещё краснеющего и стоящего с удивительно прямой спиной. Он был, как она подумала, довольно слащав, но и хорош. Он не скрывал ничего, как Тристан, не пытался манипулировать улыбками и флиртом, как Финнеган. Всего лишь наивный честный парень.

Может быть, если бы она приняла Родрика, пустила его в свою жизнь «девушки в башне, ожидавшую дня, когда она будет освобождена от проклятия»... может, тогда она почувствует себя куда комфортнее рядом с ним?

— На самом деле, я надеялась, что мы можем пойти куда-то ещё, — сказала она. — Я хочу показать тебе кое-что.

— Тебе не нравится сад? — спросил Родрик. — Я не уверен, что моя мама одобрит, если мы зайдём слишком далеко...

— Мне нравится сад! — быстро промолвила Аврора. — Просто кое-что. Позволь мне это показать тебе.

Родрик подарил ей кроткую улыбку.

— Хорошо, — кивнул он.

Она зашагала по коридорам. Родрик плёлся позади неё. Сердце Авроры заколотилось, когда она подошла к тяжёлой деревянной двери, которая вела к башне, и не могла понять, почему она вся охвачена страхом. Это место было её тюрьмой и её свободой, всем сразу. Замороженные остатки прошлого, разбросанные по комнате.

Она поднималась по винтовой лестнице слишком медленно, стараясь прижиматься к

изношенному ковру. Она не сводила глаз со ступенек, которые были прямо перед нею, старалась не обращать внимания на гобелены, украшавшие стены. Родрик без единого слова следовал за нею.

Она остановилась на одном из пролётов. Она не могла вернуться в спальню, где провела последние сто лет. Она не хотела смотреть на камин без пыли и всё ещё мнущуюся обложку любимой книги, думать о том, как она спала в то время, как остальной мир продолжал спокойно жить. Вместо этого она повернула к другой двери — игровая комната, в которую она не заходила много лет, даже в своё время, не считая эти сто лет. Петли заскрипели из-за того, что никто давным-давно не открывал дверь, и когда она толкнула её, то облако пыли взмыло в воздух. Она споткнулась, вытянула руку, чувствуя, что во рту пересохло, и закашлялась.

— Принцесса? Может, это не очень хорошая идея...

Аврора отмахнулась от паутины и заглянула в мрачную комнату.

— Это займёт всего минуту.

Крапинки пыли на прялке танцевали в пучке света, что проникал из окна. Прошло сто лет, а игровая комната выглядела так же, как запомнила Авроры. Лошадь-качалка ждала в одном углу, грива была грязной и облезлой, славное красное седло исчезло под слоем пыли, словно в нём никогда не было ни капли цвета. Её старый кукольный стол стоял у другой стены, а деревянные настольные игры и мячи были разбросаны на полу. Аврора миновала их, поднимая юбки и стараясь не испортить беспорядок. После того, как она пересекла комнату, она присела на лошадь, на дамское седло, а пальцы скользнули по гриве. Она положила руку между ушами коня и закрыла глаза, пытаясь представить, что ей вновь шесть лет и что она вот уже несколько часов прячется тут.

Всё пахло неправильно. Пыль, гнилая древесина, пренебрежение, которое прицепилось к каждой вещице... Першило в горле, и она не могла забыть.

— Это ты хотела мне показать?

Аврора открыла глаза. Родрик стоял на краю комнаты, оглядываясь вокруг со смесью трепета и любопытства на лице.

— Да, — сказала она. Чего она хотела достичь? — Я не знаю.

— Тут прекрасно! — Родрик шагнул к ней, не сводя глаз с лошади. — Я хотел в детстве лошадь-качалку, но... Папа бы мне не позволил. Он сказал, что я должен учиться ездить на настоящей. Если бы я знал, что она тут была...

— Никогда не ездила на настоящей лошади, — Аврора побежала пальцами по остаткам гривы. Они путались в узлах, и она быстро высвободилась. — Мои родители не хотели отпускать меня за границы замка.

— Никогда?

Она вновь пробежала пальцами по гриве.

— Я была однажды на конюшне, — сказала она, — но когда папа узнал, он так разозлился, что этого больше не повторилось.

— Могу научить тебя, если хочешь, — Родрик не смотрел на неё, его щёки вновь покраснели, но голос звучал искренне.

— Спасибо, — сказала она. — Это было бы прекрасно, — когда она была маленькой, она представляла, как скачет по полям, ныряет под деревья и перепрыгивает ущелья, как всегда делали герои в книгах. Ветер будет хлестать её волосы, грязь брызгать на платье, и она будет смеяться, свободная и неуловимая. Может быть, не все мечты полностью

утрачены.

Она соскользнула с лошади.

— Ты не хочешь попробовать?

— О... Я... Я слишком высок...

Она улыбнулась.

— Пожалуйста, сядь, — она похлопала по седлу.

Он положил руки на шею лошади, следя за нею неясными глазами, и немного покачнулся. Он вдохнул, словно взывал к мужеству, а после перекинул ногу через спину лошади и присел на неё, как рыцарь-переросток. Даже с подогнутыми коленями его ноги стояли на земле.

— Надо вложить ноги в стремяна, — сказала Аврора. Он кивнул и прижал колени к груди, сжимая пальцы на металлическом кольце по обе стороны от лошади. Движение заставило лошадь покачнуться вперёд и назад, и Родрик схватился за верёвку, которая служила вожжами.

Аврора ничего не могла с собой поделать. Он был так смешон, детская игрушка была в два раза меньше его, а он так неловок и смущён... она хихикнула. Родрик поднял на неё взгляд и улыбнулся.

— Я выгляжу глупо?

— Не то слово, — сказала она, — но, думаю, не так уж и ужасно. Должно быть, Франкворсу было одиноко одному.

— Франкворсу?

Она пожала плечами.

— У лошади должно быть имя. Это было в книге, а для меня-пятилетней это казалось достаточно царственным.

Родрик кивнул и вновь качнулся на лошади. С его неустойчивым сидением, принц почти перелетел через голову лошади — он схватился за гриву как раз вовремя и вскочил на ноги с нервным смешком.

— Может быть, я составлю ему компанию на полу.

Давление в груди Авроры вернулось, как только его ноги коснулись земли. Без лошади, без фокусов в разговоре он вновь был неловким и неуклюжим, и это усугубляла память о мгновенных глупостях. Он покраснел ещё сильнее, осмотрелся, пытаясь отвернуться от Авроры.

— Это было твоей игровой комнатой?

— Да, — Аврора взяла куклу со стула и села. — Я провела тут много времени.

— Трудно себе это представить, — сказал Родрик. — Ты — маленькая девочка...

Аврора посмотрела на куклу в своей руке. Она всё ещё была со стеклянными глазами. Те смотрели на принцессу как-то обвиняюще.

— У меня не было друзей, так что я проводила много времени одна, — она провела пальцами по волосам куклы, пытаясь вспомнить ощущение гладкости, которая протекала сквозь пальцы, как шёлк.

Родрик всё ещё стоял рядом с лошадью, его высокая фигура была так неуместна среди девичьих игрушек. Теперь он смотрел в пол. Их шаги оставили в пыли следы. Она собралась с мыслями, пытаясь придумать тему разговора. Почему бы и нет?

— У тебя была игровая комната? — спросила она.

Родрик покачал головой.

— Питомник и несколько игрушек, но... папа хотел, чтобы я скорее вырос. Это были мечи и лошади. Не то, чтобы я в чём-то был силен...

— Нет?

— Я не должен говорить тебе об этом, — сказал он. — Ты будешь хуже обо мне думать.

— Не буду, — это было правдой. Что-то было глубоко человеческое в долговязом, краснеющим принце, что делало его куда сильнее, чем любая богоподобная фигура на гобелене.

— Я всегда ронял меч на занятиях. Одно столкновение, и он вылетал из моих рук. И я раньше боялся лошадей. Реальных, я имею в виду. Они кусали меня, когда я пытался ездить. Думаю, мой папа специально давал подлых.

— Твой отец... — она замолчала, подбирая правильные слова. Она не знала, как сказать о его жестокости, не оскорбив Родрика или не дав ему повод уйти. — Он кажется очень строгим.

— Он хотел быть таким сильным, как есть... — Родрик провёл рукой по спине лошади, дёргая рыхлые нити седла. — Я никогда не оправдывал его ожидания.

— Это не может быть правдой.

— Правда. Я никогда не был бойцом.

— Борьба — не единственный способ показать свою силу. Уверена, твой папа знает это.

— Нет, — покачал головой Родрик. — Только не он. Но я усердно учился. Он в этом уверен. Надеюсь, я сделал достаточно, чтобы быть хорошим королём.

Аврора склонила голову, внимательно рассматривая его — парня с каштановыми волосами и длинными тонкими ногами. Он не был похож на короля. Но и она не всегда выглядела принцессой.

— Твой отец стал королём десять лет назад, — промолвила она. — Но он готовил тебя к правлению и до этого.

Если Родрик заметил, что она сменила тему, то не стал этого комментировать.

— Папа считает, что есть только один способ поведения мальчика — быть благородным, как принц. И он был советником короля много лет, во время всех голодовок, восстаний и всех прочих кошмаров. Сила и знания, как он думал, помогут мне выжить.

Аврора вновь пробежала пальцами по волосам куклы. Её руки дрожали.

— Тогда всё и вправду было так страшно?

— Я многого не помню, — сказал Родрик. — Папа стал королём, когда мне было восемь, так что проблемы... родители пытались скрыть их от меня. Но я помню, что боялся. Когда мне было шесть, случилось восстание. Помню, как смотрел из окна в замке и увидел пылающий город, сотни людей, которые заполнили улицу... Они столпились вокруг замка и стучали в двери, кричали...

— Что они хотели?

— Думаю, еду. Я сказал маме, что они могут получить мою пищу. Пусть отдаст им нашу. Но она отказала — дело не в еде. Они ненавидели нас, сказала она, и просто искали повод. Весь замок дрожал от того, как они стучали... Не знаю, что было бы, если бы они получили нас... Они стояли несколько дней.

— Что случилось?

Он повернулся, чтобы посмотреть в окно. Узкий луч света упал на его лицо.

— Король — бывший король, — вызвал солдат. Они убили всех сопротивляющихся.

Аврора сглотнула.

— Но если бы они попали в замок... Если бы прорвались...

— Они бы, наверное, убили всех нас. Они убили бы стражу и всех слуг, которым не посчастливилось оказаться вне замка. И все бы они кричали...

Аврора содрогнулась. Она почти слышала эти крики, почти видела ненависть в глазах людей, когда они шли к замку. И та же ненависть была в ласковом лице Тристана, когда он говорил о короле. Это не должно повториться.

— После этого, — сказал Родрик, — король заключил моего отца в тюрьму за то, что он пытался спасти королевство от голода. Он был главным королевским советником тогда, поэтому король считал, что он плёл интриги против него, давая плохой совет, чтобы... Он обвинил мою мать в шпионстве. Некоторое время со мной были только наставники, нас заперли в башне... Мне не сказали, что происходит, где мои родители, увижу ли я их, — он опустил голову, глядя на выцветшее, истёртое седло.

— Сожалею, — прошептала она. — Звучит ужасно.

— Всё закончилось. И всё будет хорошо. Оно того стоит.

Родрик оторвался от лошади и пошёл к большой груде вещей у края комнаты. Два деревянных меча торчали из неё.

— Это тоже твои? — спросил он, вытащив один.

— Да. Мама не одобряла, правда. Это не для женщин.

— Это больше похоже на мои игрушки, — промолвил Родрик, исследуя лезвие. Это была грубо вырезанная, простая вещь, данная ей одним из стражников в день рождения. — Конечно, папа наполнил бы их свинцом, чтобы практиковаться было сложнее...

— У меня никогда не было серьёзных тренировок, — промолвила Аврора. Она встала и положила куклу на место. — Я кружилась вокруг себя, мне не с кем было играть.

— Не с кем?

— Тебе бы не позволили иметь много друзей, если бы отец боялся, что тебя атакуют в каждое мгновение.

Он протянул ей один из мечей. Он был легче, чем она помнила, но успокаивал, когда она сжимала его. Она со свистом рассекла воздух, пальцы плотно сжали рукоять.

— Это не так делается, и если ты не против, принцесса... — Родрик подошёл ближе и положил руку на её. — Вот так, — он поправил пальцы. — Если ты расслабишь пальцы, будет проще. Считай это продолжением своей руки. Ты не должна за него так цепляться.

Она попыталась ударить ещё раз, и он улыбнулся.

— Хорошо. Ты лучше, чем кажешься. Не так много силы, но есть скорость! Опасная скорость!

Он сделал шаг назад, открывая пространство между ними.

— Мы потренируемся? — спросила Аврора.

Родрик покачал головой.

— Мы не должны. Вдруг тебе будет больно. Лучше не рисковать.

— Ты сказал, что я неплоха.

— Дело не в неумении. Я беспокоюсь.

Она отвернулась, позволив мечу повиснуть.

— Я думала, что я буду как девушка из истории, — сказала она. — Размахивать мечом, сражаться с боевыми драконами, искать приключения... Но... — она посмотрела вниз на старую рваную куклу. — Все вышло не так, как я думала.

— Как и я, — она подняла голову. Родрик смотрел в мимо неё, а его губы оказались

плотно сжаты.

— А что ты? — Аврора подошла к нему. — Что ты хотел?

— Я не знаю, — сказал он, — мне всегда казалось, что моё будущее уже решили для меня.

Аврора посмотрела на меч в руке. Маленькая девочка, которая бегала по этой комнате, рассекая призраков и тени, никогда не чувствовала себя так. Настоящее было зафиксировано, но будущее... Всё казалось возможным.

— Наверное, одиноко... — сказал Родрик, не глядя на неё, — играть тут одной, в этой башне.

— Да, — тихо отозвалась она. — Думаю, да.

На следующий день Аврору вызвали в покои королевы. Солнечный свет лился сквозь большие, высокие окна, и от этого комната казалась весёлой и воздушной. Королева сидела за круглым столом, глядя в документы, которые положили перед нею. Желудок Авроры сжался при виде её. Три пожилые дамы стояли за королевой, их волосы были аккуратно собраны в пучки.

— Ах, Аврора, — королева тонко улыбнулась, словно они не разговаривали той ночью. — Как приятно тебя видеть! Мы просто посмотрим на платье. Взгляни.

Платье было набросано углём на большом листе пергамента, потом — карандашом, а после его навели тонкими цветными чернилами. Это была эфирная вещь, слои паутины скользили по плотному лифу и отражали все цвета света. Старомодное, фантастическое и невозможное.

— Это прекрасно, — прошептала Аврора. Она провела пальцем по странице, прослеживая каждый порыв карандаша и всплеск цвета.

— Рада, что вам нравится, принцесса, — сказала одна из женщин. Она кланялась так же, как и говорила, — резко.

— Они, — сказала королева, быстро вставая, — лучшие мастерицы Алиссайнии. Они пришли сюда специально для тебя, и будут снимать мерки.

Женщины ещё раз поклонились, и одна из них пробормотала:

— Её Величество слишком добра...

Они обернули лентами каждый дюйм тела Авроры, снимая мерки и сжимая так туго в области талии, что она вынуждена была задерживать дыхание. После того, как они записали каждую цифру на длинном куске пергамента, то принялись суесться с её волосами, укладывая их на верхней части головы, накручивая. Королева следила за их работой.

— Мы оставим её волосы распущенными, — сказала королева. — Для чистоты. Но, может, немного украшений...

— Цветы, — предположила самая высокая женщина. Она провела пальцем от середины лба Авроры до мочки уха. — Вот.

— Нет-нет, — сурово ответила, казалось, главная. — Одна лилия, заправленная за правое ухо. Красота, чистота, благодать.

Королева кивнула. Аврора заставила себя стоять неподвижно, выражение лица было пустым. Никто её не спрашивал. Наконец-то толкания и тыканья закончились. Швей собрали груды бумаг, покрытые измерениями, заметками и мелкими эскизами, поблагодарили королеву за её покровительство и горячо пообещали, что немедленно начнут работу и встретятся с королевой, чтобы обсудить дальнейшие подробности завтра. Королева отпустила их с деликатной улыбкой. Они оставили их одних, но только после нескольких поклонов и реверансов.

— Ну вот, всё прошло хорошо, — улыбка королевы была шире обычного, словно она почувствовала облегчение. — Эти дамы делали платье для моей коронации десять лет назад, и они стали только талантливее с возрастом. У тебя будет платье, которое запомнит весь мир.

— Да, — кивнула Аврора. — Спасибо, Ваше Величество.

— Я просила называть меня Айрис, — промолвила королева. — Скоро мы, в конце

концов, станем семьёй. Теперь пойдём, — она протянула руку. — Посиди со мной минутку, моя дорогая. Я хочу поговорить с тобой наедине, — Аврора осторожно опустилась в высокое кресло с деревянной спинкой. — Я думала о нашем разговоре, — сказала королева, — и надеюсь, что ты приняла мои слова близко к сердцу.

Аврора кивнула. Её волосы щекотали шею, хотелось её почесать, но она не смела двигаться, ведь привлекла бы внимание королевы. Если она останется сидеть неподвижно и помолчит, может, разговор закончится быстро, и она сможет сбежать от пристального взгляда королевы.

— Хорошо, — королева присела в кресло напротив Авроры. — Я не собираюсь причинять тебе вред, Аврора. Надеюсь, ты понимаешь. Это единственный путь.

— Я знаю.

— Я рада. Но есть проблема... Которую лучше решить сейчас, прежде чем она станет слишком хлопотной. Поэтому, скажи, пожалуйста, моя дорогая, как всё было?

Аврора долго смотрела на неё. Она не могла себе представить, что королева пожелает честный ответ, или намерена помочь, если его получит.

— Трудно спать, — сказала наконец-то она.

— Представляю себе, насколько, — кивнула королева, — когда ты даже не пробовала.

— Я пытаюсь, — несправедливость будила в Авроре неповиновение. — Но это трудно! Я ведь всё потеряла!

— Что ты потеряла, моя дорогая? — выражение лица королевы оставалось нейтральным, но во время разговора она почти незаметно подняла брови. — У тебя есть дом и королевство. Есть настоящая любовь, — её тон ясно дал понять, что она не желает слышать никакие аргументы по этому вопросу.

— Я потеряла свою семью, — возразила Аврора.

— Каждый человек теряет свою семью однажды. В самом деле, дорогая, разве они были так хороши для тебя прежде?

Конечно, Авроре хотелось кивнуть. Но она не смогла промолвить ни слова.

— Но это уже не актуально, — промолвила Айрис. — Мы не можем менять прошлое, не можем разрушить твой сон. Мы не хотим, чтобы ты была слишком измождённой во время помолвки.

«Нет, — подумалось Авроре, — они не хотят». Никто не хочет видеть её настоящую, запутанную и истощённую, скорбящую по прежней жизни. Как ужасно бы это выглядело!

Айрис встала.

— Я принесу книги для тебя, предполагаю, мой сын увеличит время ваших общих прогулок, — это звучало как одолжение. Аврора тоже встала, заставляя себя высоко держать подбородок.

— Спасибо, Айрис.

Королева улыбнулась.

— Не беспокойся, Аврора. Мы будем утомлять тебя настолько, что ты только и будешь желать спать до самой свадьбы. Ты сможешь отдохнуть.

Аврора опустилась в реверансе. Рисунок её свадебного платья лежал развёрнутым на столе, пергамент скрутился на концах. Такой тонкий, такой совершенный, как захваченный страницей сон. В её воображении стены вновь содрогнулись.

Она почти покинула комнату, когда королева промолвила:

— Помни, Аврора, стража не дремлет.

Когда Аврора проделывала свой путь по коридорам, видя стражу в тени по обе стороны, гнев стучал в её груди.

Кто-то ринулся в коридор, на уровне груди мелькнули шелка, и Аврора была настолько углублена в свои мысли, что едва не врезалась в тонкую фигурку. Изабель отпрыгнула от неё.

— Извини! — пискнула она.

— Нет, не извиняйся. Я виновата.

Изабель всё ещё отходила прочь, путаясь в своих же ногах. Она смотрела на Аврору, а после внезапно покраснела.

— Что случилось? — спросила она.

— Я в порядке, — голос Авроры был спокойный, но всё же менее уверенный, чем ей хотелось бы. — Спасибо.

Изабель нахмурилась.

— Ты выглядишь не очень хорошо, — она осмотрела Аврору, словно пытаясь отыскать любые признаки её страхов. — Как если бы ты разговаривала с моей мамой... — Аврора кивнула, — Иногда, — Изабель говорила довольно спокойно, — я тоже грустна после разговора с нею.

Контраст между словами Изабель и её практическим тоном заставили Аврору умолкнуть.

— Почему она заставляла тебя грустить? — спросила она.

Изабель посмотрела на свои ноги. Они просто торчали из-под юбки. Платье было слишком длинным специально, как подумала Аврора. Она помнила этот трюк. Ты идёшь медленно, крошечными шагами, как хорошо воспитанная молодая леди должна ходить. Но когда никто не смотрит — подхватываешь юбки и бежишь.

— Ты не должна говорить мне. Я тоже никогда не ладила с мамой, — сказала Аврора.

Изабель посмотрела на неё снизу вверх.

— Почему нет?

Она пыталась. Правда. Но её мать наблюдала за нею с осторожностью, ища каждую маленькую складку в платье или недостаток в стойке. Она не бывала холодна, не совсем, но была далеко, словно боялась приблизиться. Её мать говорила точно, одевалась точно, жила точно, хотя Аврора и чувствовала её боль, что сжимала её изнутри — но мать никогда не одобряла её. Она всегда была на шаг впереди.

— Она хотела, чтобы я была больше принцессой, чем обычной девушкой. — сказала Аврора.

— И что ты сделала?

— Я стала больше принцессой.

Изабель закусила губу и кивнула, словно Аврора передала какой-то глубокий жизненный урок, который нужно поглотить. Как ужасно — говорить ей, как подумала Аврора. Она должна улыбаться и приседать, делать вид. Это правда — Аврора так жила.

— Я пытаюсь, — сказала Изабель. — Мне казалось, это работает. В конце. Потому что у тебя теперь есть Родрик.

— Да, — сказала Аврора, — у меня есть Родрик. Но не потому, — не потому, что она делала это.

— Мама говорит, чтобы я вела себя лучше, ведь Финнеган тут, — это казалось странным дополнением, пока Изабель не продолжила. — Она хочет, чтобы я вышла за него замуж.

— Вышла за него замуж?!

— Когда вырасту. Она говорит, это лучшее для Алиссайнии и это было бы моим самым-самым большим достижением, — она тщательно подбирала слова, — если я получу его поддержку.

Аврора не могла представить себе эту милую девочку замужем за высокомерным, коварным человеком. Даже если Изабель вырастет, это не та партия, о которой хотелось думать. Опять же, есть такое понятие, как совместимость и симпатия, но они не имеют значения, ведь королева считает, что так будет лучше для королевства.

— Ты можешь достичь куда большего, — сказала Аврора, — с Финнеганом или без него.

Она не была уверена, что это правда, но казалось правильным так сказать. Может, если Изабель поверит, это станет правдой.

— Изабель! — маленькая принцесса подпрыгнула. — Что ты тут делаешь?! — в дверях появилась женщина, упирающая руки в бёдра. Она казалась запыхавшейся. — Убежала от меня! Ты не должна беспокоить принцессу.

— Она меня не беспокоит, — сказала Аврора, но женщина проигнорировала её. Она сделала шаг вперёд и схватила Изабель за локоть.

— Сейчас же вернись.

— До свидания, — тихо сказала Аврора. Женщина поспешила увести Изабель, и в коридоре вновь стало тихо. Аврора посмотрела на закрытую дверь. Это было похоже на её прошлое — оно само приходило из неопределённости и надежды делать всё правильно. Она узнавала себя в Изабель. Почему-то эта мысль приносила грусть, и она отвернулась.

«Может, её мать была такой, как Айрис», — подумалось Авроре, когда она вернулась в комнату. Аврора была разочарована в них обеих.

Память пузырилась, долго игнорируемая и нежелательная. Её мать, королева, проводила по волосам Авроры, когда та стояла у окна, достаточно высокая, чтобы видеть над уступом. Аврора болтала о чём-то, о книгах и приключениях, о мечтах.

— Я собираюсь путешествовать! — сказала она, — Как ты, мама. Всюду!

— Нет, дорогая, — ответила мать. — Это опасно.

Аврора вытянула шею, освобождаясь от тяжести и потягиваясь.

— Не сейчас, — сказала она, — потом.

Но всегда было «до» и «после» в её голове. Проклятие и свобода.

— Даже тогда, — ответила мать. — Зачем сбегать далеко, если можно быть близко и любимой нами?

Аврора промолчала, но всё ещё продолжала мечтать. Планировала, желала, читала карты и книги до восемнадцатилетия, когда проколола палец и всё закончилось. Она должна сделать желания реальностью. Это её история. Но не такая, как она представляла. Тем не менее, весь мир оказался запертым.

Когда Аврора наконец-то уснула в ту ночь, спала она судорожными рывками... Толпа шагала вниз по улице, Тристан потянул её за собой, прежде чем толкнул на землю. Руки хватили её за волосы, одежду, и она изо всех пыталась встать на ноги...

Она проснулась в холодном поту. Она заставила себя вытащить ноющие ноги из-под одеяла и ходила по комнате. Хотелось увидеть Тристана. Уйти от этих стен, пить медовуху, забыть, кто она, хоть на одну ночь. Но нельзя. Она знала, что уже нельзя. Она была дурой, когда доверяла ему.

Аврора вытащила книгу, что он дал ей, из тайника в задней части книжной полки, и начала читать, пытаясь вспомнить острые ощущения той ночи. Каждое слово приключений сейчас казалось испорченным. Всё это заставляло её думать о лице Тристана, когда он рассказывал ей свои секреты, и о брутальном герое, которым, он думал, сможет быть.

Она схватила книгу так, что готова была вырвать страницы, но остановилась и вернула её на прежнее место.

— Боже мой, принцесса, — прошептала Бетси, когда пришла с завтраком. — Столько усталости... Всё в порядке?

— Да, — кивнула Аврора. — Просто плохой сон.

— О, — Бетси склонила голову, словно вспомнила, что они всё же не были друзьями. — По крайней мере, вы немного поспали.

Аврора не получила приглашения от королевы в тот день, да и Родрик не приходил. Она предполагала, что они были заняты подготовкой к помолвке следующего дня: Родрик зубрил речь, а его мать подбирала каждое слово, каждую интонацию, каждую ниточку его одежд. Аврору никто не пригласил. Зачем она нужна, если никто не ждал от неё ни слова, ведь королева могла диктовать ей каждый шаг? Она взяла книгу и попыталась читать, но слова не задерживались в её голове.

Завтра она будет официально помолвлена. Она снова будет стоять перед толпой, их будут приветствовать, и Родрик будет улыбаться, и счастье наступит. Завтра.

Кто-то постучал в дверь.

— Проходите!

Дверь скрипнула, и Изабель проскользнула в узкую щель.

— Изабель? Что ты тут делаешь?

— Прости! — быстро воскликнула она, почти споткнувшись о свои собственные ноги и поспешив к двери. — Я не хотела тебя беспокоить... Я просто подумала...

— Нет! — Аврора поспешно закрыла дверь, прежде чем Изабель успела окончательно сбежать. — Ты просто меня удивила. У тебя нет уроков?

Изабель посмотрела в землю. Безусловно, она не должна была быть здесь.

— Только история, — тихо сказала она, — госпожа Бенсон хотела испытать меня.

— Похоже, ты стремишься пропустить это.

— Это скучно, — вздохнула Изабель. — Я предпочитаю разговаривать с тобой.

— Ты не любишь историю? — Изабель покачала головой. — Я думала, истории тебе по вкусу.

— Я люблю истории! — сказала она, и энергия появилась в выражении её лица практически в то же мгновение. — Любоеды, романтика, и... и всё! Но не такую

историю, — она склонила голову, внимательно глядя на Аврору. — За исключением тебя, — добавила она. — Без людододедов и всевозможных фей. Но ты не история, ведь ты стоишь тут, передо мной.

— Всё, что есть в истории, однажды было тут, — сказала Аврора. — Это то, что делает мир интересным, — Изабель, казалось, так не думала. — Моя любимая история правдива, — добавила она. Или, по крайней мере, это всегда казалось для неё правдой, когда она корпела над страницами, заучивая каждое слово. Когда она делала вид, будто она великая королева Алиссайя, одна в своей комнате. — Ты слышала историю об Алиссайе?

Изабель вздохнула, слишком болезненно и устало для восьми лет.

— Алиссайя была одной из первых поселенцев в Алиссайнии, — монотонно проговорила она. — Она сделала эти земли гостеприимными и была великой королевой.

— Ах! — Аврора схватила за руки Изабель и потянула её в сторону кресла в центре комнаты. — Но знаешь ли ты реальную историю?

Изабель покачала головой. Аврора глубокомысленно кивнула и опустилась на стул. Изабель устроилась у её ног, и её юбка волнами растеклась вокруг неё. Книга была на полке рядом с другими, совершенными и непрочитанными, но Аврора в ней не нуждалась. Она всё ещё могла вспомнить каждое слово.

— Давным-давно, — сказала она, пробежав по волосам Изабель пальцами, — люди жили не в Алиссайнии, а за морем, на земле металла и дыма. Земля была красива и полна волшебства, но злые короли душили красоту, а магия очень скоро угасла и пропала.

— Как тут!

— Да, — тихо подтвердила Аврора. — Как тут. Недовольные своими правителями и полные отчаяния, смелые искатели приключений отправились через море, пока не увидели землю, что, казалось, светилась природной силой. Очарованные её грозовым небом, дикими лесами, озёрами, что были похожи на настоящее стекло, они решились поселиться на этой земле, назвав её в честь красивой юной дочери своего лидера, Алиссайи. Но у земли был свой разум, — продолжила она. — Вырубка деревьев, казалось, повернула существ против них, и земля словно больше требовала, чем поддавалась. Если бы они не поняли, как завоевать Алиссайнию, как подчинить её, то точно б умерли, но никто, ни одна душа не знала, что делать. Вот только Алиссайя отличалась от всех. Она была твоего возраста, ты знаешь, когда пошла в лес и сказала, что слышит шёпот деревьев. И она знала, как нашептать им обратно.

— С помощью магии?

— Своего рода магии, я думаю, — подтвердила её предположение Аврора. — Она успокаивала путь для своего народа и вела его всё глубже и глубже в лес, указывая на каждое место, где они могли бы жить. Не в городах, не замурованные и запертые — а в маленьких деревнях и одном замке, скрытом среди деревьев, где никто не мог причинить им ни капельки вреда...

Рассказывая историю о хорошей, терпеливой, добросердечной Алиссайе, которая принесла мир на земле и сделала всё возможное для этого, Аврора чувствовала, что знакомые прежде слова стали какими-то скрученными, спрятанными и иностранными. Словно они не подходили для этого окружающего воздуха. Алиссайя всегда казалась такой сильной ей, ребёнку — будущей королеве, которую все любили, которая встретила авантюриста на новой земле, что понял её. Она была так хороша. Так нежна. Все царственные черты её матери когда-то оставляли для неё такое огромное впечатление...

— Что с нею случилось? — спросила Изабель.

— Она пропала. Говорят, в один прекрасный день она бродила по лесу и исчезла в тумане. Лес забрал её к себе, словно свою собственность...

Всё это чушь, как теперь подумала Аврора. Она умерла. Все умерли.

— Она вернётся?

— Никто не знает.

— Может быть, она — это ты. Все говорят, что ты собираешься нас спасти! — воскликнула Изабель, подпрыгивая на месте. — Что ты вернёшь в наш мир магию!

Магия. Впервые она услышала это слово и почувствовала, как в её животе всё скручивалось от странных ощущений. С такой властью, с таким влиянием... это грешно. Тем не менее, она не могла отрицать, что чувствовала странное удовлетворение при мысли о магии. Казалось, это имело важное значение — истинная власть позволила бы ей делать всё, что только захочется.

Конечно же, это невозможно. Она не была возродившейся королевой, которая, насамом деле, давно умерла, и, скорее всего, она не могла восстановить магию, как не могла вновь увидеть своих родителей. Но она и не могла разбить мечты Изабель. Она не могла подавить в себе это ощущение.

— Может быть, — прошептала она, — может быть...

В тот же вечер весь двор собрался в банкетном зале для того, чтобы отпраздновать помолвку. Шёлковый занавес проходил через всю комнату, скрывая импровизированную сцену от посторонних взглядов. Присутствующие ждали на наклонных деревянных скамейках, шептались и шутили между собой. Скамейки формировали странную форму, похожую на галочку, с двумя красно-золотыми тронами в центре для почётных гостей. Аврора сидела слева, сложив руки на коленях, а рядом с нею Родрик возился со своим рукавом. Никто не разговаривал.

Финнеган сидел слева от Авроры. Она не смотрела на него, но чувствовала на себе его слишком острый взгляд.

Невысокий человек обошёл занавес и обратился к толпе:

— Здравствуйте! Это большая честь для меня сегодня выступать перед вами! По просьбе нашей прекрасной королевы, мы будем представлять пантомимический рассказ, который, уверен, каждый из вас прекрасно знает, чтобы возродить это в честь нашей принцессы, — он поклонился Авроре.

— Прекрасно, — крикнул король. — Начинайте!

Занавесь отодвинулась, открывая две фигуры, короля и королеву, в странных нарядах. Королева покачивала ребёнка на руках, из арфы рождалась странная мирная музыка. Аврора прижала руки к своим коленям ещё сильнее. Ей следовало ожидать этой слепой жестокости. Они собирались вновь продемонстрировать ей её же жизнь, словно это было лишь лёгким, простым развлечением.

Финнеган наклонился ближе, шепча ей на ухо:

— О, это прекрасно. Моя любимая история. Вам нравится?

Она проигнорировала его.

Один за другим, актёры подходили к женщине и ребёнку, их лица скрывались за масками. Каждый поклонялся или опускался в реверансе, а после клал подарок у ног ребёнка. После загремели барабаны, звуки отразились от каменных стен, появился ещё одна героиня, одетая с головы до ног в сплошное чёрное, носившая странную маску с тёмными

птичьими перьями и красными змеиными чешуйками вокруг глаз. Фигура указала на ребёнка, её подбородок был вскинута вверх, словно пика, музыка постепенно стихала. Король схватил меч, равно как и остальные, но женщина махнула рукой, и мечи пропали. Зрители ахнули.

— Лезвие, естественно, втягивается в рукоять, как же ещё, — пробормотал совсем тихо Финнеган. — Оно исчезло в рукаве актёра. Как гениально.

— Спасибо за объяснение, — прошипела Аврора, а слова словно царапали её зубы, не желая прорываться на свободу. — Я не заметила бы это сама.

— Вы очень щедры ко мне, — хмыкнул он. — Я знаю, что вы прекрасно разбираетесь в иллюзиях со своей невинной глубиной, — она дёрнулась, чтобы посмотреть на него, но он лишь почти незаметно покачал головой. — Тсс. Смотрите игру. Вам должен понравиться конец.

Внезапно ведьма откинула голову назад и расхохоталась. Музыка стала громче, комната погрузилась в темноту. Когда свет вернулся, молодая женщина стояла на краю сцены и перебирала свои длинные светлые волосы. Её золотая маска прикрывала лишь глаза, а губы актрисы были накрашены ярко-розовым. Зрители наблюдали, как девушка порхала по сцене, прижимая руку к сердцу, склоняла голову и подпрыгивала в воздухе. Каждое движение было грациозно, а каждое подёргивание губ — нежно и изысканно. Цветущая девушка, такая тихая и безмерно чистая.

— Знаешь, — прошептал Финнеган, — думаю, тебя я люблю больше всех.

Сценическая принцесса трепетала, словно птица, плясала с воображаемым партнёром, приседала в реверансах перед пустотой. Музыка страдала от одиночества, а после встряхнулась, когда «Аврора» повернулась, чтобы увидеть маску с тёмной птицей и спрятавшуюся за нею женщину. Женщина манила её за собой.

Все вокруг содрогнулись от страха, когда принцесса сделала шаг назад и покачала головой, её руки шарили в воздухе в поиске помощи, но ведь её нигде не было. Женщина вновь поманила её, и теперь принцесса послушно скользнула к ней.

Аврора закрыла глаза. Это всего лишь глупая игра. История её жизни, ничего подобного на самом деле не было. Но, когда струны взвизгнули в ушах плачем, что-то мелькнуло в её памяти. Какая-то музыка, световые блики, что-то похожее на транс, но словно побуждение, потребность следовать за собственным любопытством и увидеть всё, что только есть за пределами. Кончик её пальца вспыхнул болью, словно напоминая, и она провела пальцем там, где был укол.

Свет вновь блеснул. Когда Аврора открыла глаза, принцесса потянулась к прялке, протянув всего лишь один палец к ней.

Родрик потянулся к ней и с силой сжал ладонь. Она ответила на прикосновение, чувствуя, как сжимает его пальцы до побеления.

Шторы закрылись, и спустя короткое мгновение, когда слышались аплодисменты, открылись в очередной раз, чтобы открыть ещё несколько актёров и символов. Великий король, венец которого был даже больше, чем у прошлого, и на его маске рычал медведь. Королева, и её маска была точно такой же, как и у прошлой. И принц с красной маской, что покрывала только лицо.

Родрик попытался освободить руку.

— Это был день моего рождения, — пробормотал он. Она едва-едва различала его слова за слишком громким гулом и музыкой. — Я боялся этого столько лет. Боялся, что это будет

самое страшное восемнадцатилетие — не самый лучший способ повзрослеть.

— Это был твой день рождения? — Аврора посмотрела на него. — Я не знала...

— Всё в порядке. Я не говорил тебе.

И вот, принц подошёл к спящей принцессе, и музыка в очередной раз стихла.

— С днём рождения, — прошептала Аврора.

Вымышленный принц поцеловал девушку. Она проснулась и потеряла сознание прямо у него на руках. Куда проще было бы, если бы всё это действительно оказалось правдой. Всего один короткий поцелуй, как на сцене, и они будут жить долго и счастливо.

Спектакль закончился, зрители зааплодировали, и король поднялся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Отлично! — воскликнул он. — Отлично! Как странно... После свадьбы я буду вынужден вновь просить вас подготовить что-то подобное для всех нас. Я уверен, что зрители желают увидеть лицедейство вновь так же сильно, как и Родрик и Аврора!

— Да, Ваше Величество, — поклонился главный актёр. — Спасибо, Ваше Величество.

— Что такое лицедейство? — спросила Аврора у Родрика, когда они перешли в соседнюю комнату, полную комфортных стульев и винного запаха. — Новый вид театра?

— Да, принцесса, — кивнул Родрик. — Он немножко сложнее, чем этот. Там есть пение, танцы, большие речи, но, конечно же, у каждого есть своя маска. Признаюсь тебе честно, я их так боюсь... Но, уверен, ты будешь в настоящем восторге!

— Почему ты боишься их?

— Потому что мы все должны там участвовать. У нас нет особенных ролей, но все хотят, чтобы мы потанцевали. Я не самый хороший танцор.

— Если у каждого есть маски, то это не имеет значения. Как они узнают, что это ты?

— Я знаю, что это я. Это уже достаточно плохо.

Аврора стояла рядом с Родриком, пока публика гудела вокруг них, комментируя актёрскую игру, выражая своё восхищение, всегда выступая скорее за них, чем против. Аврора кивала, когда они что-то говорили, касаясь рукой ладони Родрика для поддержки. Никто не беспокоился, что она не любила своего будущего мужа, что даже не показала ничего из своего арсенала спасительницы. Но наконец-то она поняла, что Родрик был в такой же ловушке, как и она сама. Она чувствовала это, словно какой-то кулак сжимал её сердце. Игра, в которой мучили их обоих.

Одна из придворных дам, Александра, схватила Аврору за руку и потянула её в сторону.

— Такая прекрасная игра! — воскликнула она. — Ты в прошлом часто видела такое?

— Не часто, — промолвила Аврора. — Мне не разрешали покидать мою башню часто, и отец никогда не приглашал актёров в замок. Они слишком много путешествуют, так что слишком трудно было действительно узнать, кем они являются на самом деле.

— И, конечно же, они были идеальными притворщиками, — промолвила Александра, — любой актёр, на которого стоило смотреть, — она улыбнулась.

— Может быть, тебе следует быть актрисой, Александра, — Финнеган появился за их спинами. — Такая внешность пропадает...

Александра наклонилась ближе к Авроре.

— Мы должны его игнорировать? — прошептала она. — Но, боюсь, больше всего на свете его разозлит именно молчание.

— Игнорировать меня? Зачем делать эту ужасную вещь? Конечно, принцесса для этого слишком добросердечна! А я так хочу её обожания...

— Боюсь, моё обожание тратится на Родрика, — сказала Аврора. — Тебе придётся полагаться на Александру, а она, кажется, не слишком благосклонна.

— Ты ранила меня, вы обе! — он прижал руку к сердцу, словно кто-то пырнул его только что шпагой. — Я оставлю вас, если вы так желаете, но знайте, что вы пытаете меня, когда говорите обо мне только у меня за спиной!

Александра присела, и Финнеган, поклонившись, удалился.

— Бешеный человек, — промолвила Александра. Она не критиковала его так, как это делала Айрис, едва-едва сдерживая омерзение. Она улыбалась, словно всё случившее исключительно позабавило её.

Аврора попыталась выглядеть как можно более невинно.

— Тебе не нравится?

— О, я его достаточно люблю, — протянула Александра. — Но ведь нельзя позволять ему думать так! Приносит куда больше удовольствия позволить ему считать, что мы его терпеть не можем. Это только злит его и заставляет стараться заслужить наше одобрение.

Аврора сомневалась в том, что Финнеган питал определённые иллюзии относительно того, насколько сильно Александра его любила.

— Я слышала, что он помолвлен с принцессой Изабеллой.

Александра махнула рукой.

— Сейчас, да, — сказала она, — но кто знает, как всё может случиться? — она вздохнула и внезапно сильнее схватила Аврору за локоть. — Наверное, так приятно получить всё, что тебе дали. Выйти замуж за Родрика и знать, что всё будет правильно! Ничто не может пойти не так!.. Ты рада завтрашнему дню?

— Конечно! — кивнула Аврора. — Только немного нервничаю от возбуждения.

— Не нервничай, — сказала Александра. — Всё предрешено, не так ли? Ты знаешь, как всё пройдёт. И это так романтично!..

— Да, очень романтично.

— Александра! — группа из трёх дам позвала её в другой конец комнаты. — Поиграй с нами в вист! Нам нужен ещё один человек для таблицы!

Александра взглянула на Аврору.

— Но принцесса...

— Иди, — сказала Аврора. — Я не против. К тому же, если ты будешь за столом играть в карты, где нельзя присесть, Финнеган не сможет с тобой поговорить. Идеально.

Александра улыбнулась.

— Если ты не против...

— Конечно! Заставь его завидовать!

Александра поднялась и заскользила по комнате. Аврора задержалась на месте, где они стояли, пытаясь отыскать Родрика или ещё хоть какое-то знакомое лицо. Принц был втянут в разговор, ещё и на другой стороне комнаты, с королём. Аврора не хотела прерывать его. Но прежде, чем она успела подыскать другой вариант, Финнеган вновь оказался рядом с нею.

— Вы не мечтаете сыграть в карты, принцесса?

— И упустить возможность поговорить с вами? Ваши слова для меня во время игры были слишком восхитительными!

— Игре и вправду чего-то не хватает! Я не мог приложить к ней руку...

— Возможно, это было бы не молчанием, — сказала Аврора. — Я слышала, что всё же должны быть какие-то слова, — она отвернулась, пытаясь сдержать раздражение. Он был

так самоуверен и так самодоволен. И всё же, её разочаровывало то, что ей почти нравилось разговаривать с ним. Она никогда не встречала никого, кто раздражал бы её настолько, что сделал бы это своей целью — подколоть её.

— Нет, думаю, не хватало реализма, — протянул Финнеган. — Хотя, полагаю, тут ещё неуместные костюмы. Часто кажется, что придворные Алиссайнии были бы отличными актёрами, если бы сыграли сами.

— А ты?

— О, принцесса, — усмехнулся он. — Это же почти моё предназначение!

Когда она была полностью готова утром следующего дня, каждая мышца Авроры буквально кричала ей раз за разом: беги.

«Я могла бы сделать это», — думала она, когда Бетси тянула за талию и расправляла юбки. Она могла бы бежать. Тристан предложил ей выход. Она могла оставить замок позади, спрятаться в таверне и никогда не беспокоиться о судьбе или обязанностях, или же об истинной любви. Пока её не поймают, по крайней мере. Пока повстанцы не уничтожат всех в замке. Пока люди короля не начнут отбиваться и целое королевство не погрузится в гражданскую войну. Её желудок сжался, и она плотнее сжала губы, чтобы сдержать волну тошноты, что хлынула на неё. Она не могла уйти, риск был слишком велик.

Родрик ждал в большой комнате, пустой — только с одним столом и зеркалами вдоль стен. Он покраснел, когда увидел её, и его рука дёрнулась к уху.

— Принцесса, — промолвил он. Она кивнула ему и почти присела в реверансе, и он поклонился в ответ. — Ты прекрасно выглядишь! — он был прекрасным человеком, как повторяла она себе. Но она не любила его, и каждый удар её сердца твердил ей, что это было неправильно, не так, всё не так.

Королева дала ей старомодное платье с длинными, плавными рукавами и слишком тугой шнуровкой на талии. Это было чем-то из сна, картина жизни того, как всё было «в старину». Распущенные волосы локонами спадали на её плечи. Она убрала один со своего лица и опустила голову.

— Спасибо.

— Я принёс тебе кое-что. Подарок. Для нашей свадьбы, — он вытащил ожерелье из кармана и протянул его. Закрученная цепь алмазов опускалась к звезде, блистающей на свету. Это выглядело так, словно драгоценный камень вытащили из древнего великолепного клада. Естественно, реликвия. Что бы ещё королева приказала ему передать ей?

— Тебе нравится?

— Да, — сказала она, всё ещё пытаясь говорить вежливо. — Оно великолепно. Но я не могу принять его.

— Ерунда! — королева ворвалась в комнату. Её волосы были сложены на голове в гору сложных вихрей, украшенных мелкими блёстками, которые, может быть, тоже были алмазными. — Тебе подойдёт.

— Ты позволишь? — спросил Родрик. Аврора кивнула. С нежностью он поднял её волосы. Несколько прядей вновь упало на шею. Он обвил ожерелье вокруг её шеи и долго возился с застёжкой. Шёпот, казалось, касался её кожи. Цепь была тяжёлой и холодной, тянула её и давила и так затянутую грудь. Когда Родрик наконец-то отпустил волосы, они защекотали кожу.

— Позволь мне взглянуть на тебя, — сказала королева. Она схватила руки Авроры и держала их в своих, чтобы тщательно исследовать каждую складочку и завиток. Она подняла руки выше, так что Аврора вынуждена была подняться на цыпочки, словно танцующая кукла. — Отлично! Люди тебя полюбят, — она всё ещё держала Аврору за руки, словно пытаясь выжать всю красоту до последней капли, и Аврора лишь поморщилась. — Улыбайся, моя дорогая, и всё будет хорошо, — угроза пряталась в её словах.

Королева отпустила её руки, и Аврора наконец-то смогла стать на пол нормально.

— Родрик, ты помнишь речь, что я тебе дала?

Принц кивнул, но кожа его побледнела.

— Хорошо, — королева выглядела так ровно и гладко, как и всегда, но напряжение чувствовалось в её чертах, когда она отвернулась. — У меня ещё несколько дел, которые я должна выполнить. Стража придёт за вами, когда всё будет готово, — она ушла, не сказав ни слова и оставив Родрика и Аврору наедине.

Аврора провела кончиками пальцев по драгоценному ожерелью, скользя по камням. Каждый нерв был на пределе, дыхание, казалось, застыло в лёгких. Но, по крайней мере, церемония пройдёт на улице, подальше от этих суровых стен. Родрик переминался с ноги на ногу, его рот беззвучно двигался, повторяя речь, губы повторяли одни и те же слова, и Аврора чувствовала головокружение, наблюдая за ним. Её ноги собирались бежать. Она сжимала юбки в кулаках, чтобы унять дрожь, заставляя себя вновь отгонять слёзы.

— Принц Родрик, принцесса Аврора? — человек в ярко-красном мундире стоял у двери. — Прошу, пойдёмте со мной, — она посмотрела на Родрика. Он, казалось, почти позеленел от напряжения, но кивнул и протянул ей руку. Она положила руку на его локоть, впиваясь пальцами в ткань туники. Она не была уверена, что сможет идти самостоятельно.

Стражник торопил их в коридорах и у главного входа в замок, у того места, где Аврору представили людям. Гул толпы становился всё громче и громче с каждым шагом, и король говорил своим бодрым голосом. Слова отскакивали от стен, размываясь вместе с бессмысленным весельем.

Стражник привёл их к алькову слева от главных дверей, скрытых с виду. Пространства было так мало, что Аврора почти чувствовала грудную клетку Родрика и собиралась упасть в обморок. За открытыми дверьми она могла слышать толпу: тысяча голосов бормотали, ликовали, кричали, все хотели поймать ещё один проблеск их драгоценной принцессы.

Вдох. Выдох.

— Они любят тебя, — сказал Родрик себе под нос. Говорил ли он сам с собой или с нею? Ложь резала её, паника клокотала в горле. Они не могли любить её. Никто не мог, не тут, не на самом деле. Не принц, не толпа, не кто-то другой. Все они введены в заблуждение её лицом, её молчанием, её собственными желаниями. Всё её тело горело, словно крошечные иголки впивались в каждый дюйм кожи.

Она протянула руку и сжала ладонь Родрика. Его пальцы грели её собственные. Она сжимала их, пока суставы не побелели, но от не отпустил.

— Аврора... — начал Родрик, но их прервал стражник, прежде чем он успел закончить свою мысль.

— Пора, — сказал он, вывел их из алькова, потянул к двери. Они остановились на пороге, и фанфары загревели, когда перед ними вышел глашатай.

— Встречайте принца Родрика и принцессу Аврору!

Толпа взревела в знак одобрения, Аврора и Родрик прошли через дверь, держась за руки. Люди карабкались на стены и сидели на крышах, кричали и аплодировали, размахивали транспарантами, которые кружились во вспышке цвета. Аврора вытянула губы в такой широкой улыбке, что её лицо, казалось, вот-вот разорвётся на две части. Безумное волнение сдерживало дыхание, и она посмотрела вниз на каменные ступени, пытаясь остановить бесконечное головокружение. Она чувствовала себя больной и лживой.

Улыбаться. Она присела в реверансе, опустив голову, и рев усилился. Её глаза скользили по толпе, пытаясь охватить нетерпеливые лица, восхищённые улыбки. Одна женщина не

улыбалась. Высокая, худая, с длинными светлыми волосами и знакомым лицом в форме сердца. Её ледяные голубые глаза, казалось, прожигали кожу Авроры. Она сделала шаг назад, скользя по гладкому камню.

Родрик дёрнул её за руку, и крики толпы прорвались сквозь туман, дребезжа в ушах. Её губы болели, словно кто-то слишком долго дёргал их.

— Поцелуй её! — кричал мальчик. Толпа смеялась и веселилась в знак согласия, и вскоре крик перешёл в сплошное скандирование. — Поцелуй принцессу!

Улыбка Родрика была почти извиняющейся, а его лицо покраснело, как никогда. Сотни глаз, казалось, ошпарили щёки Авроры, и она знала, что королева была среди них, судя по всему. Сердце Авроры сжалось, ей хотелось закричать и бежать, бежать, бежать, но некуда. Момент замер. Она не могла уйти, не могла повернуть голову в сторону, не могла заставить себя встать на цыпочки, коснуться своими губами его губ и продемонстрировать всем свою огромную любовь.

Родрик прижал дрожащую руку к её щеке. Было жарко, или, может быть, жар исходил от её кожи, а после его губы коснулись её.

Она закрыла глаза и считала секунды. Её сердцебиение не замедлилось, а рев толпы не затих.

Один. Два. Три.

Взрыв встряхнул двор. Аплодисменты обратились в крик. В ушах Авроры звенело, она отпрыгнула в сторону, увидев брызги золотых искр, что вырывались из-под одной из лестниц. Что-то прорвалось сквозь камни, выплёвывая огонь. Толпа визжала, толкалась, чтобы уйти, но Аврора не двигалась, не сводила глаз с пламени. Оно горело, словно паника, словно лихорадка, прорезая онемение на кончиках пальцев.

Что-то вновь взорвалось, громче, чем в первый раз, и искры стали красными. На сей раз Аврора тоже закричала и отпрыгнула назад. Искры скользнули по камню всего в нескольких футах от неё.

Второй взрыв вырвался на свободу. Люди вновь завопили, Родрик схватил её за руку, потянув обратно в замок. Стража высыпала из всех щелей, казалось, выходя из воздуха. Они вытащили свои мечи, а люди помчались ещё дальше, только увидев отблески стали.

— Фейерверк в честь радостного дня! — вопль разрезал хаос, отражаясь в самой гуще толпы. Стража помчалась на голос, расталкивая людей на пути. Кто-то отпрыгнул от блеска лезвий, но дальше все подбирались ближе, чтобы посмотреть на... шоу? Толпа толкалась взад и вперёд, рябила и жужжала, толкалась локтями и ворчала. Девочка упала перед стражником. Он ударил её в живот и вновь занёс ногу, чтобы отбросить в сторону.

— Стой!

Родрик ослабил хватку на руке Авроры, и она вырвалась на свободу, побежала вниз по ступенькам и схватила стражника за руку.

— Стой!

Стражник взмахнул мечом. Она отпрыгнула, и кончик коснулся её, прорезая платье, словно воздух. Стражник всего лишь моргнул, но площадь замерла. Никто не кричал, не боролся, никто не двигался, кроме Авроры. Она упала на бульжники. Стражник смотрел на неё, и ужас появлялся на его лице. Красный расплылся по корсету её платья. Она прижала пальцы к ране. Горячая кровь текла по ним. Мир свернулся в одну сплошную линию. Она подняла пальцы перед лицом и смотрела на кровь, ярко-красную на её белой коже. Та стекала по ладони, по запястью, пропадая под рукавом. Кровь шумела в ушах. Мчалась по

кончиках пальцев.

Она поднялась на ноги. Всё было искажено и далеко, кроме красного.

Кто-то схватил её за руку.

— Принцесса! — это был Родрик, — Давай! — она потянула свою руку, но он не отпустил, так что она развернулась спиной, чувствуя гнев. Ещё один взрыв, громкий и огненно-красный, бросился к ним. Принц отпрыгнул назад, его ноги скользили по выжженному камню. Волосы пахли дымом.

Всё её тело тряслось. Ярко-красный прилип к их одеждам. Она вцепилась в пятно на руке, где он её держал. Это было слишком ярко. Это лишь немного крови, она знала, но чувствовала, как она расползалась вокруг, окрашивая всё тело. Она хотела размазать её по лицу, чтобы спрятать собственную красоту и испоганить её вкусом собственных внутренностей.

Родрик смотрел на неё, широко распахнув глаза, словно впервые в жизни увидел.

— Верно, — прошептала она, — ты меня не знаешь, — она не понимала, услышал ли он её. Это не важно. Огонь горел в её жилах, всё напряжение, весь страх выкатывались вместе с кровью.

— Принцесса, простите меня, прошу... Я не... — Стражник двинулся вперёд, но остальные схватили его за руки, останавливая. Аврора смотрела на его отчаянное лицо, слегка приоткрытые губы. Так быстро, как она пришла, сила и дикость пропали из неё, и она покачнулась. Мир плыл перед глазами. Она покачала головой.

— Всё в порядке? — спросила она у девочки, которую бросилась спасать. Та сейчас пятилась в сторону толпы. Когда она смотрела на Аврору, её глаза наполнялись страхом.

— Всё в порядке, — ответила девочка, но глаза девушки скользнули по окровавленному платью и ожогами на ногах Родрика, и она вновь отступила назад, словно всё было лучше, чем оказаться в это мгновение перед Авророй.

Блондинка слева всё ещё наблюдала за нею. Её глаза были полны голода.

Ещё один крик пронёсся над толпой.

— Да здравствует Бесполезный Принц и его Кровавая Невеста! Пусть они навеки уснут вместе!

Она знала этот голос. Она повернулась, осматривая толпу, даже когда стража вновь потянула их куда-то в сторону. Рука кого-то незнакомого схватила её и попыталась потащить вверх по лестнице, но она отказалась идти. Только после того, как увидела.

Он сидел на крыше на самом краю площади и наблюдал. Их взгляды встретились.

Тристан кивнул и нырнул в сторону.

— Это лишь небольшой порез, — сказала целительница, прижимая ткань к боку Авроры. Рана жгла под её руками, но Аврора не позволила себе содрогнуться. — Он выглядит куда хуже, чем есть на самом деле.

— Хорошо, — королева стояла позади Авроры, и её лицо казалось безумно бледным. — Что надо сделать?

— Очень мало, — сказала женщина, и вновь посмотрела на рану. — Я буду очищать её и перевязывать, и если она не будет напрягаться несколько дней, то всё заживёт очень хорошо.

Аврора кивнула. Как она могла напрягаться? Перемещать мебель по кругу в своей запертой комнате? Свет лился через высокие окна у королевы за спиной, что заставляло помещение казаться неожиданно весёлым. Аврора же чувствовала себя холодной и далёкой. Ей пришлось ждать тут, пока целительница не разрешит переехать, пока стражники не обыщут замок, пытаясь найти все угрозы. Родрик убежал, как только вновь вошёл в замок, оставив Аврору с её будущей тёщей. Губы королевы стали такими тонкими, как никогда, и, казалось, она стояла в центре проблем. Она часто ходила по комнате, и даже когда стояла на одном месте, её юбки ещё немного колыхались.

— Будет ли шрам? — спросила королева.

— Не думаю, Ваше Величество. Но всё возможно.

Они говорили, королева казалась ещё более раздражительной, но Аврора перестала слушать. Она смотрела в сторону солнечных окон. А если стража поймала Тристана, или она была единственным человеком, что видел его, наблюдавшего за всем с крыши?

Она была такой дурой, когда доверяла ему. Даже после того, как он рассказал ей о своих намерениях, она не сделала ничего, чтобы остановить его. Она не думала, что он причинит боль невинным людям. Она не думала, что он причинит боль ей.

Целительница приложила влажную ткань к боку Авроры, отмывая его от крови.

Королева продолжала ходить по комнате. Её суставы были белы от того, как она сжимала юбки.

Целительница завязала бинты. Они охватывали живот Авроры, свежие и белые на фоне бледной кожи.

— Спасибо, — сказала Айрис, как только всё было сделано. — Можете идти. И, пожалуйста, приходите к принцессе вечером, — целительница присела в реверансе и удалилась.

— Теперь ты мне веришь? — спросила Айрис, как только дверь вновь закрылась. — Я знала, что такое могло случиться.

— Да, — кивнула Аврора. — Я верю вам.

— Будут определённые новые правила, — она прошла через комнату, чтобы посмотреть в окно. — Такое не может повториться, — теперь, когда единственная свидетельница ушла, она потеряла остаток спокойствия.

— Что будет? — спросила Аврора. — А свадьба состоится?

— Конечно, состоится! — отрезала королева. — Мы не собираемся позволять нескольким вредным сорнякам уничтожать самый важный день в королевстве за последние сто лет! Но надо будет принять дополнительные меры предосторожности для безопасности, — она говорила быстро и точно, — после того, как замок обыщут, ты будешь

оставаться в своей комнате до уведомления. Никаких прогулок в саду. Никаких обедов в залах. Никаких разговоров снаружи. Если тебе надо будет уйти, ты будешь обеспечена охраной, чтобы они оставались с собой всё время!

— Но...

— Не перебивай меня, Аврора! — лицо Айрис покраснело. — Ты должна слушать и молчать! Ты понимаешь меня?!

Аврора кивнула.

— Хорошо. Я рада, что ты будешь сотрудничать со мной, — королева отошла от окна. — Я хочу, чтобы тут было больше стражи. Нам действительно её не хватает. Надо обыскать каждый дюйм этого замка, допросить всех людей, которые были пойманы на площади...

— Это так необходимо? — спросила Аврора. Она не хотела, чтобы невинных людей арестовывали или наказывали из-за неё.

— Как ты думаешь, мы бы поднимали столько шума, если нет?

— Просто... — она посмотрела на пол, вспоминая людей, что ютились под городской стеной в тёмную ночь, их пустые голодные лица, — они думают, что делают всё правильно.

Аврора ждала, что Айрис крикнет на неё, обзовёт наивной идиоткой, но вместо этого она лишь вздохнула.

— Я когда-то была такой же, как ты, — сказала она, — доверчивой. Это не помогало.

— Что...

— Четыре года назад случился последний крупный бунт. Самый большой из тех, при которых правил мой муж. Пьяные толпы ворвались в замок. Они убили нашу стражу. наших слуг. Невинных людей снаружи просто раздавили в спешке. Моя личная горничная была убита на улице только потому, что я послала её с поручением. Это звери, Аврора. У них нет морали. Они хотят погубить нас, и им наплевать на то, что они уничтожат в процессе.

Аврора сглотнула. Она не могла принять мысль о том, что Тристан был причастен к этому. К убийствам и окровавленным толпам.

Кто-то постучал в дверь.

— Входите, — приказала Айрис, и в комнату проскользнул гонец.

— Стражник, что напал на принцессу, в подземельях, — сказал он, — а публичная казнь назначена на завтра.

— Нет! — воскликнула Аврора. Она рванулась вперёд, и её правый бок запульсировал в знак протеста. — Это был несчастный случай! — она так не хотела, чтобы он умер из-за неё.

— Он был безрассуден, — сказала Айрис. — Нельзя оставлять людей, которые причинили тебе боль!

— Выберите что-то проще.

— Не говори о том, чего не понимаешь, — хмыкнула королева. — Меньшее наказание — вообще не наказание. Если мы покажем снисходительность, это повторится вновь.

«Это моя вина, — подумала Аврора. — Если бы я не бросилась в толпу, стражник был бы в безопасности».

Но тогда девочка, на которую он напал, была бы мертва, и никто бы не наказал его за это.

— Это неправильно, — сказала Аврора. — Вы не можете убить его.

— Могу, — возразила королева. — и убью. Спасибо, Стефан, это всё.

Гонец поклонился.

— Вы нашли тех, кто несёт ответственность? — быстро спросила Аврора. — За случившееся?

Гонец посмотрел на королеву.

— Мы найдём их, принцесса. Не переживайте.

Значит, ещё нет. Аврора почувствовала всплеск облегчения. Тристан не был тем человеком, которым она его считала. Но она не могла желать ему смерти.

Если бы она сказала кому-то о том, что знала, она бы затянула вокруг его шеи петлю.

Солнце зашло, прежде чем Авроре позволили вернуться к себе. Она шагала со стражей по обе стороны, и шаги эхом отражались по пустым коридорам. На этаж выше комнат Авроры стражник остановился.

— Почему ты остановился? — спросил второй. — Это не её комнаты.

— Я знаю, — стражник нахмурился, словно не был уверен, почему остановился. — Я... Я что-то услышал! — он оглянулся.

— Я ничего не слышал, — второй стражник тоже осмотрелся. Аврора тоже не слышала ничего, кроме смутных звуков замка, свиста ветра, далёких шагов по камням. После она услышала смешанный с ветром шёпот, наполовину пение, наполовину смех. Песня проползала под её кожу, напоминая о чём-то в прошлом.

Когда стражники оглянулись, их лица были пусты, как будто они были сосредоточены на чём-то более далёком, чем этот зал.

— Что случилось? — спросила Аврора. Они не ответили. Она схватила за руку одного и дёрнула, пытаясь встряхнуть. Стражник дышал, но не реагировал. Казалось, кто-то отобрал у него разум.

Аврора отшатнулась. Она повернулась, пытаясь закричать.

Свет сиял в конце коридора. Зелёный, смутный, словно вода.

Песня, свет... Она знала их.

Селестина.

Память Авроры заставила свет отскочить, что-то странное впилося в её живот, и она увидела, куда это вело. Палец коснулся чего-то острого.

Невозможно. Ведьма не могла быть тут, не спустя сто лет. Но свет подошёл ближе, такой знакомый, такой уверенный... Если Селестина может заставить Аврору проспать столетие, не состарившись на день, её собственное выживание тоже может быть в её власти.

Аврора последовала за светом. Факелы по обе стороны становились серыми, когда она проходила. С каждым шагом зелёный шар отплывал чуть в сторону, направляя её вниз по коридору, за угол, подальше от стражи.

Она знала, что должна остановиться. Она знала, что должна вернуться обратно. Но что может сделать Селестина? Не осталось ничего, что ведьма могла бы забрать. И если она была тут, Аврора должна была узнать, что та ей скажет. Ей нужно было увидеть её прямо сейчас.

Свет остановился перед пустой гладью стены. Аврора подошла ближе, протянула руку, пока пальцы не оказались в нескольких дюймах от поверхности. После, свет растворился в самой стене, что заставило камень засветиться на короткое мгновение, прежде чем вновь исчезнуть в темноте.

Тем не менее, Аврора шла дальше. Её пальцы встретили намёк на сопротивление, когда она коснулась камня, скорее напоминающего стену, чем являющегося стеной, а она после прошла сквозь него, скользя в коридор.

Комната была круглой и голой, без окон, без дверей, ничего не было, кроме камня и пыли. Зелёный шар парил в центре, прямо на головой Авроры, отбрасывая тени на стены.

Женщина стояла рядом с ним, её пальцы танцевали вокруг света, словно лаская птичьи перья. Её светлые волосы спадали на плечи, свет подчёркивал скулы и сердцевидное лицо. Всё в ней было либо резким, либо мягким: маленький острый нос, длинные ногти и длинные пальцы. Всё так знакомо, но Авроре потребовалось время, чтобы узнать её. Она была женщиной с площади, той, что наблюдала за нею с голодом в глазах.

— Аврора, — сказала она, растягивая красные губы в улыбке. — Как хорошо, что ты присоединилась ко мне.

— Селестина... — ведьма кивнула. — Ты жива.

— Конечно, — кивнула она. — Ты же не думала, что что-то настолько мимолётное, как время, может остановить меня, правда? Я наблюдала за тобой, когда ты проснулась.

Аврора сжала руки в кулаки, впиваясь ногтями в мягкую кожу ладони. Боль помогала сохранять хотя бы какую-то целеустремлённость. Она не могла бояться.

— Смотрела, но не говорила со мной? Ты должна была быть вне себя.

— Не думаю, что ты бы обрадовалась моему присутствию, — сказала Селестина. — Признаю, я хотела видеть, что ты сможешь сделать одна. Это было довольно невпечатляюще, должна отметить.

— И всё же, ты тут.

Селестина склонила голову. Её светлые волосы спадали на плечи каскадом, переливаясь в зелёном свете.

— Ну, ты наконец-то показала потенциал. Поздравляю. Ты достаточно продемонстрировала сегодня. Это заставило меня дрожать от возбуждения! — её улыбка, казалось, проникала Авроре под кожу. — Это было так прекрасно — почувствовать дорогу после стольких лет.

Кулаки Авроры сжались.

— Не понимаю, о чём ты говоришь.

— Этот маленький взрыв... Атаковать истинную любовь... нет ничего слаще, что можно сделать в день помолвки! Повезло, что ты слаба, чтобы сжечь мальчишку в огне!

— Эти взрывы — не моя вина.

— Не начальные, но последние. О, твой гнев можно было видеть! Я знала, что эта сила есть в тебе! Ты ненавидела его в это мгновение, да, Аврора? — она говорила так легко, словно это было лишь теоретическим, крайне умеренным любопытством. — Ты ненавидела его семью, всё это смешное шоу, да? И не могла остановить его! Ты не хотела, но это вырвалось из тебя!

— Я не ненавижу его, — сказала Аврора. И это было правдой, но она поняла, что лишь отчасти. Она не могла ненавидеть Родрика, милого, неуклюжего принца, но она могла ненавидеть Родрика, принца, что разбудил её, говорил об истинной любви и счастье, заставил её принять эту судьбу. Она могла ненавидеть всё, что он представлял, и в то мгновение, в хаосе толпы, её панике и гнев на стражника, её страхе за девушку, она сорвалась. Да, на короткое мгновение она возненавидела его.

И земля взорвалась вокруг него.

Но это было совпадение.

— Я не хотела приходить к тебе прежде, чем ты себя покажешь, — сказала Селестина. — Терпеть не могу бесполезных людей, Аврора, и не хочу сделать за тебя всё

сама. Но теперь ты сделала это, теперь ты показала огонь в себе... Думаю, пришло время прийти к соглашению.

Аврора отступила назад, двигаясь медленно, пытаясь удержаться на ногах.

— Соглашение?

— У каждого есть что-то, что требуют другие. У тебя есть магия, Аврора, жжение внутри тебя. И этого так... даже для меня... Но я знаю, как это использовать. Я знаю, как сделать это стоящим.

Аврора не могла отвести взгляд от неё. Селестина лгала, она должна была лгать. Но что-то сжималось в груди Авроры, заставляя её слушать.

— Что ты мне предлагаешь?

Селестина подошла ближе, её шаги были так легки, что она, казалось, плыла по камням.

— Выбор. Если ты захочешь использовать эту власть, чтобы эти люди страдали за каждое унижение, что тебе принесли... Я могу дать тебе это. И если не хочешь — я могу заставить уйти их. Я могу отправить тебя обратно к твоей семье, чтобы ты с ними ещё раз увиделась.

Сердцебиение Авроры ускорилося, отсчитывая секунды. Ведьма пыталась опутать её, она знала. Знала, но не могла отвести взгляд.

— И что я должна буду сделать?

— Пойти со мной, — ответила Селестина. Она была так близко, что Аврора могла увидеть каждую морщинку на её гладкой, фарфоровой коже. Она провела пальцами по волосам Авроры, путаясь в них. — Позволь мне научить тебя. Позволь твоей власти укрепить меня, вернуть меня к женщине, которой я была раньше. Я лишь тень себя, Аврора. Но ты ключ. Они не лгут, когда говорят, что ты можешь принести магию. И как только все узнаешь, что я должна тебе сказать, как только сделаешь, как я хочу, ты сможешь сделать выбор. Ты можешь остаться со мной, или можешь вернуться к своей семье, и тебе никогда не придётся больше обо мне беспокоиться.

— Но остальные... Если я помогу тебе, ты причинишь им боль.

— Возможно. Но только тем, кто этого заслужил.

Аврора всё ещё не двигалась.

— Ты лгунья, — сказала она. — Думаешь, я не знаю, что ты делала, сколько сделок расторгла? Почему я должна доверять тебе?

— Я ни разу не нарушила соглашение, — Селестина освободила пальцы от волос Авроры и провела острым ногтем по её щеке. — Это не моя вина, что люди так плохо выбирали свои сделки, что они портились, когда были выполнены. Но ведь ты умна, Аврора. Ты была для этого предназначена. Тебе не придётся выходить замуж за принца. Тебе не нужно будет быть здесь, делая вид, что ты счастлива, когда мы обе знаем, что это не так. Я могу предложить тебе всё, Аврора. Ты вновь будешь со своей семьёй.

Аврора отступила назад, содрогнувшись от прикосновения колдуньи.

— Моя семья мертва, — сказала она. — Я тоже должна была быть мертва, если бы не твоё проклятье. Я хотела бы помочь тебе, и ты меня убьёшь, назвав это справедливой сделкой. Да?

— Может быть. Если ты не присоединишься ко мне. Но ты хочешь. Со мной ты будешь той, кем должна быть. У тебя такой потенциал, и я хочу помочь тебе!

В горле у Авроры пересохло.

— Я не буду тебе помогать, — сказала она. — Никогда. Понимаешь?

— Бедная, наивная девочка, — Селестина потянулась к Авроре, её пальцы скользнули по волосам, и Аврора отпрянула, упираясь спиной в стену. — Я для тебя сейчас всё, — её голос был мягким, почти эфирным, словно она не сказала ничего важного, но после она рванулась, схватив Аврору за запястья. Она сжала их так сильно, что Авроре показалось, будто её кости плавятся. — Пойдём со мной, и ты избежишь смертей и боли. Подожди, и этот мир сотрёт тебя, пока ты не попросишь меня тебе помочь! Ты не хочешь сейчас этого? Я предлагаю лёгкий путь, Аврора! Облегчи жизнь!

— Всё, что ты предложила, мне не нужно, — Аврора попыталась вырвать руки, но не смогла ослабить хватку Селестины. Ногти ведьмы впились в её запястья, почти добравшись до костей.

— Жаль. Ты будешь оглядываться на этот момент и жалеть, обещаю.

— Не буду, — она вновь попыталась освободиться, но Селестина не отпускала. — Если хочешь, чтобы я была с тобой, заставь меня. И я буду бороться с тобой каждое мгновение! Ты прокляла меня. Если ты ищешь союзника, ты никогда не найдёшь его во мне!

Селестина вздохнула. Дыхание задело щёку Авроры.

— Я не монстр, которым ты меня считаешь, — сказала она. — У меня есть правила, Аврора. И я не получаю удовольствие от принуждения. Я всегда даю людям выбор отказаться от меня. Даже тогда, как и сегодня, когда они будут последними дураками, если откажутся.

— Ты не дала мне выбора, когда меня прокляла.

— Разве нет? — Селестина склонила голову, посмеиваясь. — Я помню это иначе, — она выпустила запястья Авроры и отошла назад. Её глаза сверкнули в темноте, синие и неумолимые. — Иди, коль хочешь. Когда передумаешь, помни, я рядом. Ты придёшь ко мне. Вместе мы будем прекрасны, — зелёный свет растворился позади неё, и стена за спиной Авроры показалась менее прочной, плечи увязли в камне. — Ты увидишь, моя дорогая, — голос Селестины звучал в голове Авроры эхом. — Увидишь...

Аврора на долю секунды прикрыла глаза, вдыхая воздух. Когда она их открыла, то стояла в коридоре. Селестина исчезла.

Стражники словно не заметили отсутствия Авроры. Как только она вышла к ним, они пошли вновь, с предупредительными выражениями на лицах.

Аврора сидела без сна всю ночь, её взгляд был устремлён на запертую дверь. Она всё ещё чувствовала ногти ведьмы, впивающиеся в её руку — маленькие полумесяцы пылали красным на её бледной коже.

Селестина жива. Все, кого знала Аврора, мертвы, но Селестина жива, скрывалась в тени, говорила загадками о предназначениях, что их не могло быть у Авроры. Девушка охватила колени, каждый мускул был напряжён. Она не будет бояться. Но она не может позволить себе отдохнуть.

Бетси появилась на следующее утро, как всегда делала, но не сказала ни слова, кроме необходимых любезностей. Она принесла завтрак и помогла Авроре надеться в простое платье, потом ушла, замок щёлкнул за нею.

Аврора опустила на стул, её немного лихорадило от недостатка сна. Глаза закрылись, а после распахнулись вновь. Она не двигалась и чувствовала время.

Затем она услышала шум и болтовню за окном. Барабанная дробь пронзила замок. Смерть стражника, подумала она. Она забыла об этом из-за встречи с Селестиной.

Она прошла сквозь комнату и постучала в дверь. Она не могла открыть замок из-за мужчин и Айрис снаружи, но если она выйдет на площадь, её должны будут послушать. Королева и король не захотят ослушаться её. Но стража проигнорировала её, а дверь не выдержит испытания на прочность.

Барабаны утихли, толпа ахнула, и все возможности Авроры пропали.

Она дрогнула у двери. Её взгляд упал на книжные полки, и она поспешила к ним, почти наугад вытянув книгу. Ей хотелось как-то отвлечься.

Её рука схватила историю Алиссайи, основательницы королевства, любимую книгу Авроры. Книга об Алиссайе была такой хорошей о благородной, всеми любимой королеве. Она всё делала правильно. Но книги то же самое говорили об Авроре, а это не было правдой. Все улыбки, реверансы, обещания, и Аврора за ними, задышающая от ожидания. Так ли было с Алиссайей? Какая-то девушка, бесполезная и растерянная, просто образ остальных надежд?

Аврора открыла книгу наугад и вырвала страницу, комкая все свои обещания в кулаке. Она вырывала ещё и ещё, пока они все не оказались на полу. Каждая мечта, каждая ложь, в которую она, ребёнок, верила, скомканные в руках.

— Принцесса?

Родрик стоял в дверях. Его рот был широко раскрыт от увиденного.

— Всё в порядке?

Кровь прилилась к щёкам. Её поведение казалось таким глупым для него.

— Да, — сказала она. Она наклонилась, игнорируя боль в боку, и собрала изорванные страницы.

— Плохая история?

— Можно и так сказать, — она швырнула её в огонь. Всё моментально вспыхнуло, края почернели, уменьшились, словно прячась от жары, пока не пропали окончательно.

— Можно пройти?

Она пожала плечами, держась поближе к огню. Пламя согревало её кожу.

— Словно я могу куда-то уйти.

Он пересёк комнату.

— Я принёс игру... — его голос сорвался, словно это было вопросом. — Думал, мы можем составить друг другу компанию, но если ты хочешь покоя...

— Нет, — она повернулась, чтобы посмотреть на него, — я хочу играть.

В игре использовались разноцветные квадраты и круглые шары, что перепрыгивали через борт. Аврора едва запомнила правила, но выиграла первую игру, вторую. Либо Родрик играл ужасно, либо позволял выиграть. Кроме объяснения правил и его исправления, когда она совершила ошибку, они играли молча. Не упоминали о прошлом. Не упоминали о свадьбе. Он не требовал её внимания, а она не чувствовала, что должна болтать, чтобы бесцельно ему угодить. Тем не менее, стены комнаты словно сужались, и каждый раз, когда он нервно улыбался, она вспоминала, что они друг другу не подходили. Никто не выбирал друг друга.

Она взяла квадрат, а после положила туда, откуда взяла.

— Почему ты на мне женишься?

Он потёр рукой затылок.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не знаешь меня. И... Я не понимаю.

Каждый тик часов отражался в её груди, когда она ждала, чтобы он заговорил. Он смотрел на игровое поле.

— Думаю, когда я был маленьким, всегда хотел сделать что-то. Не знаю. Когда папу арестовали, а меня заперли в башне, короля убили... Я хотел помочь. Но... ну, посмотри на меня, — он усмехнулся. — Не совсем благородный принц. Люди всегда говорили, что королевство сломлено и только ты можешь помочь. Ты и, теперь оказывается, я, — он поднял голову. — Если у нас есть шанс принести добро и вернуть магию, просто поженившись, я это сделаю. Я хочу использовать этот шанс. И если обещания верны, и у нас будет настоящая любовь, то это было бы замечательно, но я бы сделал это в любом случае, потому что это хорошо, и люди думают, что это хорошо, и у нас есть шанс вернуть всё на свои места, — он говорил так открыто и честно, что Аврора покраснела. — Ты этого не хочешь?

Она держала руки на колени, пытаясь не дрожать. Она не могла быть такой оптимистичной и всё принимающей, как он.

— Думаю... Думаю, я просто хочу быть самой собой.

— Ты можешь быть самой собой.

Она подвигала квадратик на доске, не глядя на него.

— Твой ход.

На этот раз Родрик выиграл.

— Мне лучше уйти, — сказал Родрик, когда игра была окончена. — Мой отец сказал, что хочет поговорить со мной, пока не станет слишком поздно, — Аврора кивнула, и он бросил квадратики в коробку.

— Спасибо, — слова словно спотыкались друг о друга, спеша вырваться на свободу, — что пришёл. Поиграл. Мне было одиноко — сидела и жгла вещи.

Он кивнул.

— Я знаю, как это, — он поднял руку, потянувшись к ней, и внезапно одёрнул её и

отвернулся.

Он был почти у двери, когда остановился, хоть и не оглянулся.

— Почему ты это сделала?

Она нахмурилась.

— Что сделала?

— Проколола палец. Если ты знала, что прялка проклята, почему ты ею воспользовалась?

Она ни разу не задавалась этим вопросом. Судьба так распорядилась, как и во многих других случаях её жизни.

— У меня не было выбора. Селестина очаровала меня.

— Всегда есть выбор, принцесса.

Он поспешно вышел из комнаты, прежде чем она успела ответить.

Та ночь была особенно холодной, насмехаясь над любыми мечтами о приближении весны. Аврора завернулась в одеяла, но холод проходил сквозь каждую щель, и она дрожала. Глаза отказывались и снова закрывались. Всякий раз, когда она моргала, мир наполнялся кровью, иглы кололи её кожу, принцы наклонялись, чтобы поцеловать её, и вокруг был лёд. Она так устала. Она смотрела в потолок, наблюдая за воображаемыми тёмными фигурами. Слова Родрика повторялись эхом в голове, когда она следовала за тенью. Выбор есть всегда. У него был такой уверенный голос, но он был таким же, как и она, с жизнью, продиктованной ожиданиями, тем, что все называют судьбой. Аврора не была уверена, что у неё хоть когда-то был выбор. Её просто поставили в известность — Селестина, страх родителей, закрытые двери и сказки. Даже сейчас, когда близилась её свадьба, у неё не было выбора. Она была их спасительницей, и они говорили, что она должна им повиноваться.

Но утверждение Родрика не покидало её мысли. Она могла послушаться короля и королеву, оставить их и принять всё... одиночество и разрушение, что могло последовать за этим. Или могла остаться.

Но какой смысл, если у неё не было никакой личной власти?

Она села. Селестина сказала ей, что она вызвала взрыв на площади своим гневом. Это была страшная мысль. Невозможная. Но она почувствовала что-то в этот момент, совсем не в её характере. Гнев, безумие, бешенство крутилось в ней, словно её толкнули, и это «что-то» можно было назвать магией, по крайней мере, лживым, манипулятивным языком. И Селестина была в этом убеждена.

Искра вспыхнула в ней.

Если это магия и она могла использовать её, то она могла помочь людям. Остановить Селестину и не позволить ей контролировать её.

Возможности охватили её. Даже если это было опасно, даже если эта мысль заставляла её чувствовать себя больной... она должна знать. Она соскользнула с постели и рванулась к комоду. Кисточка. Документы. Перо. Свеча. Она потянулась за нею, схватила в ладонь и попыталась удержать покрепче.

Глядя на свечу в темноте, она обратилась к свету. Пламя, подумала она, а после повторяла это снова и снова, как заклятие.

— Гори, гори, гори.

Ничего. Она сжала воск так плотно, что была уверена, что руку схватит пламя. Оно облизывало свечу, дразнящее, мечтательное, греховное. Запах дыма. Теплота на лице. Она почти слышала треск в холодном ночном воздухе.

Ничего.

Разочарование захлестнуло её. Бесполезно, подумала она. Она была бесполезной, глупой, спящей принцессой, тогда и сейчас, играла на свободе, пока её кололи иголками. Слабая и готовая к тому, чтобы быть управляемой. Грусть и любопытство, и долг, и страх схватили её на мгновение, но они сбежали, ушли, потеряли безнадежную ярость. Ненависть украла её дыхание — и царапины, и ненависть к замку, и ненависть к темноте, ненависть к обманувшему её Тристану, ненависть к королеве и её сыну, к ожиданиям, ненависть к Селестине за уничтоженную жизнь, к себе — за слабость, кротость, проведённую в ничегонеделаньи жизнь. Одна секунда, жжение сердца, и она позволила себя поглотить.

Пламя плясало на её коже, взбираясь по пальцам.

Запах пламени коснулся носа.

Она задохнулась. Все свечи пылали.

— Принцесса, что вы сделали со своими руками?! — Бетси повернула сожжённые ладони Авроры кверху, исследуя едва образовавшиеся струпья в утреннем раннем свете.

— Я опрокинула свечу, — сказала Аврора. Бетси принесла мазь, чтобы унять боль. Она приняла объяснение без вопросов. Авроре так легко забыть не получалось.

Она листала книги, чтобы забыться в словах, но каждый раз, когда переворачивала страницу, её пальцы болели, и она задавала себе вопрос: были ли эти сказки ложью. Слуга принёс ей арфу, она касалась её пальцами, но струны так больно ранили её ожоги, что она остановилась.

Хотя Родрик приходил играть каждый день, они не говорили ни о чём важнее, чем погода и вкусная еда, которую, как Родрик слышал, готовили на свадьбу слуги. Вскоре Аврора осмелилась спросить, поймали ли тех, кто устроил всё на помолвке, но Родрик лишь покачал головой.

Она провела пальцем по заживающим ожогам, вновь и вновь отслеживая сырую гладкость и волдыри. Свеча оставила в ней искру. Не дерзость, не решительность, не часть прежней кротости и приключений, любящей и обиженной, скрывающейся и улыбающейся, опускающейся в реверансах. Нет, она стала какой-то тайной, опасной, самостоятельной.

Или полностью самостоятельной. Хотя Аврора пыталась вновь заставить что-то загореться, разбить вазу на столе, сбросить книгу с полки, но не могла даже поколебать воздух. Надежда, мелькнувшая у неё внутри, та искра, что говорила, что она не так слаба, как казалась, не желала подчиняться требованиям. Если бы не красные волдыри, что покрывали кожу, она бы назвала это сном, моментом безумия и пламени.

Она пробежалась пальцами по своей собственной истории. Опять сказка о Спящей Красавице. Сто лет под заклинанием. Может быть, магия просочилась в неё, давая ей власть, которую она не могла контролировать. Сила, которую ведьма хочет вернуть.

— Доброе утро, принцесса, — промолвил Родрик, когда пришёл к ней спустя несколько дней. Он замер на пороге, а его щёки вновь покраснели. — Надеюсь, я не побеспокоил тебя.

— Нет, — она отодвинула поднос с завтраком в сторону и поднялась. — Конечно же, нет.

— У меня для тебя есть сюрприз.

— Сюрприз?

— Я думаю, что это немного немного утомительно — постоянно сидеть тут. И я подумал, что мы могли бы пойти в сад.

Аврора улыбнулась. Сады не были идеей для приключения, но даже вышивать с королевой интереснее, чем сидеть взаперти в своей комнате ещё один день. Свежий воздух очистит её разум.

— Это было бы прекрасно!

— Я знаю, может быть немного холодно, — продолжал Родрик. — Солнце не поднимется над стенами замка ещё пару часов, но... Ну, моя мать занята этим утром и не будет ничего от тебя хотеть несколько часов.

— И она одобрит, что ты это спланировал?

— Не думаю, что одобрит, — осторожно промолвил Родрик. — И лучше не знать ей об этом, пока всё не произойдёт.

Таинственный Родрик? Аврора не предполагала, что это реально.

— А что ты спланировал? — спросила она.

Родрик только улыбнулся.

— Увидишь. Пойдём?

Когда они шли по коридорам, а за ними следовала стража, Аврора пыталась понять, куда же идёт Родрик. Было слишком холодно для пикника, а в большинство игр с лёгкостью можно было играть внутри. Может быть, они прогуляются вместе с Изабель, но об этом он мог сказать ей и пораньше.

Когда она наконец-то увидела сад, то улыбка расплзлась на её лице.

Две лошади стояли на пути, удерживаемые конюхом. Тот, что был подальше от Авроры, оказался вороным с пышной гривой и хвостом. Лошадь гордо держала голову, словно в полной мере осознавала свою красоту и была готова для оценки других. Та, что была ближе к Авроре, была меньше и коренастее, с кремово-золотистой шкурой, белой гривой и спадающим бурыми волнами хвостом. У неё на носу было бледное пятно, и она прижималась своей верхней губой к боку конюха.

— Ты сказала, что хотела ездить на лошадях, — промолвил Родрик. — И я подумал... Это не скакать верхом через лес, конечно, там опасно, но ведь можно попробовать. Немножко. Если ты хочешь!

— Да, — сказала она, почти что выдохнув это. — Да, это прекрасно! — благодарность пронзила её. Она повернулась, поднялась на цыпочки и обняла его за шею слишком крепко. Он взамен осторожно прикоснулся к её спине. — Правда! Спасибо! — она повернулась к лошадям. — Какая из них моя?

— Меньшая. Её зовут Полли. Чёрная — это моя, Тень. Лучшая лошадь в королевстве. Но она будет немного великоватой для тебя.

Аврора подошла поближе, вытянув руки. Полли перестала обращать внимание на конюха и повернулась, чтобы посмотреть на неё. Аврора провела кончиками пальцев по носу лошади, чувствуя мягкость её шкуры.

— Ей нравится, когда ей чешут подбородок, — сказал конюх. Аврора попробовала, слегка побаиваясь, что лошадь может укусить её за пальцы. Вместо этого нижняя губа Полли дрогнула, она слегка наклонила голову и ткнула Аврору своим носом.

— Как ты их сюда привёл? — спросила она. Сад был заключён в бесконечные стены замка.

— Если честно, — протянул Родрик, — я провёл их по коридорам, надеясь, что меня никто не остановит.

— И не остановили?

— Нет. Полагаю, это потому, что я всё-таки принц.

— Готовы покататься, принцесса? — промолвил конюх, и Аврора ощутила приступ паники. Идея прокатиться всегда волновала её, но теперь, когда была такая возможность, а спина лошади была выше её головы, она поняла, что лучше бы этого не делала.

— Да, если вы поможете мне.

Конюх держал лошадь, когда Родрик помог Авроре поставить левую ногу в стремя. Девушка вскочила, перенося весь свой вес на металлическую петлю, и ощутила, что седло слегка сместилось, когда она попыталась нащарить место для правой ноги в поиске баланса. А после она уже сидела на лошади, держа в руках ослабленные поводья, и юбка запуталась вокруг неё.

— Теперь перекинь ногу, — промолвил конюх, — и положи её между этими двумя наверхшими, — она сделала то, что он просил, чувствуя, как её нога скользнула по шее лошади. Нога скользнула между двумя захватами, и она вновь села. Это было куда удобнее, чем казалось на первый взгляд. По мере того, как конюх подтягивал седельные ремни по обе стороны от неё и взял её поводья, он пояснил основы — как тянуть, чтобы остановить ходу, как держаться, чтобы не упасть.

Полли повернула голову и укусила Аврору за палец.

Вопреки всем разговорам Родрика о том, что он боится лошадей, он скакал в своём седле безо всяких видимых проблем. Он поправил ремни там, где сидел, а после повернулся к Авроре с выжидательной улыбкой на лице.

— После тебя, — сказал он.

Конюх всё ещё держал уздечку Авроры, но она упёрлась пятками в бока Полли, и та побрела вперёд. Её подковы стучали по булыжникам, всё тело кренилось из стороны в сторону, когда она шла. Аврора схватилась за переднюю часть седла.

— Всё порядке? — спросил Родрик, улыбаясь и пытаясь звучать хотя бы немного взволнованно.

— Да, просто я удивлена.

— Держи вожжи покрепче, — промолвил он. — Ты должна поддерживать некоторое напряжение, но не сильно. А после расслабь руки. Да, вот так лучше.

Вожжи тёрли ожоги Авроры, но она поняла, что не против. Она чувствовала тепло лошади под собой. Владела её шагами, кивала, когда та шла. Она чувствовала себя с лошастью одним целым, и даже если они двигались медленно, даже если всё ещё были в стенах замка, она чувствовала себя проще и свободнее. Она осмелилась немного опустить поводья и запустила пальцы в гриву Полли.

Родрик подвёл свою лошадь к ней.

Она явно была самой мягкой и медленной лошастью в конюшне. Полли выполняла каждый приказ Авроры без жалоб, её простое отсутствие величия было почти утешительным. Время от времени она водила головой, чтобы схватить несколько цветочков или веток деревьев, почти вытягивая руки Авроры из плеч при этом, но конюх упрямо тянул её в противоположном направлении.

— Если она съест тут хоть что-то, — пробормотал он, — королева оторвёт мне голову.

Через пару поворотов сада Родрик с лёгким трепетом в голосе предложил Авроре хотя бы попытаться перейти на галоп.

— Ты должна только сидеть, сложа руки. Перенеси свой вес на седло. Толкни её раз, но сильно, после потяни, если хочешь остановиться. Полли хорошо держится. Она позаботится о тебе.

— Хорошо, — кивнула Аврора. — Я попробую.

Конюх нахмурился.

— Я не смогу помогать вам, принцесса. Это будет слишком быстро для моих старых ног.

— Я буду в порядке, — сказала Аврора, хотя не чувствовала той уверенности, с которой говорила. — Мы с Полли хорошо ладили, да, Полли? — лошадь втянула воздух через нос, словно соглашаясь.

На окрик Родрика она твёрдо села в седле и подтолкнула Полли. Лошадь перешла на галоп, её движения были спокойными, постоянные подёмы и падения. Они добрались до

низко висящих веток, и Аврора наклонилась. Ветки оцарапали её макушку, и Аврора рассмеялась. Это словно ликование... Полли набирала скорость, почти паря над землей.

Они достигли угла, Полли повернулась, кренясь в сторону, чтобы не сбавлять скорость, нога Авроры выскользнула из стремени. Метал ударил по ноге, а после Аврора тоже начала заваливаться влево. Она схватила Полли за гриву, когда поняла, что происходит, но слишком поздно было её останавливать. Небо вспыхнуло перед глазами, а после она свалилась на клумбы.

— Принцесса! Принцесса, всё в порядке?

Аврора минуту смотрела на облака. Её спина немного болела, но она чувствовала себя невредимой и быстро вернулась в сидячее положение.

Родрик спешил с Тени и поторопился к ней, отпустив поводья. Конюх помчался к Полли, но это казалось ненужным. Кремовый конь стоял в нескольких шагах от Авроры и смотрел на неё, словно задаваясь вопросом, что она забыла на земле.

— Принцесса, — вновь повторил Родрик, — ты ранена?

— Я в порядке, — она встала, чтобы доказать это, и отряхнула пыль со своей юбки. — Это лишь падение.

Но Родрик всё ещё был бледен.

— Может, стоит остановиться...

— Говорю тебе, я в порядке, — сказала Аврора, но Родрик покусывал губу, и она могла гарантировать, что вся езда теперь будет связана с катастрофой разбиться в его глазах. — Ещё день? С Полли? Я почти привыкла к ней! И буду очень осторожна!

— Конечно, — кивнул Родрик. — Обещаю. После свадьбы у тебя будут реальные уроки. И можно будет не прятаться за стенами.

После свадьбы. Счастье ушло после этой мысли. Столько всего хорошего будет, когда она станет женой Родрика. Свобода покидать замок и кататься на лошади — одна из них, и Родрик очень добр и предусмотрителен. Но, вопреки всему, она считала его просто другом, и надвигающаяся свадьба казалась днём, когда у неё отнимут все её возможности.

— Помочь тебе вернуться в твои комнаты? — спросил Родрик.

— Нет, — мягко ответила она. — Нет, помоги справиться с лошадьми. Уверена, стража пойдёт со мной.

— Я буду счастлив...

— Нет, всё в порядке, — твёрдо ответила она. — Мне нужно время подумать.

Родрик кивнул, но она не могла не заметить его разочарованное выражение, когда уходила.

Аврора собиралась спать, когда услышала тихий голос за дверью.

— Здравствуй.

Аврора подняла голову. Изабель стояла на пороге. Аврора положила руки на стол и посмотрела на неё.

— Здравствуй, Изабель.

Девочка проскользнула в комнату.

— Род сказал, что ты не пострадала. Именно поэтому, по его словам, ты не выходишь больше.

— Я в порядке, — сказала Аврора, — просто мне безопаснее быть тут.

Изабель приблизилась, уставившись в землю.

— Я могу тут остаться? — спросила она. — На некоторое время?

— Тебя никто не будет искать?

— Стража знает, что я тут, — Изабель сдвинула брови, — мама хочет завтра меня видеть. И Финнеган...

— Всё будет в порядке, — улыбнулась Аврора. — Он не слишком ужасен.

Изабель хихикнула.

— Он обычно нормальный. Даже хороший. Улыбается, рассказывает анекдоты. Но когда мама рядом, он словно сам не свой. Все улыбки становятся слишком большими.

Аврора села на табуретку и приманила жестом Изабель к себе.

— Думаю, твоя мать на многих людей влияет вот так.

Изабель едва заметно улыбнулась. Она села у ног Авроры, положив подбородок ей на колени.

— Не думаю, что он и вправду хочет на мне жениться.

— Похоже, что он тебя любит, но ты ведь намного младше него. Не думаю, что Финнеган из тех, кто позволил бы собой управлять. Никто бы не возражал против его отказа.

Изабель молчала довольно долго.

— Мама бы возражала. Она сказала бы, что я потерпела неудачу.

— Это не твоя вина.

— Но была бы, да? — Изабель вытянула шею, чтобы посмотреть на Аврору. — Мама говорит, что это самое большое, что я могу сделать, и если это правильно, то почему нет? И если я не сделаю, значит, я не достаточно хороша для этого! Что я не смогла...

Аврора провела пальцами по волосам Изабель.

— Нет, — мягко сказала она, — это не правда.

— Всё правильно с тобой. У тебя есть Родрик! Всё сработало!

— Не совсем верно, — возразила Аврора. — Моя мать говорила то же, что говорят тебе. Я не встречала принцев, но она всегда говорила, что моя обязанность — быть хорошей и восхищающей. Если я буду делать всё так, как надо, моё счастье придёт ко мне, — слова были такими многообещающими тогда. Если она выполнит свою обязанность, посидит в этой башне до восемнадцатилетия, счастье придёт.

— Я думаю, у неё тоже были женихи. Помню, в тот день, в последний мой день, она готовила меня к большому балу. В мой день рождения. И говорила мне обо всех принцах, что будут там. Я думаю, она собиралась меня выдать за одного из них замуж.

— Но ты выйдешь за Родрика. Да?

Аврора кивнула.

— Те принцы уже давно мертвы.

— Ты его любишь, да? — Изабель смотрела на неё своими большими глазами, словно в надежде на положительный ответ. Отчаянно и страшно. — Поскольку принцессы всегда любят принцев в историях, мама называет это глупостями. Она говорит, мы должны жениться и выходить замуж за лучших, а потом порадуешься. Но ты... ты любишь Родрика, правда? Как в книге!

Изабель дрожала под конец своей речи. Она продолжала смотреть на Аврору в надежде и страхе, и ответ застрял в горле. Как она могла сказать ей правду? Как могла сказать, что куда больше чувствовала к мятежнику из таверны, чем к к добросердечному старшему брату Изабель? Родрик заслужил её любви, а Тристан нет, но его предательство ещё горело в её груди, а доброта Родрика заслуживала только дружбы.

— Твой брат — хороший человек, — наконец сказала она медленно и осторожно. — Но я его едва знаю. Может, в будущем... Если история правдива...

Изабель не дрогнула и не отвернулась, но уголки её рта опустились. Она кивнула.

— Так и будет.

«Нет, не будет» — подумала Аврора, перебирая пряди Изабель в своих пальцах. История нереальна. Она разбужена по необходимости или совпадению, или Селестина решила, что пришло время, или магия слишком ослабла, чтобы держать её дольше. Но не из-за истинной любви.

Это не имело значения. Остальные верили в это, и это казалось достаточным основанием для свадьбы.

Аврора читала при свете свечи. Её ноги были завёрнуты в плед, одеяло наброшено на плечи. Замок молчал несколько часов. Даже слуги спали, но Аврора всё ещё была взволнована из-за её разговора с Изабель, чтобы спать. Она смотрела на страницы, но не могла разобрать слова.

Она собиралась сдаться и попытаться уснуть, когда услышала движение у двери. Шаги и шёпот. Она смотрела на дверь.

Ручка дёрнулась.

Аврора встала. У неё не было ничего даже отдалённо походящего на оружие, поэтому она крепче сжала книгу, чувствуя её вес. Если Селестина вновь придёт, она не сможет защититься.

Но когда дверь открылась, в комнат вошла не ведьма.

Это был Финнеган.

— Хорошо, что ты не спишь.

Она отступила назад, внезапно понимая, что её сорочка едва достаёт до колен.

— Финнеган! Что ты тут делаешь?!

— Мне надо кое-что тебе показать.

Она покачала головой. Её пальцы сжались вокруг книги.

— Моя стража.

— Они пустили меня.

— Ко мне?!

— Удивительно, что люди могут сделать за деньги. Я делаю тебе одолжение, приходя сюда.

— Ты делаешь мне одолжение? — повторила она. — Врываясь в мою комнату среди ночи?

— Что-то происходит. В подземельях. Ты должна увидеть.

Аврора содрогнулась. Она схватилась рукой за живот, пытаясь успокоиться. Взрывы на площади, арестованные невинные люди, повстанцы, что желали королю смерти. Дрожь проползла по спине.

— Покажи мне.

Кроме стражников в коридоре никого не было, но она могла слышать голоса и бегущих людей, звуки, что понимались с нижних этажей.

Он повёл её по коридору, пока они не достигли потрёпанного гобелена в верхней части лестницы. Он поднял его свободной рукой, открывая узкий проход. Факелы освещали первые несколько футов, показывая грубые камни, покрытые пылью, но темнота внутри была непроницаема. Там могло таиться всё, что угодно.

Аврора колебалась.

— Единственный способ быть незамеченными, — сказал Финнеган. — Ну же! — она проскользнула под его рукой в туннель. Он последовал за нею, опустив гобелен, и материал ударил их по спине, погрузил в темноту. Аврора схватила его за руку, и он сжал её ладонь в ответ.

— Не переживай, — сказал он, — я не позволю монстрам заполучить тебя.

— Я не переживаю. Я не хочу потерять тебя в темноте.

— Конечно. Я тоже не хотел бы себя потерять.

Он пошёл дальше, пальцы Авроры ныли. Она шла в пыли, и паутина прилипала к коже. Она едва могла различить плечо Финнегана впереди, его рука держала её руку. Помимо движений, шипения их дыхания, проход был тих.

— Тут лестница, — предупредил принц. — Будь осторожна.

Лестница вилась под ними. Она испытывала каждую боль от движения ног, подворачивала их, чтобы звучать тише. Финнеган шёл без колебаний, словно проделал этот путь много раз.

Свет сиял впереди. Она могла слышать голоса, опять же, слабые, но эхо не позволяло расслышать слова. Они остановились в нескольких шагах, прислушиваясь.

Она признала один голос. Тристан.

Аврора двинулась мимо Финнегана, ноги в спешке скользили. Лестница переходила в небольшую нишу. Свобода. Аврора могла видеть только незажжённые факелы на каменных стенах, свет из подсвечников разливался по неровному полу. Аврора прижалась к стене, встав на цыпочки, выглядывая из-за угла.

Тристан стоял ближе к концу коридора, одетый в одежду слуги. Стражник держал его руки за спиной, склоняясь к его лицу.

— Всё так, как я вам сказал, — повторял Тристан. — Я шёл спать, услышал шум. Бросился посмотреть, что происходит.

— Странно, что я не видел прежде лицо столь послушного слуги, — протянул страж.

— Спросите короля. Он поручится за меня! Он дал мне работу. Я много лет трудился на него!

Пальцы Авроры сжались в кулаки. Её первым инстинктом было броситься на помощь. Отвлечь, подбежать к страже и приказать им освободить его, сделать что-то. Если он не сбежит, то умрёт. Но сомнения остановили её. Она не могла вспомнить ни одной невинной

причины, почему она может быть тут, не одетая, среди ночи.

Финнеган положил руку ей на плечо, приобнял её. Она прижалась к нему.

— Это твой счастливый день, да? — промолвил страж. — Король мог быть тут в любой момент, чтобы заняться всеми... Не думаю, что он будет слишком доволен. Вывести заключённых и всё.

Аврора закусил губу. Она вспомнила старую женщину, что арестовали тогда в суде, целительницу, обвинённую в том, что она отравила деревню, запертую тут, чтобы догнивать. Если Тристан спасал таких людей, помог им бежать...

Звук боя хлынул по коридору. Бег. Крик. Металлические удары по камню.

Стражник, что допрашивал Тристана, обернулся на шум и потянулся за мечом. Как только он отвернулся, Тристан рванулся. Его руки высвободились из рук второго стражника, и нога ударила по лодыжке отвлёкшегося человека, сбив его с ног. Когда страж споткнулся, всё ещё пытаясь добраться до меча, Тристан вырвал нож из ботинка и вонзил его в стражника. Тот закричал, схватившись за рану, и Тристан помчался, борясь, к Авроре и Финнегану. Он даже не взглянул на них, когда пробежал мимо. Он скользнул за угол, сворачивая налево, а после ушёл.

Аврора рванулась за ним, словно могла поймать и потребовать ответ на вопрос, что происходит, но рука Финнегана сжала её плечо, затягивая её обратно в тень.

— Осторожнее, — прошептал он. — Не дай им увидеть тебя.

— Но... — она не знала, как понимать увиденное. — стражник...

— Он выживет, — сказал Финнеган. — Рана должна замедлить его, а не убить.

— А ты знаешь разницу?

Он кивнул. Ещё одни шаги послышались в коридоре. Кровоточащий стражник вскочил на ноги и помчался за Тристаном, второй отставал. Но от травмированного стражника Тристан уже оторвался. Он мог уйти, если не присоединился к другому бою.

Аврора потянулась к шуму, но ничего не видела.

— Мы должны стать ближе, — прошептала она Финнегану.

Он покачал головой.

— Ещё шаг — и нас увидят.

Потом ещё один голос, который она узнала, разлился по коридору.

— Предателей задержали?

Король.

— Борьба в северном крыле подземелий продолжается, — ответил помощник. Они показались в поле зрения. Аврора отшатнулась, прижимаясь к Финнегану, пытаясь раствориться в тени. — Но их меньшинство, мы скоро победим. Очень слабая попытка.

— Каковы потери?

— Ни одной, как я знаю, за исключением предателей среди нас.

— И вправду.

Они прошли мимо тайника Финнегана и Авроры. Девушка затаила дыхание, желая раствориться в камне.

— Мы не можем позволить всему этому стать известным, — продолжал король. — Покончить сегодня же вечером.

— Да, Ваше Величество.

Они свернули вправо, направляясь в ту сторону, где только что скрестились мечи, но Аврора ещё могла слышать каждое слово.

— Вы убили всех злоумышленников? И каждого беглеца?

— Всех сопротивляющихся, Ваше Величество. Есть ещё заключённые. Мы думаем, что можем допросить их.

Король издевательски фыркнул.

— Они лишь солгут, — сказал он. — Убей их и покончим с этим.

— Да, Ваше Величество.

Аврора вновь вздрогнула. Тристан побежал в другую сторону от той, куда направлялся король. Далеко от борьбы. Она повернулась к Финнегану в поиске подтверждения.

— Тот парень, — прошептала она, — он покинет темницу?

Финнеган кивнул.

— Он, по крайней мере, не попадёт в северное крыло. Скорее всего, сбежал.

Шаги остановились. Аврора напряглась, чтобы услышать слова.

— И остальные, — сказал король, — сколько ещё заключённых?

— Большинство. Мы ещё не проверили всех, но это лишь те, кажется, что были арестованы за крамольную деятельность, а не за недавнее.

Тристан не был здесь, чтобы спасти всех невинных людей в подземельях, он лишь пытался вытащить своих союзников, друзей.

— Мы не можем позволить этому повториться, — сказал король. — Прикажи стражникам перерезать им глотки.

Аврора дёрнулась вперёд, но Финнеган прижал её к груди, обнимая за спину.

Помощник короля колебался.

— Всех, Ваше Величество?

— Всех. После приведи ко мне стражу, дежурившую сегодня. Я хочу поговорить с ними сам.

Аврора вновь рванулась, но Финнеган не отпустил её.

— Он не может этого сделать. — прошептала она. Она вновь видела согнувшуюся в суде старуху, уверенную, что король её защитит. Ужас на лице, когда её уволокли. — Он не может их убить.

— Может и сможет. Как думаешь, что он с тобой сделает, если увидит тут?

— Он не причинит мне боль. Я ему нужна.

— Не настолько, чтобы рисковать. Не будь душой, Аврора. Думай.

— Я не дура, — она вырвала свою руку и повернулась к нему лицом. — Он собирается убить их, Финнеган. Невинных людей!

— Он собирался их убить в любом случае, если тут запер, — голос Финнегана был низким и спокойным. — Ты знала это, — он покачал головой. — Давай уходить отсюда, прежде чем станет хуже. Если нас увидят...

— Мы не можем просто уйти.

— Мы должны. Мы ничего не можем сделать, — он потянул её за руку, увлакивая в тень, пока они не наткнулись на лестницу.

Она оттолкнула его, позволяя гневу и отвращению хлынуть по рукам.

— Почему ты привёл меня сюда? Раз уж мы ничего не могли изменить?

— Потому что я хотел, чтобы ты знала. Чтобы ты увидела, — Финнеган вздохнул и провёл рукой по волосам, позволяя успокоиться чёрным волнам. Движение заставило его выглядеть неожиданно уязвимым. — Прости. Я не понимал, что именно случится.

Его голос звучал так искренне, что Аврора остановилась.

— Это случилось бы независимо от того, видели мы или нет. Но не помочь... — она замерла.

Финнеган коснулся её плеча.

— Ты не можешь помочь. Не сейчас. Надо идти, прежде чем нас не хватились, или будет куда хуже.

Когда они поднимались по лестнице, Авроре казалось, что она ещё слышала удары мечей на расстоянии. Крики беспомощных заключённых, когда мечи рубили им головы.

Финнеган привёл её обратно в комнату.

— Ты в порядке? — спросил он, когда она потянулась к дверной ручке. Его рука задержалась на её плече.

— Нет, — слова раздирали горло. — Не думаю, что в порядке.

Финнеган кивнул.

— Я тут ради тебя.

— Ты тут ради моего трона.

— Нет, — он крепче сжал её плечо. — Я тут ради тебя, — он наклонился ближе, и Аврора замерла. Он собирался поцеловать её. Его губы коснулись её скулы. Её кожа загоралась от его прикосновений. Аврора боролась с желанием склонить голову, чтобы позволить коснуться своих губ. Она уже получила один опрометчивый поцелуй за эти недели, и ненавидела Финнегана. Ненавидела. Тем не менее, ненависть была порывом тепла от ужаса, который она увидела, и она не хотела уходить.

Нос Финнегана коснулся её щеки, а после он отступил назад, даже не улыбаясь.

— Помни, что я сказал.

Аврора толкнула дверь и вошла в комнату. Он был слишком близко, но она не хотела, чтобы он уходил. Она не хотела, чтобы он оставлял её.

— Я закрою за собой дверь, — сказал Финнеган, и она кивнула. Дверь захлопнулась, она осталась наедине с самой собой.

Несколькими этажами ниже умирали люди. Их убивали в клетках, пока она стояла посреди комнаты, в безопасности, в тепле, вдалеке от мира. Она почти видела красную кровь на камнях, та брызнула на кожу. Но она ничего не могла сделать.

Она прошла через комнату и налила себе стакан воды. Запястья дрожали, вода выплеснулась из стакана. Казалось, она принадлежала кому-то другому, эта рука, слишком бледная и двигающаяся самовольно. И она вспомнила королеву, сидевшую в этой комнате и тоже дрожавшую, потому что Аврора её не послушалась, потому что она всё поставила в слишком большую опасность.

Аврора поставила стакан на стол. Руки ещё дрожали.

Что, если Тристан выжил? Он и его люди бежали, оставив невинных людей наедине с разъярённым королём. Он выбрал этот риск, а не другой. Может, он заслуживал того, чтобы столкнуться с неудачей.

Она ничего не могла сделать для этих людей. Но скоро... Скоро она будет наследной принцессой, рядом с королевой. Тут будет безопасно. И тогда они увидят её потенциал.

— Вы в порядке, принцесса? — спросила Бетси на следующее утро, когда убирала волосы Авроры. — Вы кажетесь бледной...

— Да, — кивнула Аврора. Она мало спала, в голове сновало слишком много мыслей о короле, людях, что умирали в замке, пока она была в своей комнате. Конечно, Бетси что-то знала о случившемся, даже если одну ложь. Но Аврора не могла ей сказать то, что видела.

— Я только слышала что-то вчера поздно вечером. Люди кричали. Я не знала, что случилось?

— Ничего не случилось прошлой ночью, принцесса, насколько я знаю. Может быть, вы просто спали..

— Может быть, — она посмотрела на отражение Бетси. Выражение лица горничной было совершенно спокойным, руки точными. Она не казалась лживой. — Это звучало реалистично.

— Всё было хорошо, принцесса, — твёрдо сказала Бетси. — И даже если нет, вы всё равно в безопасности со стражей.

Аврора кивнула. Тем не менее, она вновь поставила Бетси в опасное положение, покинув комнату среди ночи, проигнорировав замки и предупреждения, пытаясь отыскать неприятности. Она чувствовала вину.

— Я сожалею, — мягко промолвила она, — за всё, что было прежде.

Руки Бетси замерли.

— Вы не должны извиняться, принцесса.

— Но... — она отступила, повернувшись к девочке, волосы выскользнули из рук Бетси. — Я проигнорировала твоё предупреждение, и ты оказалась в беде из-за меня. Мне жаль.

Бетси кивнула и улыбнулась.

— Не стоит беспокоиться о прошлом, принцесса. Думайте о свадьбе, — она поднялась на цыпочки и поправила ещё один локон на голове Авроры. — И завтра банкет. Королева получила платье, но я думаю о волосах. Может, сначала завить несколько локонов, после вставить розочки сзади, а потом распустить волосы... если хотите, конечно.

— Да, — кивнула Аврора. Улыбка расплзалась на её губах вопреки всему. — Звучит просто прекрасно!

Бетси кивнула и вернулась на своё место. Она открыла рот, чтобы вновь заговорить, но дверь открылась и королева Айрис вошла в комнату. Она была напряжена и сжимала перед собой руки.

— Принц Финнеган хочет тебя видеть, — королева произнесла имя Финнегана так, словно это было оскорбление.

Аврора повернулась. Прясть волос упала на плечо.

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас, — кивнула королева. — Зачем бы я ещё пришла? Бетси, оставь её волосы. Пусть будут так.

У него должны быть новости, новая информация о прошлой ночи. Аврора убрала вихрь волос с лица, стараясь казаться спокойной.

— С чего бы он хотел меня увидеть?

— Бог знает почему, Аврора. У этого принца нет логики, или он не желает ею делиться со мной.

Королева привела Аврору в небольшую комнату, заполненную на первый взгляд удобными стульями, расположенную на одном из верхних этажей замка. Финнеган встал, когда дверь открылась, улыбаясь. Выражение его лица не имело ни единого намёка на их прошлую встречу.

— Ах, принцесса Аврора! Как прекрасно опять тебя видеть, — он наклонился и коснулся губами её ладони. Её щека покалывала от памяти о его поцелуе, от странного огненного предвкушения, когда она думала, что он её поцелует, не зная, стоит ли его оттолкнуть. — Спасибо за ещё одну встречу, дорогая Айрис. Я ценю это.

Королева склонила голову в знак согласия.

— Боюсь, могу оставить принцессу только на полчаса. Нам много чего надо сделать перед завтрашним банкетом.

— Конечно, — кивнул Финнеган. — Придётся довольствоваться мгновениями.

Королева вновь кивнула, сжимая свои руки.

— Я вернусь за тобой, Аврора. Моя стража под дверью, если что-то понадобится, — она ушла, только юбки шелестели за спиной.

Аврора заговорила, как только захлопнулась дверь.

— Что? Ты что-то узнал о прошлой ночи?

— Ничего, кроме того, что ты знаешь. Король молчит. Сомневаюсь, что Айрис вообще что-то знает.

Аврора покачала головой.

— Он не может держать это в секрете. Столько людей умерло...

— Никто о них не заботится. Если мы услышим, то что-то вроде того, что повстанцы убили их во время штурма королевского замка. Но они будут молчать, пока могут. Это не слишком хорошо для короля — продемонстрировать недостатки в обороне перед таким счастливым днём.

— Ты слышал об этом, — сказала Аврора. — Ты знал, прежде чем он начал...

— У меня есть свои источники.

— Шпионы, ты хочешь сказать.

— Конечно.

— Почему ты не остановил его? Если знал, почему нет?

Он сел в одно из кресел.

— Как, Аврора? Пожалуйста, просвети меня. Как я могу остановить людей, которых я не знаю, чтобы они не сделали начатое, или остановить правителя другой страны от убийства его же преступников? Я должен притащить драконов и поставить тут всё под угрозу? Или ты придумала что-то более тонкое? Очаровать их всех, а?

Она нахмурилась.

— Не издевайся надо мной. Не сейчас.

— Странно, что ты считаешь правду издевательством. Разве что ты только по своей сути столь слаба...

— Или, может быть, ты по своей сути столь невыносим.

— Невыносим? Как грубо, Аврора! Помни, я тот, кто рассказал тебе всё прошлой ночью, Аврора! Без меня ты была бы слепа, как и прежде.

— Предполагаю, это сделало тебя моим шпионом. Хотя не очень информативным.

— Живу, чтобы служить. Даже если плохо.

Она всё ещё отказывалась присесть. Энергия ночи всё ещё проходила сквозь неё.

— Всё могло быть хуже, — сказал Финнеган спустя минуту молчания. — Твоему другу повезло убежать.

— Другу? — она остановилась. — Что ты имеешь в виду?

— Я видел твоё лицо, когда они угрожали тому парню. Ты его знала.

Она смотрела на него. Было слишком мало смысла во лжи.

— Да, — признание заставило её пошатнуться. — Да. Или думала, что знала.

— Ты собиралась предавать Родрика? Изменить не со мной? Я ранен, Аврора, правда! — он говорил легко, но в глазах блестела какая-то странная твёрдость.

— Сейчас не время для такой ерунды.

— Сейчас самое время, — он встал, и ей пришлось вытягивать шею, чтобы смотреть на него. Он был минимум на шесть дюймов выше её. На этот раз выражение его лица было искренним, без намёка на ухмылку. — Ты видела короля Джона в его истинном облики прошлой ночью. После этого ты не можешь тут оставаться.

— Я должна.

— Нет. Ты не можешь. И будешь душой, если это сделаешь. Тут нет надежды. Тут ни для кого нет надежды.

— Итак, ты убеждаешь меня предать свою страну, чтобы спасти её? Как благородно!

— Ну, мои мотивы не совсем благородны. Но ты достаточно хорошо всё подытожила, — он наклонился ближе, пока его нос почти коснулся её. — Вещи только становятся хуже, Аврора. Прошлая ночь — лишь привкус того, что будет, если ты останешься.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я уже видел такое. Это лишь начало, Аврора. Потому ты должна меня послушать. Ты спрашиваешь, почему, несмотря на наши размеры, король и королева боятся Ванхельма? Потому, что мы богаты. Хорошо организованы. Люди счастливы стать частью нас.

Она отступила назад, надеясь увеличить пространство между ними.

— Это потому, что вы настолько глупы, чтобы думать, что можете контролировать драконов! Не потому, что на самом деле могущественны.

Его улыбка была ответом на её утверждение, словно меньшего он и не ждал.

— О, но я заставил их думать, что эта власть есть! Не кажется ли тебе, что это подразумевает определённый интеллект? Уверен, ты знаешь много о том, как заставить людей поверить лжи, вот твоя свадьба, как пример, и истинная любовь. Единственное различие, моя ложь демонстрирует могущество. А ты кажешься подавленной.

— Я не буду такой долго. Я изменюсь.

— Да? Ты так думаешь?

Она заставила себя не смотреть в сторону.

— Я для этого проснулась. Я обо всём позабочусь.

— А кто говорит, что причина в Родрике? Что за причина оставаться тут?

Она вскинула подбородок. Волосы щекотали шею.

— Он разбудил меня, а ты — нет. Родрик будет хорошим королём. А я — хорошей королевой.

— Не сомневаюсь в этом. Но позволь кое-что сказать. Родрик станет хорошим королём когда-то, не сейчас. Не в этой каше. Что ты будешь делать всё это время? — она ничего не

ответила. — Для кого-то столь ожесточённого, как ты, удивительно быть счастливой в бессилии. Ты не должна оставаться здесь и плавно опускаться на дно. Если ты уйдёшь со мной, ты сможешь получить огонь. Быть тем, кем ты есть на самом деле.

Огонь. Ожоги на руках пульсировали.

— Я могла бы подумать, что у тебя достаточно огня, — сказала Аврора. — Те же драконы.

— Драконы прекрасны. Но никто не настолько мил и страшен, как ты. Джон и Айрис даже не знают, что получили.

— И что же?

— Теперь я буду выглядеть дураком, если скажу это, ведь ты не на моей стороне. Я сомневаюсь, что установка твоего дорогого Родрика будет вписываться в твои огненные планы.

Она взглянула на него холодно и остро.

— Как ты...

— Так это правда! Я так и думал! Слово советчик, принцесса — никогда не предположишь, сколько знает человек, пока не подтвердишь. Ты никогда не знаешь, что о тебе в итоге знают.

Она поджала губы, ненавидя его, ненавидя себя за то, что раскрыла слишком многое. Слишком мало, чтобы пасть под влиянием обаяния и прекрасных обещаний — и забыть об осторожности!

— Ты подл!

— Нет. Я честен. По крайней мере, с тобой, — он стоял слишком близко к ней, но она не могла уйти. — Они уничтожат тебя, знай. Когда узнают, кто ты.

— Я не предаю царство!

— Это не будет изменой, Аврора. Все играют. Почему ты не можешь?

Она отступила назад, сердце колотилось.

— Это не игра, — сказала она. Финнеган был ещё слишком близко, его присутствие заполняло комнату. Она подошла к двери, пытаясь скрыть дрожь в руках. — Спасибо за советы, но я не передумаю.

— Конечно, нет, принцесса, — сказал он, словно дразня девушку. — Но я буду этого ждать.

Королева вновь вызвала Аврору в свои покои во второй половине дня, чтобы закончить с её свадебным платьем. Она утонула в потоках паутины и льда, эфирных тканей, превращающих её в фею, что могла выскользнуть, словно роса, из тумана. Две швеи охали и восклицали о её красоте, а третья, высокая и строгая, стояла поодаль и строго наблюдала за нею.

— Что ты думаешь, Аврора? — спросила королева, когда швея поместила одну лилию за ухом принцессы. Королева схватила Аврору за плечи и повернула её в сторону огромного зеркала, украшенного завитушками серебра и драгоценными камнями.

— Красиво, — действительно. Её волосы спадали на плечи, словно водопад золотого шёлка, а платье переливалось так, что одно прикосновение могло заставить его растаять. Лиф был плотным, сжимая Аврору, но он так же делал её высокой, элегантной, царственной. Она протянула руку и коснулась холодного стекла кончиком указательного пальца. Кожа, казалось, покалывала от игл. Это её судьба. Её голова вновь кружилась.

После того, как платье вновь подправили и швеи ушли, королева встретила её взгляд в

зеркале.

— Думаю, если ты будешь следовать моим инструкциям, — она провела рукой по волосам Авроры, — то всё будет хорошо.

Она училась лгать. И должна была быть осторожной, лгать так, как лгала сама Айрис.

Аврора смотрела на их отражение, королева была легка и элегантна, но слишком уставшая.

— Скажите, как это, — медленно промолвила Аврора. — Быть королевой.

Королева нахмурилась, и Авроре на мгновение показалось, что она собирается прогнать её. Но после она мягко заговорила.

— Это... трудно. Они всегда наблюдают за тобой, Аврора. У тебя есть власть формальная, но не фактическая. И если ты позволишь пустить слабину, ты даже это потеряешь.

— Если бы вы знали, что ваш муж делает что-то ужасное, вы бы его остановили?

— Аврора, моя дорогая, с таким же успехом я могу останавливать дождь. С годами я научилась задобривать его. Но моё мнение перестало иметь значение в то мгновение, когда меня выдали за него замуж, — она пробежала пальцами по волосам Авроры. — Не беспокойся об этом. Тебе дали многое, чтобы избежать горя. Родрик хороший мальчик.

На мгновение Авроре хотелось найти Родрика и рассказать об увиденном. О том, как она пробралась в подземелья, о Тристане, о жестокости отца. Но она не могла. Нет, это означало потерять доверие Родрика. Он заслужил большего, чем её лжи и фальшивых улыбок. Он заслужил того, чем она не станет.

Внезапно она поняла, что должна сделать.

— Я хочу увидеть Родрика, — слова оказались слишком грубыми и нескладными.

Айрис нахмурилась.

— Завтра банкет, Аврора, и много всего надо сделать. Уверена, это может подождать.

— Я хочу кое-что ему дать, — Аврора сжала пальцами свои юбки. Судя из прочитанного, именно это могла попросить молодая принцесса. — Хочу кое-что наладить... Прежде чем выйти замуж.

Может быть, не следовало использовать «выйду замуж», словно принимая будущее, но это заставило королеву умолкнуть.

— Что ты хочешь ему дать? — спросила она.

— Книгу.

Королева изогнула брови.

— Книгу? Это вряд ли является традиционным подарком.

Пальцы Авроры крепче сжали её юбки, и она заставила себя смотреть королеве в глаза.

— Нет, но я не традиционная невеста.

Она ждала Родрика в королевском саду, сидя неподвижно на прохладной деревянной скамье. Деревья были ещё голы, но несколько храбрых нарциссов вырвалось из земли и расцвело, а солнце разбрасывало тени вокруг. Книга грузом лежала на коленях Авроры. Она вцепилась в неё и закрыла глаза, стараясь не обращать внимания на настойчивые шаги стражи, пытаясь расслышать пение птиц.

— Принцесса? — Родрик вновь озабоченно нахмурился. — Мама сказала, ты хочешь поговорить со мной.

Она кивнула и поднялась.

— Нет, прошу! Давай присядем... Не хочу ходить со стражей, которая шагает так,

словно из кустов ежесекундно выпрыгивают убийцы! — воскликнул он.

— Хорошо, — она протянула книгу, когда он сел. Золотое тиснение отражалось в исчезающем солнечном свете. — Я хочу дать тебе это.

Сказка о Спящей Красавице. Её палец над золотой прялкой, выгравированной на обложке. Он так и не взял книгу в руки.

— Но... Это твоё...

— Нет. Нет, это не так, — он всё ещё не двигался, но она положила книгу ему на колени. Та пошатнулась, едва не упав на землю, и Родрик поймал её.

— Почему ты отдаёшь мне её?

— Я хочу, чтобы ты её... — это было всё, что она могла сказать. Как объяснить? Она хотела показать, что это история — слова и картины, смеющиеся над её несовершенством. Как она могла сказать, что он заслужил эту мечту о ней, что заслуживает держать историю в руке, даже если она не станет правдой? Так должно быть, суждено, а может, она отрицала то, что была когда-то девушкой на страницах, но обещала, что исправится. Что реальность не всегда будет такой, но что-то можно сделать, иначе всё развалится. Что она вроде бы потянула историю в сторону и могла попытаться как-то претендовать на реальность.

Он продолжал смотреть на обложку книги, проводя руками по кожаному переплёту.

— Это хорошая книга, — добавила она.

Он открыл её.

Однажды, когда желания ещё сбывались, Алиссайнией правили любящий король и его прекрасная жена.

Иллюстрация была сказочной и элегантной, бородатый король и женщина с солнечными волосами. Прошло меньше месяца с того момента, когда Аврора видела своих родителей, но она чувствовала, что память ускользала. Может, у отца были морщины вокруг глаз? Как пахли волосы матери, когда она обнимала её? Чем больше она думала, тем больше хваталась за воспоминания, и тем скорее они вырывались из её рук.

Родрик переворачивал страницу за страницей, задерживаясь на каждом слове, словно читая это впервые. Наконец, он достиг изображения Авроры или чего-то похожего на неё, над старой разбитой прялкой, с вытянутым пальцем. Аврора прижала руку к изображению, пытаясь вспомнить борьбу, чтобы собрать воедино обрывки памяти в её мыслях. Почему она это сделала? Всегда есть выбор... а может, она выбрала. Может, в конце концов, это её вина.

— Это было запрещено, — сказала она дрожащим голосом. Он так много пояснил в её жизни, не зная, что говорит правду. — Вот почему я это сделала. Потому что это было запрещено.

— Ты помнишь?

Она замолчала, водя пальцем по картине и прослеживая очертания прялки.

— Нет, не знаю. Я помню... Музыку, которая потянула меня из комнаты и... Я не уверена. Я помню, как взлетала, но это невозможно. И башни не было.

— Селестина была сильна. Она могла это сделать.

— Может быть, — Аврора закрыла глаза. — Был лёгкий, красивый, подпрыгивающий свет, словно фея или... не знаю. Я последовала вверх, всё выше и выше. — казалось, она могла чувствовать скрип деревянной лестницы под ногами, слышала мелодию, которая теперь затенялась голосом Крапивы, заполняя воздух вокруг неё. — Была пыльная, круглая маленькая комната, но это не похоже на картину. Веретено крутилось. Я никогда прежде не видела прялку, только картины, и думала, что знала, что это. Это была ночь перед моим

восемнадцатым днём рождения, в самый последний день перед тем, как сломается проклятье, и это было похоже...

Дрожь промчалась сквозь неё, словно она вновь была в комнате, и вдруг поняла, что имели в виду люди, когда говорили о судьбе. Её тянуло, странное чувство глубоко в душе, был момент, который она ждала всю жизнь.

— Женщина посмотрела на меня. Я не спрашивала, почему она там. И она спросила, не хочу ли я попробовать.

Аврора открыла глаза. Родрик смотрел на неё со слегка приоткрытым ртом, словно впитывал каждое слово и каждое её дыхание.

— Я знала, что должна. Я знала. Я провела всю жизнь в работе до этого. И думала... не что это похоже? Колесо так гладко вращалось, блестела игла, и... Я хотела узнать. Я устала бояться.

— Ты нарочно уколола палец?

— Нет, — медленно ответила она. — Нет. Но я стояла на стуле, женщина показала мне, как сделать так, чтобы нить была гладкой. — она закрыла глаза и протянула руку, словно нить ещё скользила по коже. Может, это было заклинание, может, её собственное истощение, но ей казалось, что мир поблёк, когда ею руководила странная старушка. Она не могла вспомнить, но это задержалось на задворках памяти, словно сказка, словно ребёнок, как чувство истины. — Но я была неуклюжа. Я была неуклюжа, палец соскользнул. Он упал на иголку, та уколола палец. Стало так холодно...

— И?

Она открыла глаза, глядя на дорогу. Нарциссы покачивались на ветру.

— Вот и всё. Дальше я проснулась. И ничего. Я словно была тут всю мою жизнь, — часть её жаждала поэтического завершения рассказа. Чувства обращались в мечту, чтобы можно было соединить всё это с её настоящей личностью. Но мечты никогда не помогали. Это случилось моментально, а потом всё пропало, словно никогда и не было.

Родрик твёрдой рукой повернул страницу. Принцесса спала на большой кровати с балдахином, золотые волосы разметались по подушке, она прижимала к груди красную розу.

— Ты спала?

Аврора вздохнула. Какая разница, что она делала? Она могла прожить другую жизнь в прошедшем веке, что жил и умер в её голове. Но от него не было теперь ни следа.

— Не знаю, — ответила она наконец-то. И это было правдой.

Родрик добрался до последней страницы, картины прекрасной принцессы, одетой в белое, под аркой с прекрасным принцем, и толпы смотрели на них, голуби трепетали в небесах. И все жили долго и счастливо.

Когда Аврора посмотрела на картину, она почувствовала в ней глубокую тоску — тут показали и обещанное после. Она хотела перевернуть страницу и увидеть ещё слова, чтобы обещания вновь появились о её маленькой жизни. Даже если каждый слог был выдуман, в этом существовало утешение, что она должна сделать что-то и так будет. Восстать против идеи лучше, чем не иметь ни малейшего представления о том, что будет.

— Это так скоро, — прошептала она.

— Ты этого хочешь? — спросил Родрик. — Когда ты села за колесо, ты искала долго и счастливо?

Эта мысль даже не приходила ей в голову.

— Нет. Я не знаю, что я искала. Думаю, я просто хотела это сделать. Я была больна и не

хотела тратить жизнь в ожидании.

Он молчал достаточно долго.

— Ты рада, что сделала это?

— Я не знаю, — сомнение скрутилось змеёй в её животе.

Родрик закрыл книгу с громким стуком.

— Даже если бы это не было судьбой, я бы выбрал тебя.

— Ты меня любишь? — она должна была спросить, хотя слышать в воздухе эти слова оказалось больно.

Он не смотрел на неё.

— Ты прекрасна, Аврора. Мы сделаем мир лучше вместе, я знаю это.

Она кивнула. Все её подозрения подтвердились. Тем не менее, мысль грызла её изнутри, требуя того, чтобы быть озвученной.

— Но ты в меня влюблён? Я то, о чём ты мечтал?

— Я не думаю...

Она схватила его за руку.

— Скажи мне! Я хочу это услышать.

— Я забочусь о тебе, — тихо прошептал он. — Но нет. Я не люблю тебя, — выражение его лица отражало истинную боль, словно он боялся, что эти слова разобьют ей сердце.

Он был храбр, она поняла это. Он мог сказать то, что не могла сказать она. Он беспрекословно знал, что будет правильно, и делал это без колебаний. Он будет хорошим королём. Но это отнюдь не отменяло чувства.

— Я тоже, — сказала она. — Не люблю тебя.

— Может быть, это придёт, — прошептал Родрик. — Но я считаю, что мы сделаем добро вместе. Это будет важнее, чем истинная любовь.

— Да, — кивнула Аврора. — Может быть, — она отпустила его руку, позволяя своей упасть на лавку. — Пожалуйста. Держи книгу, — она столько обещала, а не могла дать...

На следующий вечер Аврора вошла в банкетный зал под руку с Родриком. Она чувствовала себя почти больной. Весь вечер улыбаться, делать реверансы и правильно говорить — вот что её ждало.

Лицо Родрика было бледным, почти липким, словно он тоже всего этого боялся.

Послы и придворные маршировали один за другим, чтобы поприветствовать утраченную принцессу и отдать ей свои наилучшие пожелания. Почти каждый человек хватал её за руку, целовал и высоко оценивал её красоту. Она же приседала в реверансах и так часто кивала головой, что скоро почувствовала лёгкое головокружение.

— Это так прекрасно — видеть вас! — говорили они, — никогда не думал, что при моей жизни...

Аврора улыбалась каждому из них, играла роль тихой, скромной, любящей принцессы — всё, что могла. Это не такая сложная маска. Застенчивость, нежелание говорить — всё это правда, но у неё не было сил, чтобы поддерживать широкую, яркую улыбку, она только изгибала устало губы, когда очередной мужчина говорил ей, как она элегантна, таинственна и безупречна. Тем не менее, она не могла не задаваться вопросом, какой они считали её на самом деле. Как Финнеган. Что они говорят за её спиной?

Время от времени, очень редко, кто-то задавал ей вопрос, а не говорил красоте. Один полный человек, одетый в цепи и драгоценности, такие, которые Аврора считала почти воображаемыми, радостно спросил её о том, как ей новая Алиссайния.

— Всё так изменилось за сто лет! — говорил он, размахивая руками, словно сами камни светились от новизны. — Ты не могла и представить, да? Жизнь стала изумительной!

— Я и мечтать не могла, — ответила Аврора, хотя замок почти не изменился. Может, кое-какие орудия труда, да и на зданиях висели лампы, освещавшие путь по предместьям замка — это заставляло её задержать дыхание, но они были снаружи, она не имела возможность видеть их.

Второй спросил её, почему она выбрала старомодное платье, вместо того, чтобы современностью подчеркнуть красоту, которая создавалась в этом городе, и, конечно же, порекомендовал свою жену как мастера, но королева вмещалась прежде, чем Аврора смогла ответить, и заявила, что наряд вполне нов, чтобы подчеркнуть все достоинства. Аврора никогда не носила такие платья прежде.

Когда пришёл ещё один, имя которого она не могла вспомнить, мысли Авроры ускользнули, плаваясь в этом ритме любезности и улыбок. Но она не могла остановить себя, глядя в толпу, ища Селестину. Она не могла избавиться от ощущения, что ведьма смотрела на неё, ожидая мгновения, когда сможет огласить о присутствии. Она была известна своей любовью к театральным выступлениям.

Её не было.

Принц Финнеган последним поцеловал её руку. Его голос был вежлив.

— Это большая честь снова видеть тебя, Аврора. Я надеюсь, я могу рассчитывать на танец?

— Конечно, — ответила королева прежде, чем Аврора успела отозваться. — Она будет в восторге!

Аврора склонила голову.

— Я уверен, — сказал он, — она столь вежлива всегда, — кивнув Айрис, он отошёл.

— Хватит формальностей! — крикнул король из центра зала. — Все голодны! И я в том числе! Давайте есть!

Когда Аврора подошла к королю, она задалась вопросом, как он мог поддерживать такую маску бодрости. Два дня назад он убил всех в своих подземельях, но на публике всегда был весел. Может, это не маска. Может, он верил, что являлся лучшим правителем Алиссайнии и делал всё для её стабильности. Может, он не получал удовольствия от человеческих страданий. Может.

Аврора поняла, что сидит в центре длинного стола, во главе зала, зажата между Родриком и Изабель. Девочка была одета в простое платье с драгоценными камнями в волосах. Она смотрела на переполненный зал восторженным взглядом, со слишком большим благоговением. Аврора сжимала её руку под столом. Король и королева сидели по другую сторону от Родрика, за ними — принц Финнеган со свитой. По крайней мере, ей не придётся улыбаться ему во время еды или сидеть рядом с королём, зная, что тот натворил.

Слуги принесли мясо, богатые соусы и птицы, щедро посыпанные пряностями, орехи, о которых Аврора и не слышала, и каждый раз, когда винные чаши начинали пустеть, принц Финнеган призывал выпить ещё раз, пока все не стали краснолицыми и смеющимися. Она ела, склонив голову над тарелкой и слушая бездумную болтовню. Время от времени кто-то спрашивал её о прошлой жизни, но она лишь улыбалась и замечала, что её не сравнить с этой, и этого было достаточно, чтобы все смеялись ещё полчаса, бессмысленно сплетничали, пошлили и пили. Только Родрик и королева были спокойны. Королева и не пригубила вина, но не оставляла чашу пустой, а Родрик не прикасался к кубку вообще.

— Помните время, — с громовым смехом заявил Джон, — когда сэр Меррик думал, что видел в лесу дракона?

— Он был так пьян, что едва держался на лошади!

— Он скакал несколько часов в неправильном направлении, убеждённый, что тот хочет его съесть и украсть сокровища его семьи?

— Что с ним случилось? — спросил Финнеган. Несмотря на то, что он продолжал требовать напитки, он был куда устойчивее других. Аврора не была уверена, что видела, как он вновь наполнял чашу.

— Ничего. Дурак. Просто пожар в лесу! Крестьянин, право слово! Тень оленёнка, а он дрожит!

— Неужели это был дракон? — спросила Аврора.

— Нет, — отозвался Финнеган. — Алиссайнии повезло. Драконы не перелетят воду, ибо они — сокровища моего королевства и не оставят его. Тысячу лет мы жили без них, но они проснулись и затопили небо, словно мир ждал их. Скорее всего, как ты теперь, как мне показалось.

Аврора покраснела, но не смогла ответить из-за смеющегося короля.

— О, наша Аврора так страшна! Одна улыбка, и мир перед нею на коленях! — Дворяне вокруг расхохотались, а Финнеган милостиво кивнул. Конечно, он специально всё сказал. — Но не стоит говорить о столь страшных вещах! Мы должны праздновать! Моя дорогая, когда будет музыка?

— Скоро, — ответила Айрис. — Музыканты из замка, увы, заболели, поэтому пришлось искать замену. Немного необычную, должна сказать...

— Я предложил свою помощь, — хмыкнул Финнеган. — Я слышал странствующую

музыкантшу в ванхельмском дворце и в Петрикоре, и не мог отказать себе в удовольствии. Это не традиционная музыка, а некое слияние старого и нового. Объединение гласит приход новой эры.

— В самом деле! — хмыкнул король. — Хочу, чтобы певица развеселила нас. Неправильный банкет без музыки! И молодым надо танцевать...

— Она должна быть найдена в городе, — ответила Айрис. — Уверена, скоро всё начнётся.

После ещё одного блюда стража подошла к царю, высокие фигуры, скрытые в толпе. Рассмотреть можно было лишь чёрные волосы.

— Представляем исполнительницу для сегодняшнего торжества, Ваше Величество.

Крапива вышла из толпы, чёрные волосы были закреплены на затылке. Аврора не видела певицу с того вечера в «Танцующем Единороге», когда они сидели под дождём. Она почувствовала ужас от увиденного — словно та проскользнула в тюрьму Авроры и стала еще одной узницей.

Крапива присела в изящном реверансе, её юбки растекались вокруг ног, она держалась так, что даже король с интересом смотрел на неё. Но она и не взглянула на Аврору.

— Давай, дорогая! — хмыкнул король. — Как тебя зовут?

— Меня называют Крапивой, Ваше Величество.

— Необычное имя, — отозвалась королева. — Откуда ты?

— Из Эки, — она ответила со вторым реверансом. — Давным-давно была там.

— Моя дорогая Крапива! — Финнеган поднялся на ноги. — Рад вновь видеть тебя. Обещай, что ты ослепишь этих скептиков современной музыкой, да?

Она подняла голову и, увидев Финнегана, улыбнулась искреннее.

— Обещаю, что постараюсь.

— Отлично! — Джон зааплодировал. — Давайте танцевать! Родрик, уверен, ты хочешь потанцевать с невестой! Поражён, что вы держались друг без друга так долго!

Родрик танцевал плохо, кланялся, одной рукой едва-едва придерживая её за талию. Он смотрел вперёд, выше Авроры, в никуда, и повёл её неуклюжими шагами. Лоб сморщился от концентрации.

— Всё в порядке? — спросила она, когда он наступил ей на ногу.

— Не совсем. Все смотрят.

Она молчала, позволяя ему кружить её вокруг себя. Она смотрела через его плечо, глядя, как вращались стены. Музыка Крапивы обернулась вокруг них. Болезненный удар. Менее честный и более сдержанный, но в этих стенах... Или, может, Авроре показалось. Она слышала эту песню, но ноты изменились, слишком громкие, слишком неправильные и формальные для танца. Звуки медовухи и пыли, улыбки в темноте. Они не для прямых спин и неловких принцев, правил и улыбок, которые не соответствуют вечеру.

Через плечо Родрика она увидела слугу, что убирал со столов тарелки. Тёмно-каштановые волосы, такие растрёпанные... Тристан? Паника пронзила её. Родрик вновь закружил её, и она вытянулась, пытаясь рассмотреть что-то, но если парень и существовал, то уже пропал.

— Принцесса? — осведомился Родрик. — Всё в порядке?

— Да, — она откинулась назад, покачав головой. — Мне привиделось.

Они продолжали двигаться песня за песней, не готовые оторваться друг от друга, пока не дадут сигнал. Рука Родрика обнимала её за талию, но ладонь была липкой и дрожащей, и

Аврора чувствовала себя больной, потому что от бессонницы голова слишком кружилась.

— Голова не кружится? — принц Финнеган подошёл к ним. — Вы слишком долго танцевали.

Родрик отпустил её руку, и она отступила немного назад, забыв на секунду, что не должна быть одна.

— Да, — она посмотрела на незваного гостя. — Но он мой жених.

— Конечно... Не хочу прерывать, но я надеялся на один танец. Только один.

Родрик уставился на него, нахмурился, а после поклонился.

— Конечно, Финнеган, — неприязнь слышалась в голосе, но если Финнеган что-то и заметил, то не стал комментировать.

— Прекрасно! Моя леди, — он схватил Аврору за руку и потащил прочь.

Он был куда лучшим танцором, чем Родрик, даже умелым, и кружил Аврору так быстро, что её юбки взмывали в воздух. Он твёрдо держал её руку, прижимая к себе, и Аврора не могла остановить волнение, что натянулось между ними сплошной нитью. Она откинулась назад, оставаясь такой натянутой, как Родрик пару минут назад.

— Итак, Аврора, — тихо промолвил он, не сбиваясь с темпа. — Ты могла изменить решение.

— Я не собираюсь его менять.

— Даже после услышанного?

— Особенно после услышанного.

— Ты знаешь, что ничего не будет так, как ты планируешь, — пробормотал он, его дыхание задевало её кожу. — Ты знаешь, что не можешь остановить его, сидя тут и играя в игры. Знаешь, что больше не сможешь делать вид.

— Это единственный мой шанс, — слова дрожали в её груди.

Они кружились быстрее и быстрее. Мир растворился.

— Так скажи, Аврора, каков твой план? Продолжать делать вид, что ты человек, которого все ожидают? Ты не получишь власти.

— Может, я не хочу власти. Может, ты ничего обо мне не знаешь.

— Может, — сказал он. — Но это маловероятно. Я тебя знаю, — он наклонил её так, что волосы коснулись пола. Несколько людей зааплодировали, а когда Аврора вновь выпрямилась, она вновь почувствовала головокружение. — Это приключение, девушка-дракон. Просто согласись.

Её лицо покраснело, мир слегка закружился.

— Я не девушка-дракон.

— Опять лжёшь, — его дыхание заставило её содрогнуться. — Как ты можешь быть той, кем должна быть, если не честна с собой? У тебя есть власть внутри, Аврора. Магия и пламя. Используй их.

Он отпустил её руку, бросил короткий взгляд и пропал в толпе. Комната покачивалась, когда Аврора сделала шаг, пол оказался дальше, чем она думала. Она споткнулась. Кто-то бросился к ней, и она отпрянула. Родрика нигде не было. Назад за стол. Скрыться от танцев.

Стены давили на неё, дрожали цветом и искрами. Музыка остановилась.

Страж положил ей руку на плечо.

— Ещё одно блюдо, принцесса. Если вы...

— Я хочу поблагодарить певицу, — сказала она, сбрасывая его руку со своего плеча. Воздух, заполнивший её лёгкие, был слишком жарким и тяжёлым, чтобы дышать. Крапива

была так добра и мудра прежде, и её песни... Она подняла юбки и поспешила в дальний конец зала, где Крапива собиралась уходить. — Я хочу поговорить с нею, — она обратилась к стражнику рядом с певицей, — наедине, если позволите.

— Принцесса, скоро будет десерт...

— Это может подождать, — ей надо уйти из душного зала. Уйти на мгновение, услышать успокаивающий голос Крапивы. Она столько раз делала это, но тогда было проще. Аврора не могла упустить возможности поговорить с нею ещё раз.

Стражник кивнул.

— Вы слышали принцессу, — сказал он Крапиве. — Выполняйте её приказ.

Они вошли в узкий проход за пределами зала, не в тот яркий коридор, которым пришла Аврора, а со слабым светом. Слуги сновали мимо, носили тарелки.

— Я не хотела тебе приказывать, — румянец хлынул на щёки Авроры. — Я просто хотела поговорить...

— Не извиняйся, — отмахнулась Крапива. — Ты ничего плохого не сделала.

Аврора посмотрела на певицу. Её платье было более элегантным, чем обычно, тонкий материал обвивался вокруг талии и спускался к ногам. Инструмент был под рукой. Она смотрела на Аврору, склонив голову.

— О чём ты хотела поговорить?

— Тристан, — быстро промолвила Аврора. — Он...

— Он жив, если ты об этом спрашиваешь.

Облегчение нахлынуло на неё.

— Ты видела его?

— Да, видела. Я должна была выступать в его таверне, прежде чем за мной пришла стража.

— Он в порядке?

— В нём много горечи, больше прежнего, и ещё вина. Его усилия последних недель были напрасны.

— Усилия? — повторила Аврора. — Ты знаешь о случившемся?

— Я знаю о многом. Моя работа наблюдать.

Аврора вновь подумала о слуге с неряшливыми каштановыми волосами, который шёл к столам.

— Он будет тут вечером? — спросила она.

— Не верю я в это, но он не делится со мной своими секретами.

— Если бы я знала, что это он... — мягко сказала Аврора, — прежде... — прежде чем поцеловала его. — Прежде...

— Ты не должна, — хмыкнула Крапива. — Поменяй одно, и всё испортится, — она провела пальцем по локтю Авроры, едва прикоснувшись. — Думаю, он по-своему о тебе заботился.

— Он заботился о мести.

— Может быть. Всё куда сложнее.

— Сложнее? С Тристаном?

— Со всеми, — выражение лица Крапивы было почти грустным, когда она смотрела на неё сверху вниз. — Столько радости до свадьбы, столько надежд... Они превратятся в страх. Люди думают... а что, если всё пойдёт не так? Что делать, если ты самозванка? Они боятся.

Аврора посмотрела на свои ноги. Они были скрыты под юбками, такими тяжёлыми в

сравнении с новой модой.

— Тогда я должна убедиться в том, что я не разочарую их.

Улыбка Крапивы была так же печальна.

— Невозможно.

Аврора не хотела об этом думать. У неё нет выбора.

— Ты выступала для Финнегана? — вместо ответа спросила она. — В Ванхельме?

— Да, — Крапива стала более замкнутой. — Следи за ним. Он не тот, кем кажется.

Аврора в этом не сомневалась.

— Ты видела драконов?

— Один раз. Я плыла по реке в лодке. Все так их боялись, а я была мала. Увидела вспышку пламени в небе, тень надо мной...

— Боялась?

— Да. И нет. Это красиво.

— Я хотела бы... — Аврора замерла, не зная, как описать её мечты об огне и свободе в словах. Прежде, чем она успела закончить, стражник появился в дверях.

— Принцесса, королева приказала немедленно вернуться в банкетный зал. Подали десерт.

Крапива опустила в реверансе.

— Благодарю за разговор, принцесса.

Аврора кивнула в ответ. Она хотела остаться тут, вдали от толпы и ожиданий, но не осмеливалась игнорировать прямой королевский приказ. Все уже сидели в зале. Они молча смотрели, как Аврора пересекла комнату и заняла место между Родриком и Изабель.

— Рада, что ты вернулась к нам, — промолвила королева.

— Я хотела поговорить с певицей.

— Тем не менее, — королева нахмурилась, — это не давало тебе права заставлять нас ждать.

— Оставь бедную девочку в покое, Айрис, — отмахнулся король. — Девушки всегда такие. Мы должны вас прощать. Но давайте есть!

Большой кусок торта поставили перед Авророй. Он был тяжёлым и каким-то болезненным, в окружении сливок и мягких фруктов. Аврора не хотела его есть. Она лишь хотела, чтобы эта ночь наконец-то закончилась.

— О, у тебя есть вишни. — Изабель говорила тихо, её подбородок был в нескольких дюймах от руки Авроры. — Я люблю вишни.

— А у тебя нет? — спросила Аврора, и Изабель покачала головой. — Вот, — Аврора вилкой сняла вишню со своей тарелке. Крем пачкал алое. — Бери столько, сколько хочешь.

— Разве ты их не любишь?

— Я не голодна. Ешь, — она протянула вилку, и Изабель откусила. Она улыбнулась.

— Вкусно? — спросила Аврора.

Изабель кивнула.

— Спасибо, — она взяла свою вилку и схватила другую вишню, а после закашлялась. Вилка со стуком упала на стол.

— Изабель, ты в порядке?

Изабель кивнула и вновь закашлялась. Она задержала дыхание, но кашель лишь усилился.

— Изабель? — Родрик подался вперёд и положил руку на спину сестре. — Что-то не

так?

— Она ела фрукты, — сказала Аврора. — Может, поперхнулась? Изабель?

Изабель наклонилась над столом, задыхаясь и кашляя.

Айрис оказалась за нею за считанные секунды.

— Что случилось? Что? Помогите!

Осознание того, что что-то пошло не так, пронзило комнату. Несколько человек вскочили, помчавшись к Изабель. Её кожа побледнела.

Айрис оттолкнула Аврору с пути и опустилась на колени перед дочерью. Она сжимала её лицо в руках и наклонилась поближе.

— Изабель. Изабель, говори со мной. Всё в порядке. Дыши.

Изабель задышалась, кашель стал ещё сильнее. После она вырвала. Красное оросило юбки королевы, но Айрис даже не опустила голову. Люди теряли сознание.

Кто-то схватил Аврору за руку, потянув её назад. Она ахнула, отстранилась, но её удержали на месте.

— Принцесса, — это был стражник. — Нужно идти. Приказ короля.

— Что? Зачем? Что происходит?

— Тут не безопасно, — грубо ответил стражник, обняв её за талию, и потянул к выходу. — Вы должны пойти со мной.

Аврора осмотрела комнату. Ноги ныли. Голова болела. Каждый раз, когда она пыталась лежать на кровати или сидеть в кресле, она вскакивала, её жгло изнутри. Время от времени в коридоре слышались шаги, громкие, неразборчивые голоса доносились из двора, но стража Авроры стояла у двери, не открывая её, не отвечая на вопросы.

Солнце уже выглянуло над горизонтом, когда появилась королева. Её лицо было бледным и холодным, причёска распуталась, пряди спадали на плечи. Тёмные круги пролегли под глазами, губы были алы, кровь запеклась на них. Аврора бросилась к ней.

— Что случилось? Как Изабель?

Айрис дала пощечину Аврору с такой силой, что та отшатнулась. Казалось, королеву сводило судорогой. Ненависть плескалась в глазах, переполняя её. Аврора прижала руку к щеке. Кожа жгла под пальцами.

Королева втянула воздух сквозь зубы, лицо превратилось в привычную маску.

— Изабель умерла.

— Как?!

— Ты глухая или глупая? Моя дочь умерла! — Аврора смотрела на неё. Слова не имели смысла. Она пошатнулась. — Она мертва, а ты, ты, неблагодарная паршивка... — она подняла руку, чтобы вновь ударить Аврору, но остановилась в последнюю секунду, и её пальцы задрожали в воздухе.

Это не имело смысла.

— Как?

— Яд.

Аврора отступила назад, потом ещё раз, пока не упала в кресло. Вопросы срывались с губ, но она не выпускала их при виде агонии на лице королевы.

— Это должна была быть ты! — королевы выплёвывала каждое слово, словно слова приносили ей больше боли, чем всё остальное. — Они сделали это для тебя. Если бы ты ела фрукты... Если бы не кормила мою дочь...

— Я не знала, — слова царапали её горло. — Кто... Кто мог...

— А ты как думаешь? Повстанцы много лет пытались нас уничтожить! Ты видишь теперь? Видишь, на что они пойдут?

Она вспомнила слугу, которого видела во время танца. Парень с каштановыми волосами, что нёс тарелки на столы знати. Нет. Нет, это не он. Но она не могла гарантировать.

— Я убью их всех! — лицо королевы оставалось ледяным. — Я вырву их из укрытий и сожгу, и заставлю пепел кричать! И ты будешь смотреть! И будешь улыбаться и быть благодарной за всё, что мы для тебя сделали!

— Что происходит? — горло Авроры заплывало. — Свадьба...

— Будет через два дня, как и оглашено. Думаешь, мы позволим им выиграть? — дикость мелькнула в глазах Айрис, но она вновь сдержала её. — Если бы это зависело от меня, ты была бы брошена собакам! Если бы я решала, то мы бы отменили этот фарс и должным образом оплакали бы мою дочь! Но как ты заметила, я ничего не решаю! Ты выйдешь замуж за Родрика! И будешь улыбаться и благодарить мир за всё, что тебе дано. И когда ты придёшь на похороны моей дочери, ты будешь смотреть на тело убитой своими руками. Поняла?!

Аврора не ответила.

— Ты проклята. Я знала, что ты не принесёшь ничего, кроме разорения, — она ушла так быстро, почти убежала. Дверь захлопнулась, и стражник закрыл её, вновь запирая Аврору.

Её ноги подкосились, она рухнула на пол. Её голова ударилась о стул, и её пронзило тупой болью. Она не знала, как долго сидела, глядя на дверь. Ветер выл снаружи, посылая весенний дождь в окно. Аврора не могла перестать представлять девочку, которая заглянула за дверь и смотрела вверх огромными любопытными глазами, она едва доставала её до живота... а потом её рвало кровью, она вопила и кричала от боли, падала на бок, мёртвая, без звука... Это предназначалось ей, и она дрожала, чувствуя вину. Вину и грязное, отвратительное облегчение, что не съела, что жива, как говорил каждый мирской закон.

В какой-то момент она почти уснула — и проснулась в холодном поту.

Она вскочила на ноги, игнорируя дрожь, которая скользила сквозь неё, волосы, прилипшие к шее и щёкам. Она никогда ничего этого не просила. Люди умирали, и это была её вина, но она ничего не просила. Они ждали спасения от неё, а что она могла? Она улыбалась и кланялась, играла, и теперь Изабель умерла, а её мать не могла горевать. Кто сказал, что когда Аврора станет королевой, у неё будет больше власти, чем у Айрис теперь? Алиссания не изменится через десятилетия. Она не хотела ждать голод, убийство, страх, жестокость короля и месть повстанцев, смерти невинных. Если она будет сидеть и ничего не делать, всё продолжится.

«Всегда есть выбор», — говорил Родрик.

Он верил в неё. Вера в то, что она — подарок, что вместе они сделают мир лучше. И это его награда. Он любил Изабель, и теперь она умерла, а Аврора была жива, и ничто не стало так, как должно быть.

Она хотела его видеть. Хотела извиниться, успокоить, что-то сделать. Не хотела, чтобы он был один.

Она поспешила через комнату и постучала дверь. Загремел замок.

— Пожалуйста, откройте!

Щёлкнул замок, стражник открыл дверь. Он сердито посмотрел на неё из-под тяжёлых бровей, но выражение лица смягчилось, когда он увидел её.

— Принцесса? Что случилось?

— Я хочу видеть Родрика.

— Вы должны оставаться тут.

— Прошу, — она ухватила за дверной косяк, чтобы не упасть. — Я знаю, что король и королева хотят, чтобы я была тут, но я должна увидеть Родрика. Пожалуйста.

Стражник смотрел на неё долгим взглядом. Жалость отразилась на его лице. Он кивнул.

— Конечно, принцесса. Несколько минут.

Её благодарность выступила слезами на глазах. Она медленно выдохнула, пытаясь унять стук сердца.

— Спасибо.

Стражник провёл Аврору в другое крыло замка, незнакомое, далёкое от её комнат. Она постучала в толстую деревянную дверь.

Ответа не было.

— Это комната Родрика? — спросила она.

— Да, принцесса.

Она кивнула.

— Спасибо. Я на мгновение, — дверь скрипнула, когда она открыла её и проскользнула внутрь. Он закрыл её за нею с глухим стуком.

Комната была большой и аккуратной, с красными шторами и несколькими украшениями. Выбивался из всего только Родрик. Он сидел на полу в центре комнаты, держа в руках книгу. Держал так крепко, что гнулись страницы.

— Родрик?

— Я собирался дать ей это. Перед свадьбой. Но теперь не могу, — его горе было таким сильным, что Аврора чувствовала его в воздухе.

«Я сделала это, — подумала она. — Я позволила этому случиться».

— Я сожалею, Родрик, — слёзы жгли глаза. — Мне жаль. Изабель была... Я не могу поверить...

— Она была тут, — сказал он. Вся радость, оптимизм пропали из его голоса, сделав его тусклым, монотонным. — А теперь она ушла. Как? На самом деле ничего не имеет смысла?

— Ничто не имеет смысла, — она опустилась на колени рядом с ним, их тела были в нескольких дюймах друг от друга. И слишком большой мысленный разрыв. Она положила руку ему на плечо, но даже теперь чувствовала себя слишком далёкой, словно он был там, куда она не могла дотянуться. — Всё пошло не так, — её голос дрогнул. — Я не хотела, чтобы это случилось.

— Кто-то пытался отравить тебя. Это не твоя вина. — но она знала, что её. В конце концов, она дала Изабель еду со своей тарелки, когда её снова и снова предупреждали, что люди готовы причинить ей боль. Все они были правы, а она — глупа и слепа.

— Я должна была подумать... Я сделала всё неправильно.

Родрик покачал головой.

— Это не твоя вина, — повторил он. — Мне жаль, принцесса. Мы должны продолжать. Мне просто нужно немного времени.

Он говорил так запутанно, так виновато, что она должна была воспользоваться моментом, чтобы дышать и не упасть, прежде чем заговорить.

— Ты не должен делать это сам. Почему? Почему надо делать вид, что всё хорошо?

Он уставился на книгу в своих руках.

— Потому что это ужасно. Потому ты тут. Потому всё происходит. Чтобы всё было правильно. Мы не можем остановиться.

— Это не так, — сказала она. — Я знаю, ты не согласишься, но ты... Ты замечательный. Изабель любила тебя. И ты был мне другом. Ты не должен делать вид.

— Замечательный? — он горько рассмеялся. — Какая теперь разница?

Он покачал головой, и она протянула руку, обнимая его за шею. На мгновение они сидели вот так, едва соприкасаясь. Потом Родрик обнял её, притянул к себе, пока лицо не было вдавлено в грудь, руки сжимали его так крепко, что она едва могла дышать. Он прижался щекой к её голове. Она открыла рот, надеясь, что отыщет правильные слова, если начнёт говорить, но прежде, чем смогла начать, кто-то постучал в дверь.

— Принцесса, — это был стражник. — Я должен вернуть вас в комнату. Их Величества не будут рады, если мы задержимся.

— Ты должна идти, — сказал Родрик. — Но... Я был рад видеть тебя.

— Да, — тихо сказала она. — Я тоже, — она медленно поднялась на ноющих ногах, а потом присела в реверансе, юбки развивались позади неё. Это казалось естественным, так или иначе, в такой момент не помогут никакие слова. Родрик тоже поднялся и слегка

поклонился, а после взял её за руку. Он сжал её лишь один раз.

— Делай то, что считаешь правильным, Аврора, — сказал он. Его голос сорвался. — Я буду делать то же самое.

Она кивнула. Его рука упала, и девушка медленно вышла из комнаты.

Второй стражник ждал у двери Авроры, когда они вернулись. Он поклонился, когда они приблизились.

— Я водил принцессу к принцу Родрику, — сказал первый, словно уже заставляя новичка не критиковать его. — Она хотела размять ноги.

— Конечно, — второй протянул свиток. — Я только хотел отдать это принцессе. Письмо с соболезнованиями.

Она протянула руку и автоматически взяла его. Бумага была грубой под кончиками её пальцев — не та качественная, что использовали в замке. Её горло сжалось.

— Спасибо. Можете возвращаться к своим делам.

Её слова были ясны. Он поклонился, и она наблюдала за ним, пока он не пропал с поля зрения.

Когда она вернулась в свою комнату и замок щёлкнул за её спиной, она открыла записку. Та была написана грубо, нетвёрдой рукой кого-то, кто не привык писать.

" Я слышал о случившемся. Король держит это в тайне, но я слышал. И знаю, как это выглядит, но это не я. Это не связано ни с кем из нас.

Ты не в безопасности в замке. Приходи в таверну сегодня вечером.

Поверь мне.

Т.»

Она вновь и вновь перечитывала записку.

Она хотела верить ему. Он был её другом, пламенем, когда все остальные были холодны и мертвы. Но он предупредил её, что не сможет защитить. Он взломал замок, а потом бежал, когда подошла опасность. Он мог заботиться о ней, но больше заботился о деле. Если бы он должен был принести её в жертву, чтобы получить короля... он мог сделать это.

И Тристан не знал о том, кто вокруг него. Он мог верить, что они невиновны, но это не делало его слова правдой.

Это не меняло того факта, что Изабель мертва из-за этих людей.

Она бросила записку в огонь и потом долго наблюдала, как та горела.

Аврора спала той ночью, хотя не помнила, когда закрыла глаза. Она проснулась от того, что кто-то молотил кулаками в дверь. Солнце ещё не взошло, бросая прохладное красное свечение на её комнату.

— Кто там? — спросила она. Дверь содрогнулась под силой стука. — Я ещё не одета.

— Король вызвал вас, принцесса, — сказал голос. — Готовьтесь. Мы должны вернуться в тронный зал.

— Король? — с чего бы это королю так рано говорить с нею? Она ощутила укол совести.

— Да, принцесса, — сказал голос. — Пойдёмте, или мы вынуждены будем выбить дверь. Он был очень настойчив.

— Моя горничная не тут. Я должна подождать её.

— Не в это утро, принцесса. Сейчас же.

— Хорошо, — кивнула она, гордясь тем, что голос был спокоен. — Мне нужна минута, — она быстро надела простое платье, пальцами провела по локонам, чтобы расплести узлы.

Толпа стражи ждала за дверью. Они окружили её, когда она вышла в коридор, и повели её.

— Приказ короля, — сказал стражник, что говорил раньше, когда заметил её взгляд. — Для вашей защиты.

— Конечно, — она сомневалась в том, что это правда.

Король и королева ждали в тронном зале. Родрик стоял в стороне, в нескольких футах от трона. Его лицо было бледным, волосы торчали под смешным углом — если бы он не был столь трагичен. Королева тоже выглядела бледной, но ледяная маска скрывала её эмоции, горе скрылось за порошком и булавами. Лицо короля было красным.

— Ах, Аврора. Хорошо, что ты присоединилась к нам. — он посмотрел на сопровождающую её стражу. — Стефан, пожалуйста, проследите за дверью снаружи. Остальные свободны.

Стража поклонилась и вышла из комнаты, остался только личный королевский конвой, выстроившийся позади трона, чтобы стать свидетелями того, что будет дальше.

— Аврора, — голос короля был почти весёлым. — Подойди ближе, чтобы я мог видеть тебя.

Он не улыбался. Его голос был, как у той весёлой фигуры на празднике, но глаза тверды и холодны, как два камня в лунном свете. Словно потянувшись за словами, Аврора прошла по комнате. Только отзвуки её шагов нарушали тишину. Она остановилась в нескольких шагах от него, руки опустились по бокам, она пыталась держать подбородок высоко, а лицо уверенным.

— Я полагаю, ты понимаешь, почему тут.

— Нет, Ваше Величество, — она отказалась опускаться в реверансе, ведь не понимала, что происходит. — Стража ничего не объяснила.

— Я не думаю, что они должны были объяснять. Уверен, вы помните несчастный случай на банкете. Уверен, помните подозрительные обстоятельства смерти моей дочери.

— Да, — её голос сорвался на этом слове. — Конечно, я помню.

— Не самое лучшее предзнаменование для свадьбы, уверен, согласитесь. Я бы сказал, что мы должны независимо от обстоятельств исследовать некоторые вещи.

— Вы хотите отложить свадьбу?

— Я хочу пояснить ту ночь. Вы должны увидеть, как это выглядит. Ваш побег из комнаты, разговор с певицей, которая только что пришла, в последнюю минуту, когда принесли десерт. Моя дочь съела яд своей собственной вилкой.

— Вы думаете, что... — она замолчала, сглотнула, попыталась не упасть. — Я бы не причинила ей боль. Я бы никогда...

— Ты накормила её ядом! Вряд ли можно утверждать, что ты тут ни при чём.

— Если бы я знала, что оно отравлено, я бы никогда не позволила... — паника наполнила её голос, но король казался непоколебимым. — Почему я должна причинять ей боль? Она была так добра ко мне!

— Не знаю. Это относится ко многим вещам, что ты делаешь. И это довольно удивительное совпадение.

— Кто-то пытался убить меня. Я ничего не делала.

— Ну-ка, — хмыкнул король. — Кто хотел такого прекрасного события, как твоей смерти?

Вопрос был настолько наполнен ядом, так ложен, что Аврора задумалась. Она поняла. Он был тем, кто получит больше всего пользы от её смерти. Это вряд ли приведёт к восстанию народной поддержки. Если она умрёт, бунтовщиков обвинят... Король избавится одним ходом от двух проблем. Любая симпатия к оппозиции пропадёт, он потеряет бремя, которое, возможно, не в силах нести.

Конечно, он не будет так рисковать. Конечно, если он в ответе за яд, он бы с ума сходил из-за смерти дочери.

— Её причастность маловероятна, дорогой, — сказала королева. — Принцесса не так порочна, какими бы ни были её недостатки.

— Если бы я нуждался в твоём мнении, Айрис, я бы спросил, — королева даже не изменилась в лице. — Ты слишком часто контактировала с этой девушкой. Но я ответственен за неё.

— Я не делала этого, Ваше Величество, — голос Авроры дрожал. — Вы должны понимать, что...

— Я король, Аврора. Я ничего не должен. Тогда как ты должна понять, как это подозрительно. Ты никогда не казалась абсолютно благодарной за то, что моя семья делала для тебя. Ты никогда не казалась девушкой, что верна нам. И если твоё участие должно было показать, что ты не только убийца, а и предательница... Знаешь, что мы делаем с предателями, Аврора? Мы сжигаем их.

Она прикусила щеку так сильно, что ощутила кровь на языке.

Родрик смотрел на своего отца, его лицо побледнело, но он не пытался её защитить. При всём благородстве и правильности, он не принадлежал сам себе.

— Я не предатель, — сказала она.

— Ах. Но как я узнаю правду?

Она упёрла руки в бока, борясь с желанием сжать их в кулаки, пытаясь скрыть ненависть.

— Я никогда не врала вам, — уверенно сказала она. — Я всегда делала то, что от меня требовали.

— Это может быть правдой, — сказал король, — и я склонен тебе верить. Было бы стыдно отложить свадьбу из-за подобных обвинений. Но я должен принять меры предосторожности, ты понимаешь. Чтобы быть уверенным, что ты не самозванка, не предательница, не используешь брак против нас. За тобой будет следить ещё большая стража. Если ты та, кто утверждаешь, то мы увидим это по твоему поведению и поймём, что можем доверять. До этого ты будешь под моим руководством.

Он вернулся к этому. Причастен он или нет к смерти Изабеллы, король был готов использовать её в своих интересах. Насколько хорошо он контролирует слова, улыбки, угрозы, Аврора станет марионеткой в его руках.

— Как долго? — тихо спросила Аврора. — Сколько за мною будут наблюдать?

— Пока мы не будем уверены. И ещё кое-что. Если ты не виновна, ты не возразишь. Если тебя попытаются отравить, ты получишь выгоду от защиты. Надеюсь, ты понимаешь, — добавил он. — Если я слышу столько протестов, это доказательство неверности. Не думай, что слава тебя защитит. Если ты виновна, ты будешь сожжена за смерть моей дочери.

Она была так наивна, чтобы полагать, что сможет что-то изменить. Это ничем другим не могло закончиться. В лучшем случае, король будет держать её в послушании, чтобы убедиться, что она собой представляет. В худшем... убьёт, использовав её смерть в свою пользу.

Она посмотрела на королеву. Неопределённость мелькнула на лице Айрис, что-то похожее на симпатию, но она ничего не говорила.

Родрик вообще не двигался.

Аврора ничего не могла сказать в свою защиту. Она поняла это слишком поздно.

— Да, Ваше Величество. Я понимаю.

— Хорошо. Хорошо. Рад, что мы поговорили с глазу на глаз. Не буду задерживать тебя больше, ты ведь хочешь отдохнуть перед завтрашней свадьбой, не сомневаюсь. Сэр Лэнфорд, сэр Ричард, — двое из его личной стражи вышли вперёд. — Проводите принцессу в башню. Похоже, это самое безопасное место. И закройте дверь комнаты. Мы не можем рисковать сейчас.

Комната была не такой, как помнила Аврора, даже за короткий месяц детали стали размытыми. Комната была меньше, чем она помнила, и окна и камин были как-то странно расположены.

Она ходила взад и вперёд по ковру, глядя на остатки своего прошлого. Она потратит всю свою жизнь в этих стенах, панируя свой побег, глядя в окно. Или дождётся короля, который убьёт её, как, может быть, убил и Изабель, как убил многих людей.

Пустой кувшин для воды стоял на прикроватном столике. Она схватила его и швырнула в стену. Тот приземлился с глухим приятным звоном. Она швырнула книгу, этот драгоценный рассказ об Алиссайе, комкая все его предательские обещания. За ней последовала тарелка, свечи. Её руки дрожали, и она повернулась, осматривая комнату, чтобы найти еще что-то, что хочет уничтожить.

Её взгляд упал на камин. Высокий, широкий, достаточно большой, чтобы девушка могла в него пройти. Пепел цеплялся к камню. Она остановилась, тяжело дыша. Она вспомнила музыку, мерцание... рывок в животе. Аврора поспешила, опустилась на колени в золу и толкнула стену за ним, которая скрывала секретный проход. «Пожалуйста, — повторяла она вновь и вновь, прижимая палец к твёрдому камню. — Пусть всё вернётся».

Её волосы упали на глаза, и она стиснула зубы, безысходность пронзила её. Она не хотела этого. Ничего. Пожалуйста. Позвольте.

Камень вспыхнул, ярко, как раскалённое железо. Она одёрнула руки.

Стена пропала. За древним пеплом простирались невозможные лестницы.

Аврора протянула руку. Она скользнула по воздуху, где только что была стена. Девушка прижала обожжённые кончики пальцев к первой ступеньке. Грубая, твердая, почти колючая. Знакомая. И реальная.

Колени болели, плечи дрожали. Аврора встала и начала подниматься.

Лестница была крутой, изгибалась, прижимаясь к стене комнаты Авроры, как виноградная лоза. Тьма поглотила её, пока она не слышала ничего, кроме стука сердца, камень резал рукав, дерево скрипело под ногами.

Над нею светился свет.

Лестница привела её на круглый чердак. Узкие лучи света проникали сквозь щели. Дождь барабанил по крыше. В центре стояла прялка, покачиваясь в призрачном ветру. Иглы блестели.

Аврора сделала шаг вперёд, протянув руку. Пол занял в знак протеста, словно собирался вот-вот рухнуть, но она надела на него ногой, словно пытаясь причинить боль. Колесо было гладким в её руке. Она повернула его, пальцы пробежались над спицами.

Такая простая, безвредная вещь..

Она опустилась на стул на трёх ножках и закрыла глаза. Она воображала, или искра памяти пробежалась по её коже, говоря, что она была тут раньше, и, да, должна быть тут вновь?

Столько власти в одном маленьком проколе пальца.

Спица не казалась острой.

Она провела указательным пальцем по всей его длине, минуя кончик. Металл был холодным. Что случится, если она вновь уколёт палец? Она моргнёт и проснётся в прошлом,

рядом со своей семьёй? Проспит ещё столетие, два, четыре, пока Алиссайния не развеется дымом и пеплом, и никто не вспомнит о её существовании? Умрёт?

Она снова провела пальцем по всей длине. Колесо вращалось, словно его толкала фантомная рука, заполняя чердак мелкими щелчками, требуя коснуться.

Как это?

По крайней мере, это будет выбор.

Медленно, преднамеренно она уколола палец о кончик веретена.

Колесо продолжало крутиться. Дёрнулось веретено, выскользнув из её плоти. На нём осталась кровь.

Она вновь уколола палец, нажала сильнее, борясь с желанием вздрогнуть.

Ничего.

Она не могла это сделать.

Лестница заскрипела. Она встала, обернулась. Никого не было. Но на стене появилась надпись: чёрные обугленные буквы, которые впились так точно и глубоко, что могли быть только магическими.

«Она моя».

Она смотрела на свежие письма, выжженные в камне, написанные невидимой, умелой рукой: *«Ты не можешь остановить его сейчас».*

Селестина.

Шипы помчались вокруг неё. Она повернулась, но чердак был пуст. Дождь стучал.

— Я не твоя! — закричала она. — Я никому не принадлежу!

Очередная ложь.

— Ты не можешь меня контролировать!

Камни сжимались вокруг неё, впивались в её кожу, в её рёбра, сжимали лёгкие, пока она не стала задыхаться. Дрожь пробежалась по её спине, по ногам, и Аврора помчалась по лестнице.

Она вбежала в спальню и помчалась к окну, прижималась ладонями к подоконнику, глядя на город, как делала в первый день, когда всё казалось возможным, всё было ошибкой.

Она ошибалась, она поняла это. Аврора сделала вдох, чтобы успокоиться, и стала наблюдать за суетой дня. Она не там, где должна быть. Всё изменилось. Она не могла вернуть время вспять уколом пальца, но она больше не хотела улыбаться и сидеть, и пусть мир переместит её туда, где она нужна. Если она выйдет за Родрика, ничего не поменяется. Она не хотела причинить ему боль или видеть вину его провала, что он не смог заставить её остаться и позволить событиям идти своим чередом. Люди не заслуживают того, чтобы их надежды были разбиты, а жизнь разорвана.

Она больше не могла сидеть, ожидая того, что случится. Надеяться на будущее — какой смысл? Надо идти. Подальше от замка, подальше от этого места. Ей нужно узнать больше о странных силах, что вырвались из неё и повели её вверх по лестнице к этому проклятому месту, обратно туда, где она сто лет назад сделала свой первый выбор.

Она вновь думала о короле, Селестине, Тристане, всех манипуляциях, условиях, что она будет соответствовать плану, прогибаться, как они говорили ей, что делать, наказывали, ненавидели, когда она имела свои мысли. Ненависть наполняла её. Она не исчезнет просто так. Она не превратится в тень, как они хотят. Она не позволит королю испортить всё то, во что она верила.

Она даст королю то, что он хочет. Она пойдёт к алтарю, улыбающаяся и красивая, а

после покажет, насколько предательской она может быть.

«Уважаемый Финнеган, — писала она, — спасибо за все ваши добрые слова в мою сторону. Я была бы рада, если бы вы посетили меня перед моей завтрашней свадьбой чтобы укрепить хорошие взаимоотношения между нами...»

Она просмотрела письмо, проверяя, не написала ли ничего предосудительного, ничего такого, что можно было бы использовать против неё. Что-то в ней уговаривало не привлекать Финнегана, но она знала, что не может унизить короля и бежать без посторонней помощи. Если она собирается это сделать, она нуждается в нём.

Оставив записку открытой, чтобы все могли её видеть, так как это казалось невинным, она поспешила к запертой двери.

— Простите, — сказала она своим самым милым, безвредно царственным голосом. — Сэр Лэнфорд, сэр Ричард?

— Они уже ушли, — отозвался голос. — Мы можем помочь?

— У меня есть сообщение для принца Финнегана.

Послышалась неопределённая пауза.

— Принцесса, мы не можем открыть эту дверь. Вы останетесь тут до завтра.

— Я знаю. Я не собираюсь никуда идти. Но Финнеган просил меня о встрече перед свадьбой, и я не хотела бы его разочаровывать. Как и король с королевой, я думаю. Я просто хочу сообщить ему, что могу встретиться в любую минуту. Если бы вы могли передать ему от меня записку, я была бы очень благодарна.

Ещё одна пауза.

— Положите вашу записку под дверь, — наконец сказал стражник. — И я передам ему.

На мгновение она собиралась выполнить требование, но остановилась.

— Нет! — Финнеган однажды сказал, что важные люди могут делать то, что хотят. Пришло время проверить, насколько важной считают её. — Я принцесса, а не какая-то заключённая, которая передаёт секретные сообщения через щель в двери! Вы откроете эту дверь, возьмёте сообщение и отдадите Финнегану, и если он попросит, сопроводите его сюда! Это понятно?

Они долго не отвечали, а после замок щёлкнул.

— Как пожелаете, принцесса.

— Спасибо, — она передала бумагу через узкую щель в двери. — Пожалуйста, скажите Финнегану, что я с нетерпением жду встречи с ним в ближайшее время.

Стражник поклонился.

— Конечно, принцесса, — дверь закрылась с глухим стуком. Она оставалась рядом с нею, слушая звук шагов на лестнице.

Она ждала недолго. Прошло совсем немного времени, пока дверь вновь распахнулась и Финнеган вошёл в комнату.

— Как приятно видеть тебя вновь! — воскликнул он, когда дверь за ним закрылась. — Я не был тут... О, минимум три года. Ты наконец решила, что мечтала именно о моём поцелуе?

— Да! — резко отозвалась она. — И именно поэтому послала за тобой в преддверии своей свадьбы, чтобы рассказать о своей тайной любви.

— Рад это слышать, — сказал он. — Увы, должен отказаться. Политика, знаешь ли, —

он обвёл взглядом её комнату. — Станный выбор. Лестница в камне. И я её не особо помню.

— Может, ты не присматривался.

— Может. Было кое-что интереснее для меня, — он подарил ей тот же испытывающий взгляд, какой посылал раньше, когда пытался понять ход её мыслей или смысл действий. — И каковым же будет удовольствие от этой встречи? Это стоило несколько серебряных монет, чтобы прийти сюда, знаешь ли, несмотря на твоё безрассудное приглашение. Надеюсь, оно того заслужило, как и моё время.

— Я тоже, — она схватила его за руку и отвела от двери, подальше от посторонних ушей. — У меня есть для тебя предложение.

— Предложение? — он изогнул бровь. — Звучит интригующе.

— Я хочу, чтобы ты помог мне сорвать мою свадьбу.

Он долго смотрел на неё.

— Это означает, что ты принимаешь моё предложение о союзе? Мы буюм прекрасной командой.

— Нет. Нет, это временная мера.

— Тогда могу я спросить, что в этом будет выгодным для меня?

— Я буду тебе должна. И ты сможешь унизить короля Джона. Ну, и блага не имеют к этому никакого отношения. Либо ты мой союзник, либо нет.

— Конечно, да. И что я должен сделать?

— Отвлечь. Мне нужно, чтобы кто-то отвлёк всех во время свадьбы. Что-то должно привлечь внимание стражи.

— Отвлечь людей от тебя? Невозможно.

— Может быть. Я не собираюсь быть невидимой. Я пойду перед толпой, скажу, что я хочу, пусть все смотрят... А после мне надо, чтобы на меня не смотрели столько, сколько ты сможешь.

— Что-то конкретное?

— Ты умный. Ты придумаешь.

— Почему же, Аврора. Ты мне льстишь. И что ты сделаешь? Убьёшь короля? Сожжёшь замок?

Крошечная часть её вспыхнула при этой мысли. Она могла заставить короля страдать, как она страдала, как заключённые, как Изабель. Но не могла, нет.

— Нет, я кое-что сделаю.

— Это не звучит драматично.

— Я не хочу быть драматичной. Я хочу уйти.

Он усмехнулся.

— Тогда почему для побега ждать свадьбу? Если хочешь уйти, я могу вытащить тебя сегодня вечером. Скажи слово. И это будет куда проще и куда безопаснее.

Она не ответила.

— Видишь? Ты не такая сладкая, как делаешь вид. Но не волнуйся. Я помогу. У меня есть пара идей. Просто завтра дай мне знак, и у тебя будет помощь. Но скажи... Как ты собираешься покинуть город после всего того, что сделаешь?

— Я придумаю.

Он улыбнулся.

— Конечно. Но если у тебя не получится, то у меня есть для тебя предложение.

Западный край города, за пределами трущоб, и там есть тоннель, который проводит сквозь стены. Просто мимо главной башни, рядом с «Пьяной Феей». Маленький, но ты тоже не огромна. Ты сможешь там выйти. И я оставлю тебе кое-что рядом, если хочешь. Помогу на пути.

Она едва смогла ему ответить.

— Спасибо.

— Не за что. Ты полна сюрпризов, Аврора. Я с нетерпением жду, когда увижу, что ты ещё сможешь сделать, — он бросил на неё весёлый взгляд. — Тогда до утра.

— Подожди! — воскликнула она, когда он отвернулся. Она вспомнила, когда в последний раз стояла перед толпой, кровь и крики наполнили её ум. — Никто не должен пострадать.

— Ты и вправду столь невинна, да?

Он ушёл, прежде чем она успела ответить.

Она долго смотрела на дверь. Она знала, что должна попытаться уснуть, набраться сил, но чувствовала себя слишком суетливой, слишком бдительной, чтобы оставаться тут. Она вновь начала ходить, прокручивая все возможные сценарии в своей голове. Аврора пыталась игнорировать ужасные слова Финнегана.

Она не могла вернуть всё назад.

Положив руки на подоконник, она смотрела вниз на город, где когда-то стоял лес, и пыталась представить, что ждало её в мире за его пределами.

Дверь не открывалась до того момента, как солнечные лучи заглянули в окно. Король зашёл со своими стражниками.

— Аврора, — улыбнулся он, словно им предстоял всего лишь обыкновенный завтрак или простой разговор. — Надеюсь, ты хорошо спала. Сегодня великий день! — он дружески похлопал её по плечу, но большой палец почти вжался в горло. — Ну, как, готова к свадьбе?

— Да, Ваше Величество, — её голос едва дрогнул.

— Отлично, — промолвил он. — Отлично. Ну что же, хорошо, что ты готова, будешь хороша перед толпой. Стража, отведите принцессу в её покои. Мы не можем позволить пыли этой башни погубить её платья и не хотим, чтобы кто-то позволил прервать счастливый день в самом его начале, ведь так?

Она опустилась в реверансе, пытаясь дышать сквозь стиснутые зубы. Притворяться было проще теперь, когда она решилась и знала, чего хочет. Один стражник взял её за руку, остальные шли так близко, что она чуть не упала, пытаясь идти в ногу с ними, когда они спускались по винтовой лестнице и шли по пустым коридорам мимо королевских палат.

Стража закрывала двери изнутри и снаружи. Они стояли за ширмой, когда посторонняя девушка облачила её в свадебное платье. Они нависали над плечом, когда горничная поправляла волосы. «Улыбайся, — повторяла она себе. — Продолжай притворяться. Выждай».

Кто-то резко постучал в дверь, и стража открыла её. Вошёл принц Финнеган, и Аврора заставила себя оставаться спокойной, но горло в панике сжалось. Что-то пошло не по плану? Или он собирается её предать?

— Я хотел бы поздороваться с принцессой, — сказал он, обращаясь к стражнику, который нависал над нею. — Пожелать ей удачи в самый радостный день, — стражник кивнул, и едва он отошёл, Финнеган схватил руку Авроры. — Вы прекрасны, Аврора.

Стража внимательно за ними наблюдала. Она опустилась в реверансе, позволяя локонам упасть на глаза.

— Я купил тебе подарок, — ожерелье скользнуло по пальцам его свободной руки. Маленький серебряный дракон свисал с цепочки, раскрыв крылья и запрокинув голову в молчаливом рёве. Свет отражался от этой хрупкой, но грозной детали, создавая иллюзию водной ряби. Его глаза светились красным. — Небольшая побрякушка из моего королевства. Это покажет всем, кто его увидит, что ты — истинный друг Ванхельма, и мой тоже, — он говорил ласково и небрежно, но намерения были вполне уверенными. Носи — и он узнает, кто она. Запечатать сделку. — Я могу...

Она кивнула, слишком напряжённая, чтобы говорить. Он обошёл её, отбросил волосы в сторону, позволяя рукам задержаться на затылке, и застегнул замочек. Дракон был удивительно тёплым. Он замер прямо над сердцем.

— Тебе идёт.

Она присела в ещё одном реверансе.

— Благодарю за доброту. Это... Поразительно красиво.

— Да, но не так, как ты, — он поднял её руку к губам и поцеловал. Пальцы обвились вокруг внутренней стороны её ладони, и что-то упало в её руку. Его улыбка была такой озорной. Принц выпустил её руку и сделал шаг назад. — Наслаждайся этим днём. Я буду

считать мгновения до нашей новой встречи.

— Это будет прекрасно, — пробормотала Аврора, пытаясь спрятать записку, которую чувствовала в своей руке. Он нужен ей, подумала она, когда он поклонился перед уходом. Он был отвратителен в том, в чём прекрасен Родрик, но, может быть, чтобы поступить правильно, она тоже должна быть отвратительной. Она засунула записку под толстую жемчужную ленту на её талии.

Королева появилась через несколько минут. Она была тоже со стражей. Она смотрела на Аврору своими ясными карими глазами, её лицо побледнело от горя, а губы сжались в полосу.

— Ты прекрасно выглядишь, дорогая, — она провела рукой по локонам Авроры, а голос звучал почти печально. — Ты будешь великолепной невестой.

Аврора смотрела на своё отражение. Её кожа была бледной, страдальческой и белой, скрываясь за золотом волос. Идеальная трагическая принцесса. Не совсем счастливый конец. Может, люди не заметят. Или, может, не подумают об этом. Пока не получают очередную историю.

Один из стражников твёрдо взял её за руку.

— Пора идти, принцесса, — сказал он. Она кивнула, и конвой вывел её в коридор. Она опустила голову, позволяя локонам скрыть лицо. Сердце билось слишком сильно. Мир был резким, ежесекундно изменялся, но стража не оставила ей места, чтобы дышать, и толкала вперёд. Стоило моргнуть — и она оказалась в прихожей замка, и король обнял её за талию, а пальцы впились в живот. Она пыталась отогнать дрожь.

— Пойдём, дорогая, — сказал он с той же голодной улыбкой. — Ты станешь одной из нас.

Отвращение комом застряло в горле, и она прикусила губу, пытаясь поймать чувство, которое сможет использовать. Не беспомощность. Злость. Кровь шумела в ушах, заглушая замечания стражи, рёв толпы и музыку, что проникала сквозь дверь.

Она чувствовала, что идёт вперёд и выходит на солнечный свет. Пятна прыгали перед глазами. Огромная толпа собралась на площади, залезла на крыши, заполнила улицу, но они были куда дальше, чем в прошлый раз, когда Аврора стояла тут, отделённая от королевской семьи и рядов благородных гостей стеной стражи. Она посмотрела на толпу и увидела парня, который, может быть, был Тристаном, но он оказался слишком далеко, чтобы она была уверена. Она оторвала от него взгляд. Он не часть этого.

Родрик стоял на вершине лестницы, под аркой из роз, что выглядела так, словно сошла с картинки в книге. Он не обернулся, чтобы посмотреть на неё, когда она приблизилась.

Она взяла его за руку, касаясь пальцев, чувствуя прилив благодарности, дружбы и раскаянья из-за того, что собиралась сделать. Она не могла ему сказать. Не могла извиниться. Но могла дать ему что-то вроде свободы.

Она отпустила.

— У меня есть что сказать, — она говорила так тихо, что сомневалась, что люди слышат её, но Родрик смотрел на неё сверху вниз, а король приблизился, вновь обнимая её за талию.

— Сейчас-сейчас, моя дорогая. Потом будет время для выступления.

— Нет, — она отступила от него, заговорив громче. Краем глаза она могла видеть королеву с каменным выражением лица. — Я должна сказать сейчас.

— Аврора, — король вновь потянулся к ней, но она ускользнула, поворачиваясь к толпе. Все смотрели на неё, и внимание заставило желудок сжаться, но она отогнала это. Она

должна это сделать. Её вынудили.

— Я... Это честь для меня, что вы пришли сюда сегодня. И что столько веры вложили в меня. Реальность отличается от того, что я помню. И я слышала, что люди хотят перемен. Никакого голода. Бунтов. Войны. И, кажется, все думают, что я могу это изменить, — она могла слышать каждое своё слово, которое проносилось чётко, ясно, звеня над толпой, и как кто-то говорил в толпе, что она честная и бесстрашная. — Я не знаю, как изменить это. Не знаю, как правильно поступить. Но хочу помочь. Хочу сделать всё лучше. И я не думаю, что это неправильно, — она посмотрела на Родрика. Лицо его побледнело. — Родрик замечательный, но выйти замуж... От этого лучше не станет. Это ничего не изменит. Вещи останутся такими же, какими и были, — она хотела выступить против короля, но глотала слова. Она была достойной и уверенной. Не будет ничего, что он сможет обернуть против неё. — Так что я уйду. Пока всё не станет ясным. Поверьте мне, я не отказываюсь от вас. Но я должна идти. Чтобы понять, какая дорога будет правильной.

Молчание. А после слишком громкий смех короля.

— Дорогая Аврора! О, невеста, кажется, испугалась... — он повернулся к толпе. — Мы должны продемонстрировать ей поддержку и помочь успокоиться!

Толпа не ответила. Король схватил её за руку, больно сжимая запястье.

— Ты сделаешь так, как я говорю, — он говорил тихо и угрожающе. — Или заплатишь за это.

— Нет, — мягко, но чётко ответила она, потянула руку, но он не ослабил хватку. — Отпусти меня! — когда он сжал крепче, она повторила это так громко, чтобы все слышали. — Отпусти! — запястье, казалось, должно было рассыпаться под его руками. Он убил Изабель. Он убил её. Она не уступит.

Магия вырвалась из неё, горячая и отчаянная, разбивая богато украшенный фонтан посреди толпы. Он осыпал всех пылью и дымом. Языки пламени скользили по статуе, танцующей на воде. Аврора чувствовала пламя на сердце, кулон дракона вспыхнул. Люди кричали, а после толпа рванулась, отступая от разрушений, сделанных Авророй.

— Сейчас! — закричал стражник. Сталь блеснула. Громкий визг, и половина стражи повернула свои мечи против других, убивая их. Кровь на камне, звон металла.

Аврора метнулась назад, слишком испуганная, чтобы думать, но король всё ещё держал её за руку и дёрнул к себе. Холодный металл упёрся в горло.

— Не так быстро, девочка. Думаешь, сможешь уйти? Ты пожалеешь, что хоть когда-то открыла рот, прежде чем я тебе приказал.

Аврора слышала треск, звук ломающихся костей. Меч короля упал на пол. Родрик — с безумными глазами, бледный, — отступил от отца. На долю секунды их глаза встретились, и он почти незаметно кивнул. Король упал на землю, хватаясь за ногу, всё ещё крича. Айрис кричала, толпа вопила, и металл столкнулся в остром кровавом зловонии воздуха, а Аврора могла думать только об одном. Бежать.

Рванувшись, она схватилась за меч и помчалась по ступенькам, и юбки разлетались вокруг неё.

— Остановите её! — закричал король, но стража сражалась между собой, а дворяне были слишком заняты побегом, но когда Аврора посмотрела на него, что-то вырвалось из её груди, и он отлетел назад, прочертив путь в толпе. Ошеломлённая своей магией, она поскользнулась в луже крови, но устояла на ногах, расталкивая людей свободной рукой и своей паникой, не в силах делать ничего, кроме того, чтобы мчаться. Она не могла

остановиться ни на минуту.

Несколько человек покидали площадь по прилегающим улицам, расталкивали людей, пытались всё остановить, но паника затопила толпу и растоптала их.

Она бежала. Бежала и бежала, слепая от ужаса, по улицам. Её красивое платье, сияющее белым и забрызганное красным, её имя на устах, когда она пробежала мимо... После того, как она успела скрыться, она рванулась в узкий переулок, прижалась к стене за ящиками, пытаясь унять дыхание и понять, что случилось.

Она прибежала куда-то на западную часть города, но понятия не имела, где север и юг, сколько улиц надо пройти или что такое упоминаемая Финнеганом «Пьяная Фея». Она была потеряна. Но не могла вернуться.

— Вот и ты, девочка, — стражник, такой широкоплечий, что заполнил весь переулок, медленно подошёл к ней и занёс меч. Его лицо блестело от пота, лезвие было красным. — Пойдём. Я получу ценную награду за твое возвращение.

Она подняла меч. Он лишь усмехнулся.

— Ну, теперь мы не будем говорить мирно, — Аврора пыталась отступить назад, но некуда. — Брось его! Брось!

Они смотрели друг на друга. Тогда стражник ахнул, лишь раз, широко раскрыв глаза. Его лицо покраснело. Волосы стали дымиться. А после кожа пошла трещинами, и он превратился в пыль.

Меч зазвенел, упал на камни, и Селестина вошла в переулок. Её лицо было бледным и тонким. Губы кровоточили. Светлые волосы падали сна плечи и обвивались вокруг ног, глаза горели льдом.

— Как... Ты сделала это? — это не могла быть она, Аврора, и она отступила ещё на шаг, споткнувшись. Пожалуйста, только не она.

— Глупая девчонка, — хмыкнула Селестина. Её голос дрогнул. — Теперь ты пойдёшь со мной? Я могу тебе помочь, ты знаешь.

— Мне не нужна твоя помощь.

— Мне казалось, она была нужна пару минут назад, — Селестина скрипуче закашлялась. — Тогда дай мне немного твоей магии. Я спасла твою жизнь. Дай мне немного, и больше никаких долгов! — Селестина схватила запястье Авроры своими костлявыми пальцами. Второй она схватила её за волосы, путаясь в цветах и узелках. — Ты пылаешь ею! Каждый твой дюйм горит! Я не думала, что ты так сильна... — она провела рукой по щеке Авроры. — Только привкус. Я спасла твою жизнь и отпущу тебя, — она наклонилась, горячее дыхание коснулось Авроры. От неё пахло гнилью и пеплом. — Просто дай. Я спасла тебя.

Аврора отшатнулась. Сила вновь скрутилась в ней, ненависть. Она оттолкнула её, пламя зажгло воздух. Селестина дёрнулась в сторону. Её пальцы всё ещё были в волосах Авроры, и голова её тоже дёрнулась вперёд. Шея заболела.

Селестина тянула слишком сильно. Она приблизилась к Авроре. Их носы почти соприкасались.

— Не пытайся испугать меня, девочка. Может, я слаба, но ещё могу заставить тебя сгореть, если захочу. Сейчас ты ничто без меня. Не недооценивай меня, как делала твоя дорогая мамаша. Это ничем хорошим для нас обеих не закончится.

Аврора не посмела сдвинуться с места.

— Ты знала мою мать?

— Да, — Селестина едва улыбнулась. — Знала. Она была такой, как ты. Своенравной и не принимающей, когда была потерянной, — это не походило на мать Авроры. Она продолжала смотреть на Селестину, не говоря ни слова. — Дай мне магию, — сказала она. — Отплати за спасение своей жизни, и я расскажу, какой я её знаю. Я столько всего могла тебе рассказать...

Аврора сглотнула.

— А если я это сделаю, ты оставишь меня в покое?

— Сейчас — да, — кивнула Селестина. — Если хочешь.

Она должна знать. Даже если Селестина лгала, она должна знать.

— Ладно, — согласилась Аврора. — Давай.

Пальцы Селестины скрючились, словно когти. Она полоснула ногтями по щеке Авроры, разрезая её кожу. Прежде чем Аврора смогла отреагировать, Селестина прижала пальцы к царапинам, ногти впились в раны. Тепло распространилось по линии, пульсируя в её голове, какая-то сила промчалась по венам Авроры, схватив и сжав её грудь. Толчок пронзил руку Авроры, и девушка отпрянула.

— Да, — Селестина отпустила её, и голос её зазвучал теплее. — Спасибо.

Аврора вынуждена была держаться за стену, чтобы устоять.

— Я сделала то, что ты просила. Скажи, откуда ты знала маму.

— Потому что она пришла ко мне. Как ты однажды придёшь. Рыдающая, отчаявшаяся. Просила помощи. Ибо кто ненавистнее, чем королева, которая не может иметь ребёнка?

Аврора пошатнулась, заставляя себя держаться на ногах.

— Ложь.

— Ты всё ещё не хочешь верить? Я никогда не лгу. Она пришла ко мне. Умоляла о магии. Хотела единственное, что могло спасти её, единственное, что заставило бы людей вновь поддержать её. Она пыталась предать меня, конечно, я знала, что так будет. У неё был выбор — следовать нашему соглашению. Но нет. Поэтому есть ты.

— Ты прокляла меня, чтобы наказать мою мать?

— Я прокляла тебя, потому что ты мне нужна. Ты — это ты. Ты уколола свой палец, как твоя мать решила предать меня. Ты решила привести себя сюда. Поэтому ты однажды присоединишься ко мне, — она осмотрела переулок. — Слушай крики, Аврора. Город горит. Люди умирают из-за тебя. Если бы ты пошла со мной, как я предлагала, они были бы живы.

Аврора покачала головой.

— Это не так, — сказала она. Но это было правдой.

— Знакомая история, Аврора. Спасала город, свой контроль, решив, что так правильно. Они убьют тебя однажды. Они потянут тебя вниз, пока не останется одно ожесточение. Пока не станешь такой, как я.

— Нет. Я никогда не буду такой, как ты.

— Ты такая же, как я. Это твоё проклятье, как видишь. Не настоящая любовь, не сон, что продлится век. Это лишь нити, которые в одно мгновение привели тебя сюда. И если ты не поможешь этим людям, они тебя уничтожат. И если покажешь им, насколько сильна на самом деле... они тоже тебя уничтожат. Твоё проклятье в том, что ты не можешь помочь, не выбрав меня. Единственный вопрос в том, сколько всего ты сожжёшь по пути.

— Я лучше сожгу всё, чем буду работать с тобой.

Пальцы Селестины скользнули по щеке Авроры, оставляя кровавые пятна.

— Какое ожерелье ты носишь... Подарок Ванхельмского принца? — она провела

пальцем по цепочке. — Да, привлекательно. Тоже увлекаюсь драконами, — она скользнула назад, улыбаясь. — Мы скоро увидимся, я знаю. Завтра, на следующей неделе, через год, когда ты всё разрушишь... Ты примешь моё предложение. А пока удачи, моя дорогая.

Её шаги отдалялись. Аврора неподвижно стояла, едва смея дышать. Селестина не вернулась.

Она могла слышать панику на улицах, людей, которые кричали и кричали, звон оружия. Она не могла остаться тут, но ноги дрожали под собственным весом, лоб был жарким и липким, словно на неё нахлынула лихорадка. Её мать заключила сделку с ведьмой.

Но Селестине нельзя доверять. Она только пыталась обмануть Аврору, заморозить её. Нельзя верить её словам.

Шаги послышались в переулке. Она прижалась к стене, но человек не остановился.

Она должна идти. Сейчас.

Она смотрела на ящики. Тристан сказал, что можно пройти полгорода по крышам. Всё видеть. Может ли она пройти вот так? Ящики казались гнилыми, неустойчивыми, но если быть осторожной... Её сердце колотилась, меч сжимался в руке, и она попыталась взобраться наверх. Юбка зацепилась за сучок и порвалась. Дерево скрипело, прогибалось под ногами, но не рушилось. Наконец, она оказалась на крыше.

Люди внизу бежали, боролись. Стража была всюду. Сталкивались мечи. В небе светило солнце, близился полдень. Повернувшись к нему спиной, она поспешила на запад. Ей придётся ещё раз поверить Финнегану на слово.

Аврора слезла с крыши у западной части города. Здесь здания были ещё более редкими, дороги — избитыми. Место казалось пустынным, словно все до одного ушли на свадьбу.

Стена маячила впереди. Аврора подняла голову, взглядом скользя по зданиям. Большинство оказались изношенными хижинами, брошенными домами или старыми каменными, за которыми ухаживали только птицы. Она вновь посмотрела в небо, глядя на ленивые облака, видя рваные концы стен, башни, которые упоминал Финнеган, и несколько высоких зданий, таких кривых, словно они не могли держаться самостоятельно.

Наконец, она увидела вывеску на одном из зданий: фея в смешном наряде балансировала на канате, палочкой указывая на север. Вывеска была побитой, наполовину упала, словно кто-то регулярно за неё цеплялся.

«Пьяная фея».

Аврора поспешила к зданию, держась ближе к кривой стене. Башня выглядела ещё более ветхой. Тени выглядывали из окон, грубая канава тянулась к самой стене. Её прикрывала ежевика. Она протягивала ветви к отверстию в основании стены, достаточно большому для того, чтобы хрупкий человек пролез. И рядом был коричневый ранец, спрятанный в ежевике. Она потянулась к нему. Там была вода. Аврора жадно впилась в горлышко фляжки и пила, не останавливаясь, слишком уставшая, чтобы бояться не отравлена ли она. После, она забросила сумку на плечо и поползла в щель, пытаясь убрать ежевику с пути и сохранить равновесие. Колени царапались о твёрдую землю, юбки цеплялись за растения, которые росли вокруг, но она продолжала ползти, пока, наконец, не запуталась в кустах. Её плечи ударились о стену, и она испугалась, что застряла тут навсегда, но после умудрилась вывернуться и вынырнула на свежий воздух.

Лес окружил стены своими высокими ветвями. Свет просачивался сквозь вечнозелёную траву, тогда как вокруг расстилались бутоны нераскрытых цветов — розовые, белые, зелёные, ветви всё ещё оставались голыми у склоненных к земле деревьев. Запах сосны щекотал ноздри. Аврора могла слышать птиц, которые куда-то спешили и щебетали бесконечным хором.

Пахло домом. Аврора прижала руку к ближайшему дубу. Корявые кольца на стволе, казалось, шептали историю кончикам пальцев, бежали по кругу, всё глубже и глубже, старше и старше.

Каждая её часть, связанная с прошлым, несла в себе сожаление за события этого месяца — и принцесса была разорвана и сожжена, не оставив от себя ничего, кроме пустоты. Она состояла из смеси вины, страха и эгоизма, но впервые за последние недели её жизнь была свободна от сжимающей грудь паники, ничто не тянуло её вниз. Она дышала под открытым небом, и теперь, даже на мгновение, могла стать тем, кем хотела. И никто — ни король, ни Айрис, ни Тристан, ни Селестина — не могли это отнять.

Она зашагала мимо деревьев.

Свет прорывался пятнами сквозь ветви, а птицы щебетали над её головой в ожидании весны. От спешки её колени дрожали, и она присела на ствол упавшего дерева, положив раскрытую сумку на колени. Внутри оказалось шерстяное платье — современное, но дешёвое. Идеальное для побега. Она потянулась к нему, запихивая окровавленное свадебное платье в сумку. Кровь прилипла к пальцам, и она не понимала, как она сюда попало. Это не

могло принадлежать никому.

Люди умерли из-за неё. Они умирали, а она бежала, не оглядываясь. Но смерть была неизбежной, независимо от её выбора. Она перебирала возможные варианты с тех пор, как проснулась.

Она опустила голову на ствол дерева, и цепочка ударилась о древесину.

Подарок Финнегана. Серебряный дракон и записка на ладони.

Она просунула пальцы под ленту на её свадебном платье. Бумага была там. Она развернула пергамент, который оказался чуть больше её ладошки.

Карта. Крошечная, но подробная, с городом, со зданиями, окружёнными водой. Ванхельм. Звезда в центре отмечала огромное здание — дворец. А за рекой слева картограф изобразил дракона, похожего на того, которого она носила на шее.

Внизу кто-то написал сообщение чёрными чернилами. Они были чуть размыты, но Аврора смогла разобрать слова.

«Сожги их всех, маленький дракон».

Она почти что скомкала её, но остановила себя и вместо этого аккуратно положила в сумку. Он помог ей. Он говорил ей то, что она не хотела слышать, говорил правду. И предупредил, что побег невозможен без потерь. Она не могла доверять ему пока что, но в один прекрасный день... в один прекрасный день он может оказаться полезным.

Когда она зашагала вновь, она шла медленно, позволяя рукам скользить по стволам каждого дерева, мимо которого она проходила. Она не дракон. Она не знала, кто она.

Земля рвалась вверх, и она поднималась, используя корни, словно ступеньки. Она никогда прежде не углублялась так сильно в лес. Она сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить своё сердце. Дыхание перехватило в груди, когда она заглянула за край холма.

Впервые она увидела безлесые склоны, озеро среди долины. Оно отражало днём солнце, но поверхность была далекой от гладкой, потревоженной оленями и плеском птиц. За озером тянулись деревья — бесконечное одеяло зелени.

На мгновение она замерла. А после побежала, и юбки развевались за спиной. Мешок упал за спиной, звеня монетами — её спасением. Она ни о чём не думала, падая и куваркаясь по земле, катясь к озеру.

Но она была там, где оказалась, и никто ей больше не будет указывать. У неё не было пути, по которому она должна была следовать. Её вели лишь инстинкт и желания, чувства, что её ждут там, в мире за деревьями. Обязанности догонят её, и она вновь будет играть свою роль, но только не сейчас.

Больше книг на сайте - Knigolub.net